

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского университета

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 13

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

№ 3 · 2023 ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ИСТОРИЯ

- Хазизова К.В.* Отношения между государствами Корё и Сун в период правления вана Инджона (1122–1146) 5
- Пироженко О.С.* Из истории корейского законодательства в XIV–XV вв. 21
- Вострикова Е.А.* «Изображение собраний» *кехведо* как исторический источник и произведение искусства 37
- Ки Квансо.* Создание северокорейского государства и Т.Ф. Штыков 60
- Матвеев Ф.Ю.* Религиозный фетишизм в жизни земледельческих общин центральной Аравии в первой половине XVIII в. (по материалам ранних богословских и исторических трудов ваххабитских ученых) 77

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Бречалова Е.В.* О соотношении некоторых диалектных и эталонных служебных показателей в переложении на кёнсанский диалект повести А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» 86
- Крнета Н., Румак Н.Г.* Глагол *курэру* как пример энантиосемии в японском языке. Анализ корпусных данных и результатов опроса информантов 109

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Солдатова М.В., Пак К.А.* «Удачный день» в истории корейской литературы XX в. 131

ЭКОНОМИКА

- Кукла М.П.* Трансформация экономической стратегии Республики Корея в конце 1970-х гг.: переход к дерегулированию в последние годы президентства Пак Чонхи 147
- Андреанов В.Д.* Республика Корея на пути построения зеленой экономики 161

РЕЦЕНЗИИ

- Асмолов К.В.* Рецензия на книгу: «Внешняя политика и дипломатия Республики Корея: учебное пособие». М.П. Кукла, Л.Е. Козлов, Е.М. Ермолаева, К.А. Пак, В.И. Волощак 180

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Бессонова Е.Ю., Кондратьева Е.Н., Кондрашевский С.А., Кудряшова А.В., Сергеева А.А.* Межвузовское сотрудничество: реализация программ ДПО и новые контакты 185

CONTENTS

HISTORY

<i>Khazizova K.V.</i> Koryō–Song Relations during the Reign of King Injong (1122–1146)	5
<i>Pirozhenko O.S.</i> On History of Law in Korea in XIV-XV Centuries . . .	21
<i>Vostrikova E.A.</i> «Gathering Painting» <i>Kyehoedo</i> as a Historical Source and Work of Art	37
<i>Kee Kwang-seo.</i> Creation of the North Korean State and T. F. Shtykov .	60
<i>Matveev F.Y.</i> Fetichism in central Arabia in the first half of the 18th century (on the basis of early Wahhabi religious and historical works)	77

LINGUISTICS

<i>Brechalova E.V.</i> On the correspondence between some morphological forms of the standart Seoul language and Kyōngsang dialect forms in the Kyōngsang adaptation of the story «the little prince» by a. De Saint-Exupery	86
<i>Krneta N, Rumak N.G.</i> Kureru verb as an example of enantiosemy in Japanese language. Analysis of corpus data and results of informant survey	109

LITERATURE

<i>Soldatova M.V., Pak K.A.</i> “A Lucky Day” In History of 20 th Century Korean Literature	131
--	-----

ECONOMICS

- Kukla M.P.* The transformation of the economic strategy of the Republic of Korea in the late 1970s: the transition to deregulation during the last years of Park Chung-hee's presidency 147
- Andrianov V.D.* The main stages of creating a green economy in South Korea 161

REVIEW

- Asmolv K.V.* Book review: Foreign policy and diplomacy of the Republic of Korea. M.P. Kukla, L.E. Kozlov, E.M. Ermolaeva, K.A. Pak, V.I. Voloshchak 180

SCHOLARLY LIFE

- Bessonova E.U., Kondratyeva E.N., Kondrashevsky S.A., Kudryashova A.V., Sergeeva A.A.* Interuniversity cooperation: implementation of further education programs and new contacts 185

ИСТОРИЯ

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-1

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ КОРЁ И СУН В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ВАНА ИНДЖОНА (1122–1146)

К.В. Хазизова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; minari@yandex.ru

Аннотация: Период правления вана Инджона (вторая четверть XII в.) не случайно был выбран для описания истории корёско-сунских отношений. Активные взаимоотношения между корейским государством Корё (918–1392) и китайской империей Сун (960–1279) начались в XI в. Они развивались по нескольким направлениям. Прежде всего, это был обмен дипломатическими миссиями равного статуса: в мирные годы государства ежегодно обменивались одним-двумя посольствами, причем иногда сообщения из Сун привозили торговцы, на свободу передвижений которых международная обстановка практически не влияла. Активно развивался торговый обмен, затрагивавший соседнее государство Ляо (907–1125), с которым Сун вело опосредованную торговлю через Корё. Последним направлением были взаимные поездки буддийских монахов и обмен религиозной литературой.

В начале XII в. оба государства подверглись серьезным внутривнутриполитическим испытаниям: в Корё это были восстания Ли Джагёма и Мёчхона, в Сун — Сун Цзяна и Фан Ла. Также оба государства столкнулись с масштабной внешней угрозой в лице государства Цзинь (1115–1234), которое в 1126 г. принудило Корё признать вассальную зависимость, а в 1127 г. отторгло у Сун северные территории, положив начало разделению на эпохи Северной и Южной династии. Сун неоднократно просило Корё выступить на его стороне против Цзинь, однако корейский ван предпочел сначала занять нейтральную позицию, а потом покориться чжурчжэням, чтобы избежать войны. Подобное отношение вызывало недовольство государства Сун, однако оно не имело возможности повлиять на решения Корё. Вскоре после окончательной утраты северных территорий Южное Сун практически прекратило официальные дипломатические контакты с Корё.

Ключевые слова: Корё, Сун, Цзинь, Ляо, ван Инджон, чжурчжэни, кидани, дипломатические отношения, *госиньши* (*куксинса*), Пённандо

Для цитирования: Хазизова К.В. Отношения между государствами Корё и Сун в период правления вана Инджона (1122–1146) // Вестн. Моск. ун-та.

KORYŎ–SONG RELATIONS DURING THE REIGN OF KING INJONG (1122–1146)

Ksenia V. Khazizova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; minari@yandex.ru

Abstract: The period of king Injong's reign (the second quarter of the 12th century) was specially chosen to describe the history of Koryŏ–Song relations. Active contacts between the Korean state Koryŏ (918–1392) and the Chinese Song Empire (960–1279) began in the 11th century. They developed in several directions. First, it was an exchange of diplomatic missions of equal status: in peaceful years, states exchanged one or two embassies annually, and merchants who had a certain freedom of action and did not depend much on the political situation sometimes brought messages from the Song. Trade exchange developed more actively, including the neighboring state of Liao (907–1125), with which the Song conducted indirect trade through Koryŏ. The last direction was mutual trips of Buddhist monks and the exchange of religious literature.

At the beginning of the 12th century, both states faced enormous difficulties in domestic politics: the uprisings of Lee Jagyŏm and Myoch'ŏn in Koryŏ, and Song Jiang and Fang La in Song. In addition, both states faced a serious external threat in the face of the Jin state (1115–1234), which in 1126 forced Koryŏ to recognize vassalage, and in 1127 tore off the northern territories from the Song, marking the beginning of the division into the epochs of the Northern and Southern dynasties. Song repeatedly asked Koryŏ to take its side against Jin, but the Korean king preferred to observe neutrality first, and then submit to the Jurchen state in order to avoid war. This attitude caused dissatisfaction with the Song government, but it had no way to influence the decisions of the Korean neighbor. Shortly after the final loss of the northern territories, the Southern Song practically ceased official diplomatic contacts with Koryŏ.

Keywords: Koryŏ, Song, Jin, Liao, king Injong, Jurchen, Khitan, diplomatic relations, *gosinshi* (*kuksinsa*), Pyŏkrando

For citation: Khazizova K.V. Koryŏ–Song Relations during the Reign of King Injong (1122–1146). *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2023, Vol. 67, No. 3, pp. 5–20. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-1 (In Russ.)

Китайская империя Сун (960–1279) была провозглашена спустя несколько десятилетий после объединения государств Корейского полуострова Ван Гоном (王建 왕건, род. в 943, ван Тхэджо 太祖 태조, правил 918–943) и основания единого государства Корё (918–1392). Исторически между китайскими империями и корейскими государствами складывались тесные взаимовыгодные торговые контакты,

которые подкреплялись политическими отношениями в различной форме.

На раннем этапе корёско-сунских отношений в X в. корейцам постоянно приходилось балансировать между Сун и киданьским государством Ляо (907–1125), которые враждовали между собой и стремились перетянуть Корё на свою сторону. После того, как в 993 г. Корё расширило свою территорию до р. Амноккан (кит. Ялуцзян), а в 1018 г. окончательно отбросило киданей от своих границ, тем самым помешав им напасть на Сун, оно получило право преимущественной пограничной торговли с киданьскими племенами вдоль реки. В результате в первой половине XI в. были установлены мирные взаимовыгодные отношения с Ляо, вполне устраивавшие Сун и дававшие ему возможность в полной мере продемонстрировать свой более высокий статус по сравнению с киданями, поскольку напряженные отношения между ними еще какое-то время сохранялись. Так, торговцам из Ляо был запрещен доступ на китайскую территорию, и они могли попасть туда только в составе корёских посольств. Сунским торговцам также был закрыт доступ в Ляо, и, таким образом, Корё активно вело посредническую торговлю между своими ближайшими северными соседями, получая от этого несомненную экономическую и политическую выгоду¹.

С другой стороны, отражение агрессии Ляо способствовало росту влияния Корё, и Сун закономерно опасалось этого, желая в то же время сближения. Лучшим выходом из непростой ситуации оказалось налаживание дипломатических, культурных и торговых связей. После установления стабильности в регионе, с XI в., два правительства регулярно обменивались посольствами с дарами и посланиями с выражением дружеских чувств. Следует отметить, что сунские правители глубоко уважали Корё за высокий уровень культуры, поэтому к корёским послам применялся тот же термин, что и к сунским, — *госиньши* (國信使, кор. *куксинса* 국신사, букв. «доверенное лицо государства»), в отличие от других государств, которые отправляли в Сун посланников в более низком статусе *чаогунши* (朝貢使, кор. *чогонса* 조공사, букв. «посланник с данью»)². Сунские власти отбирали послов из числа высокообразованных чиновников, что также было призвано подчеркнуть равный с Китаем уровень корейского государства. В этом отношении интересные сведения можно почерпнуть из труда сунского ученого и дипломата

¹ Breuker, Remco E. When Truth Is Everywhere: The Formation of Plural Identities in Medieval Korea, 918–1170. University of Leiden, 2006. P. 235–236.

² Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М.: Восточная литература, 2010. С. 178.

Сюй Цзина (1091–1153) «Гаоли туцзин» (高麗圖經 «Иллюстрированное повествование о Корё», 1124), составленного по итогам его поездки в Корё с посольством, возглавляемым *госиньши*, *шиланом* Ведомства ритуалов Лу Юньди (路允迪) в 1123 г., незадолго до гибели Северной Сун в 1127 г. «Молодой корёский ван Инджон показался китайскому гостю истинным конфуцианцем, строгим и последовательным в соблюдении этикета, и большим знатоком классических текстов. Восхищение вызвала и дворцовая библиотека с великолепным собранием сунских текстов. <...> Устраивавшиеся во дворце лекции по конфуцианской философии казались Сюй Цзину копией с собственно сунских придворных обычаев. <...> В целом, нарисованная сунским послом картина наглядно показывает как сходства, так и различия в экономике, духовной жизни и обиходе Китая и Корё времен расцвета раннекорёской культуры»³.

Сунские посольства, прибывавшие в Корё, традиционно располагались в Пённандо (碧瀾渡 벽란도) в устье р. Есонган, примерно в 17 км от столичного Кэгёна (совр. Кэсон, КНДР). Пённандо был международным торговым портом, через который осуществлялась морская торговля с Китаем. Резиденция сунских послов носила название Пённанджон (碧瀾亭 벽란정, букв. «Павильон яшмовых волн»). Также этот порт посещали, пусть и менее малочисленные, торговцы из Японии, государств, находившихся на территории современных Вьетнама, Таиланда и Индии, и арабских стран. Существует популярная версия, что именно через Пённандо слово «Корея» (искаженное «Корё») проникло в Европу.

Что касается корёских торговцев, они также часто ездили в Сун по морю, обычно останавливаясь в порту Минчжоу (明州, совр. Нинбо пров. Чжэцзян), реже в Ханчжоу (杭州, совр. пров. Чжэцзян) или Дэнчжоу (鄞州, совр. пров. Хэнань). Любопытно, что и китайские, и корейские торговцы не зависели от официальных посольств, а изредка даже выполняли их функции по доставке дипломатических посланий. Например, в записи «Корёса» от 1138 г. говорится: «Сунский торговец Юй Ди <...> прибыл в Корё из Минчжоу и привез сообщение о кончине бывшего императора Хуэй-цзуна...»⁴. Нидерландский

³ Тихонов В. М., *Кан Мангиль*. История Кореи. Т.1. С древнейших времен до 1904 г. М.: Наталис, 2011. С. 321–322.

⁴ Корёса. Квон 16. Сера 16. Инджон 2, 16 нён (1138) муонён 3 воль кёнджаиль. [Корёса (История [государства] Корё). Книга 16. История поколений 16. [Правление вана] Инджона [часть] 2, 16 год (1138), год *муо*, 3 месяц, день *кёнджа*.] URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1624071&categoryId=62161&cid=62131> (дата обращения: 22.05.2023).

исследователь Р. Брёкер полагает, что «китайские и корейские купцы имели давние традиции взаимодействия со времен Пэкче и Силла и потому обладали значительной степенью независимости от политической ситуации; например, в конце X в., когда сунско-корёские отношения охладели, объем международной торговли увеличился в разы»⁵. Из Китая в Корё обычно ввозили шелк, лекарства, фарфор, книги, благовония и предметы роскоши, а обратно везли золото, серебро, медь, женьшень, а также ювелирные изделия. Но особенным спросом у китайских торговцев пользовались корейские книги и бумага, кисти и тушь⁶.

Очень активно укреплению взаимоотношений двух государств способствовали буддийские монахи, путешествовавшие из Китая в Корею и обратно, посещавшие монастыри, привозившие религиозную литературу и последние новости. В 1085 г. наставник Ыйчхон (義天 의천, 1055–1101, брат вана Сонджона, 1083–1094) якобы тайно покинул страну на сунском торговом корабле, чтобы совершить путешествие по Китаю. Придворные чиновники опасались, что визит корёского принца в Сун осложнит отношения Корё и Ляо. Ыйчхон построил в Ханчжоу в храме Хуэйюаньсы павильон секты Хаомо (кит. Хуаянь) и несколько пагод, в итоге весь комплекс получил название «Гаолисы» (高麗寺 «Корёский монастырь»). Его посещали и китайцы, и корёсцы, сформировавшие к тому времени в Ханчжоу крупную влиятельную общину⁷.

Переломным периодом в корёско-сунских отношениях стало правление вана Инджона (仁宗 인종, род. в 1109, правил 1122–1146)⁸. Вскоре после восшествия Инджона на престол в 1127 г. началось масштабное восстание аристократов, возглавляемых тестем вана Ли Джагёмом⁹. Спустя несколько лет, в 1135 г., в Пхеньяне (тогда

⁵ Breuker, Remco E. Op.cit. P. 238.

⁶ Хан Ёнью. Указ. соч. С. 179–180.

⁷ См.: Хан Ёнью. Указ. соч. С. 179–180; Тихонов В.М., Кан Мангиль. Указ. соч. С. 323.

⁸ Старший сын вана Еджона (1105–1122) от супруги Сундок из рода Ли.

⁹ Ли Джагём (李資謙 이자겸, ?–1127) был внуком Ли Джаёна, который выдал трех дочерей за вана Мунджона (1046–1083) и тем самым обеспечил своему клану почет и процветание; его отец Ли Хо выдал дочь (сестру Ли Джагёма) замуж за вана Сунджона (сын Мунджона, правил менее года, 1083); а сам Ли Джагём выдал первую (старшую) дочь за Еджона, а третью и четвертую — за Инджона, еще более укрепив положение своего рода при дворе. Известно также, что Ли Джагём занял большинство высших постов по «праву тени» (*ымсо*). Ли Джагёму доверили опеку над малолетним ваном, и он фактически стал первым лицом государства, обладая неограниченной властью, и сразу принялся устранять соперников из числа недозвольных чиновников. Ли Джагёма постоянно обвиняли в коррупции, и в 1127 г. оппозиция попыталась устранить его, однако он выжил и поджег ванский дворец,

Согён — «Западная столица») произошло восстание под предводительством буддийского монаха Мёчхона¹⁰, подавление которого заняло несколько месяцев. После этого в государстве, уставшем от внутренних усобиц, создались предпосылки для «более миролюбивой конфуцианской политики и отказа от продвижения на север»¹¹.

Что касается империи Сун, для нее вторая четверть XII в. стала временем кардинальных преобразований, как во внутренней, так и во внешней политике. Так, в 1114–1119 гг. происходила заключительная стадия пятой китайско-тангутской войны по вопросу демаркации участков границы между Северной Сун и Си Ся. Кроме того, еще в 1113 г. чжурчжэньское государство Цзинь (1115–1234) атаковало клонившееся к упадку государство Ляо, и империя Сун, будучи давним противником киданьской империи, в 1120 г. вступило с Цзинь в военный союз¹². Одновременно в Сун разгорелось несколько крупных восстаний, которые серьезно обострили внутреннюю обстановку в стране и оттянули на себя часть армии, которая должна была вместе с Цзинь атаковать Ляо¹³.

чтобы вынудить Инджона переселиться в усадьбу клана Ли. Существует предположение, что там вана пытались вынудить отречься от престола и даже дважды отравить. В конце концов сторонники правителя смогли освободить его из заключения, а Ли Джагём был арестован и отправлен в ссылку, где вскоре скончался при невыясненных обстоятельствах. *Подробнее см.: Корёса. Книга 127. Биографии 4. Предатели и изменники 1. Ли Джагём.*

¹⁰ Мёчхон (妙淸 묘청, ?–1135) был лидером местной группировки, возвысившейся благодаря стремлению вана Инджона, напуганного мятежом представителя столичной знати Ли Джагёма, найти опору в среде провинциального чиновничества. Он настаивал на переносе столицы в Согён, именовании вана императором и отказе от конфуцианства в пользу местных верований. Для того, чтобы показать серьезность своих намерений, он поднял вооруженное восстание и провозгласил создание государства Тэвигук (大爲國 대위국, «Государство великих деяний»). Также он ратовал за начало военных действий против набравшего силу чжурчжэньского государства Цзинь. Мятеж был подавлен правительственными войсками под руководством Ким Бусика (金富軾 김부식, 1075–1151), прославившегося как автор «Самгук саги» («Исторических записей Трех государств»).

¹¹ Хан Ёнъю. Указ. соч. С. 197.

¹² История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279) / отв. ред. И.Ф. Попова; Ин-т восточных рукописей РАН. М.: Наука; Вост. лит., 2016. С. 261–263.

¹³ После падения Ляо в 1125 г. чжурчжэни потребовали от Сун подписания неравноправного договора по вопросу о разделе бывших киданьских территорий, под предлогом того, что сунская армия почти не участвовала в сражениях. Также Сун обязалась выплачивать Цзинь огромную дань, составлявшую шестую часть налоговых поступлений от переданных империи областей. Однако «для китайцев важнее, чем даннические выплаты чжурчжэням, было то, что договор определили не как “родственный”, а как “дружеский”. Такое различие скрывало за собой специфическую дипломатическую тонкость. При заключении “родственного союза”

В 1126 г. Цзинь потребовало от Сун официального признания вассальной зависимости, и императору Цинь-цзуну (1125–1127) пришлось пройти через унижительный ритуал. А переломным моментом в истории династии стал 1127 г., когда войска Цзинь захватили сунскую столицу Кайфэн, включив в своё государство север Китая. Бывший император Хуэй-цзун (1100–1125) и отрекшийся от престола в 1127 г. Цинь-цзун были уведены в плен в Маньчжурию¹⁴. В 1127 г. девятый сын Хуэй-цзуна Чжао Гоу был провозглашен императором под именем Гао-цзуна (1127–1162)¹⁵.

В этой непростой обстановке Корё встало перед выбором: поддержать заведомо более слабую, однако истинно китайскую, «ханьскую» империю Сун, с которой у него сложились многовековые добрососедские отношения, или «варварское», но гораздо более сильное и потому опасное государство Цзинь. Следует отметить, что чжурчжэни всерьез строили планы если не по завоеванию Корё, то по превращению его в вассала-данника. В частности, они утверждали, что предок основателя их династии Ваньянь Агуды (1068–1123, император Тай-цзу, 1115–1123) Айцинь Цзяоло был корёсцем, и Корё является их прародиной¹⁶. Сначала правительство Корё весьма жестко выразило свое возмущение требованиями признать вассалитет, однако с течением времени ван Инджон пришел к выводу, что безопаснее будет согласиться, поскольку Корё не было готово воевать с огромной армией, только что успешно разгромившей киданей. В результате в 1126 г. Корё подписало соглашение о признании Цзинь сюзереном и выплате дани. В 1128 г. Цзинь попытались также поднять вопрос о передаче им ряда территорий вдоль пограничных рек Амноккан и Туманган (кит. Тумыньцзян), однако в этом Инджон

пришлось бы вновь договариваться о характере “родственных отношений” Агуды и Хуэй-цзуна. Так как чжурчжэньский правитель был на 14 лет старше китайского императора, послы больше всего опасались, что он откажется именовать себя “младшим братом”. Вместе с тем “дружеский” договор предполагал признание равного статуса обеих сторон. Поэтому есть веские основания говорить, что уже на раннем этапе сунско-цзиньских отношений чжурчжэньские лидеры добились больших успехов в утверждении своего равенства с Китаем, чем киданьские. В результате договор <...> как и следовало ожидать, вслед за неудачами в войне с Си Ся и восстаниями, усилил массовое недовольство правительством». Там же. С. 265–266.

¹⁴ Там же. С. 268, 271–272.

¹⁵ Этот год считается рубежом между эпохами Северной и Южной Сун. Северная часть империи, граница которой проходила по р. Хуанхэ, оказалась под контролем Цзинь, которое провозгласило там марионеточное государство Чу. Война между Южной Сун и Цзинь за возвращение Северного Китая продолжалась до 1234 г., когда Цзинь пало в результате монгольского нашествия.

¹⁶ Хан Ёнью. Указ. соч. С. 196.

проявил твердость и дал понять, что Корё готово платить дань, и не более того (подробнее см. ниже).

В 1122–1126 гг. дипломатические контакты Корё и Сун, согласно официальной летописи «Корёса»¹⁷, были весьма немногочисленными: дважды в год в Кэгён прибывало официальное посольство, причем в 1123 г. на него была возложена миссия поздравить вана Инджона с восшествием на престол и принести соболезнования по случаю кончины вана Еджона. Однако уже с 1126 г., когда в сунско-цзиньских отношениях наметилась напряженность, Сун неоднократно направляло в Корё послания с требованием выступить на его стороне в противостоянии с «варварами». Корёское правительство, как уже упоминалось, довольно быстро пришло к решению не воевать с чжурчжэнями, поэтому сунскому послу был дан вежливый, но твердый ответ: Корё, безусловно, высоко чтит добрососедские отношения с Сун, но корёская армия так слаба и плохо натренирована, что не готова к военным действиям. В послании содержалось обещание вступить в войну на стороне Сун, когда войска будут готовы, но и корёсцы, и сунцы прекрасно понимали, что это лишь слова.

В 1128 г. в Корё прибыл новый посол теперь уже Южной Сун *шан-шу* Ведомства наказаний Ян Инчэн (楊應誠), который также передал требование императора вступить в войну с Цзинь и помочь вернуть северную часть империи. В отличие от главы предыдущей миссии, Ян Инчэн вел себя весьма надменно и всячески демонстрировал свое нежелание общаться с корёскими сановниками до тех пор, пока не получит положительный ответ на послание. Так, он отказался принимать участие в подготовленных для посольских чиновников увеселениях под предлогом, что Пённанджон, где они проживали, находится слишком далеко от столицы. Когда же ему было передано послание вана Инджона, где уже недвусмысленно говорилось о невозможности начать военные действия против Цзинь, он отказался присутствовать на прощальном пиру в его честь, вернул дары, предназначенные для передачи императору Сун, и покинул Корё. Спустя несколько месяцев Корё было вынуждено направить в Сун посольство с разъяснением своей позиции, принятой с пониманием. Аналогичная ситуация повторилась в 1131 г.

При этом Корё продолжало настаивать на неизменно дружеском отношении к Сун как к высококультурному и достойному государству; например, в записи от 8 месяца 1129 г. говорится: «Ван повелел

¹⁷ Здесь и далее подробно см. *Хронологию* ниже.

<...> провести в Соджиксо публичное чтение сунского трактата “Чжунъици” (忠義集 “Собрание [сочинений] о верности и долге”)).

Любопытно, что Корё всерьез опасалось, что действия сунских посольств могут негативно сказаться на его отношениях с Цзинь и привести к военным действиям. В частности, послов просили путешествовать морем, а не по суше, поскольку в последнем случае они неминуемо пересекут территорию, контролируемую цзиньскими войсками, и это может быть расценено как попытка Корё пренебречь вассальными отношениями. Сунское правительство не осталось в долгу и в 1132 г. попросило Корё некоторое время не присылать посольства под предлогом, что возможно новое нашествие «варваров с севера». Южнокорейский историк Ли Джонсин полагает, что это было пассивным выражением отказа от переноса начала сезонной торговли на более поздний срок в ситуации, когда Корё пыталось укрепить свой статус, ведя торговый обмен и с Цзинь, и с Сун¹⁸. С другой стороны, это послание датировано 5-м месяцем, и не исключено, что оно было связано именно со временем года, ведь посольство не могло быть снаряжено ранее, чем через несколько месяцев, ближе к зиме, когда ехать в Сун было небезопасно¹⁹.

В 1133 г. Корё сделало попытку направить в Сун посольство морским путем, в обход театра военных действий, но шторм нарушил планы и вынудил миссию вернуться. А в 1135 г. во время мятежа Мёчхона правительство Сун прислало посольство с предложением военной помощи для умирения восставших. Однако, хотя китайцы и обещали прислать армию по первому зову, в речи посланника прозвучала оговорка, что путь в Корё труден и долог, море штормит, и армия вряд ли сможет добраться в срок. Тем не менее, подчеркнул посланник, Сун готово прислать армию по первой просьбе, и со стороны Корё было бы благородно поступить так же, прислав войска для борьбы с Цзинь, как и было обещано несколько лет назад. На это ван Инджон ограничился выражением благодарности и еще раз просил передать императору, что для Корё выгоднее оставаться

¹⁸ Ли Джонсин. Корё-ый тэве кванге-ва Мёчхон-ый нан [Внешняя политика Корё и мятеж Мёчхона] // Сачхон [Всё об истории], 45. 1996. С. 77.

¹⁹ «Чжурчжэни, привыкшие к холодному климату, плохо переносили летнюю жару. Кроме того, от нее портилось их вооружение (размягчался клей из рыбьих пузырей, скреплявший луки), а для боевых коней весной было трудно найти фураж. Поэтому чжурчжэни предпочитали с наступлением весеннего периода возвращаться в родные земли, отправляя скакунов на пастбища, и возобновлять войну осенью, после начала холодов и созревания урожая. Соответственно, китайцы считали наиболее благоприятным временем для борьбы с чжурчжэнями разгар лета, т. е. 6-й месяц». См.: История Китая. Т. IV. С. 269.

«буферной зоной» между Цзинь и Сун, и он надеется, что император поймет его устремления и согласится с ними.

В 1137 г. власти Корё помогли нескольким сунским подданным вернуться домой, предоставив корабли, за что удостоились благодарности от императора. С этого времени и до смерти вана Инджона в 1146 г. в летописи не было упомянуто ни одного визита либо отправки посольства, что явно свидетельствует о сокращении дипломатических контактов между Корё и Южной Сун в условиях, когда корейцы категорически отказались помогать китайцам в возвращении отторгнутых территорий.

Таким образом, мы видим, что в сложных внешне- и внутриполитических условиях, в которых оказалось государство Корё в правление вана Инджона, дипломатические отношения с империей Сун развивались крайне неравномерно. В мирные годы государства ежегодно обменивались одним-двумя посольствами, причем иногда сообщения из Сун привозили торговцы, имевшие определенную свободу действий и не сильно зависевшие от политической ситуации. Пик отношений пришелся на период с 1125 по 1135 гг., когда Сун подверглось нападению чжурчжэньского государства Цзинь и искало помощи у давнего друга и соседа Корё, а последнее сначала заняло нейтральную позицию, а потом и вовсе согласилось стать вассалом Цзинь, чтобы избежать войны. После 1135 г., когда в Корё наладилась внутривосточная ситуация, а Южное Сун поняло, что сосед не станет помогать с возвращением северных территорий, дипломатический обмен свелся практически к нулю и продолжался столь же нерегулярно при следующем вана Ыйджоне (1146–1170).

Хронология дипломатических отношений Корё и Сун при вана Инджоне (1122–1146)²⁰

1122 г., 6 мес.
день <i>чонми</i>	Из Сун прибыло посольство из 69 человек во главе с посланником <i>чидеши</i> (持牒使, кор. <i>чичхонса</i> 지첩사) <i>цзиньшу сяовэй</i> Яо Си (姚喜).
1123 г., 1 мес.
день <i>капча</i>	Из Сун прибыло посольство во главе с посланником <i>чидеши</i> Сюй Ли (許立).
—, 6 мес.
день <i>кабо</i>	Из Сун прибыло посольство во главе с посланниками <i>госиньши</i> (國信使, кор. <i>куксинса</i> 국신사) <i>ишланом</i> Ведомства ритуалов Лу Юньди (路允迪) и <i>чжуншу иэжэнем</i> Фу Моцином (傅墨卿). Лу Юньди прибыл в сопровождении Сюй Цзина (徐兢) и пробыл в Корё около месяца.

²⁰ Составлена по: Корёса. Книга 15–17. История поколений 15–17. [Правление вана] Инджона 1–3.

- день *кёнджа* Ван Инджон принял послание из Сун с поздравлениями по случаю восшествия на престол и подарками.
- день *кемё* Ван получил из Сун послание с выражением скорби по поводу кончины предшествующего правителя [Еджона] и дарами для поминального храма Хондан. Лу Юньди [также] обратился к вану с личным обращением, выразив соболезнования по поводу кончины [вана Еджона] и пожелания процветания новому правителю.
- Ван выступил с ответной речью, выразив благодарность и надежду на дальнейшее благотворное развитие отношений с Сун, подчеркнув лояльность Корё.
- , 7 мес.
день *синю* Посольство Лу Юньди отправилось домой, перед отъездом вновь выразив соболезнования.
- 1124 г., 5 мес.
день *кёнджа* Из Сун прибыл торговец Лю Чэн (柳誠) в сопровождении 49 спутников, привез письмо, в котором речь шла о судьбах двух китайцев, переехавших жить в Корё.
- , 7 мес.
день *муджа* В Сун послали *пуса* Военного бюро (Чхумильвон) Ли Джадока (李資德 이자덕) и *сынвона* Цензората (Осадэ) Ким Бучоля (金富轍 김부철), чтобы передать императору послание с выражением благодарности и особые дары.
- 1126 г., 3 мес.
дни *синмё,*
ыльми На северной границе участились атаки со стороны государства Цзинь, чиновники и ван решали, стоит ли заключать с ними дипломатические отношения, либо готовиться к войне, поскольку они напали на Сун, с которым у Корё добрососедские отношения.
- , 7 мес.
день *чонмё* Из Сун прибыло посольство во главе с *гэмэнь чжихоу* Хоу Чжаном (侯章) и Гуй Чжунфу (歸中孚), которые передали вану послание императора Цинь-цзуна, вступившего на престол после отречения Хуэй-цзуна, с требованием начать военные действия против Цзинь, дабы подтвердить свою лояльность Сун.
- день *кеми* Передав послание, Хоу Чжан быстро собрался обратно в Сун, однако перед отъездом еще раз обратился к вану Инджону с требованием помощи, на что ван ответил, что Корё на протяжении двух столетий было лояльно к Сун и готово всячески его поддерживать, но возразил: как может маленькая изолированная страна справиться с полчищами варваров, перед которыми бессилён даже великий Китай? «Однако [с нашей] слабой военной мощью кажется невозможным победить варваров, [которые только] набирают силу». Он обещал начать военные действия, как только будет подготовлено вооружение и натренированы воины. Ван отметил, что еще несколько месяцев назад Корё отправило в Цзинь письмо с предложением дружбы, однако ответа не получило.
- Также ван передал императору Цинь-цзуну послание, в котором Корё обещало вступить в войну с Цзинь после того, как накопит силы, поскольку «нельзя не последовать приказу».

- “—, 9 мес. *Луся* Военного бюро Ким Бусик (金富軾 김부식) и *сиран* Ведомства наказаний (Хёнбу) Ли Джуён (李周衍 이주연) отправились в Сун с поздравлениями по случаю восшествия императора Цинь-цзуна на престол.
- 1127 г., 5 мес. По дороге в сунский [порт] Минчжоу посольство во главе с Ким Бусиком встретилось с цзиньской армией и было вынуждено повернуть обратно и возвратиться в Корё.
- “—, 7 мес. Из Сун прибыло посольство во главе с *фуши* (губернатором) Минчжоу Чжан Шэнем (張詵).
- 1128 г., 3 мес. Из Сун прибыл торговец Цай Шичжан (蔡世章) с сообщением о восшествии на престол императора Гао-цзуна.
- “—, 6 мес. Из Сун прибыло посольство во главе с посланниками *госиньши*: *шаншу* Ведомства наказаний Ян Инчэном (楊應誠) и *фанюйши* Цичжоу Хань Янем (韓衍). Они передали вану послание от императора и сообщили, что не смогут принимать участие в увеселениях в их честь, кроме ритуала вручения императорского послания, поскольку разместились в порту Пённандо в 30 *ли* от столицы, и им далеко добираться.
- день *кими* Вану было вручено послание императора Сун, в котором говорилось о намерении Сун продолжать дружеские отношения с Корё, о необходимости поддержать Сун в борьбе с Цзинь и о передаче вану даров от нового императора. Затем Ян Инчэн со свитой вернулся из посольства и зачитал еще одно послание: «Корея была верна [Китаю] из поколения в поколение. Сейчас двух императоров (Хуэй-цзуна и Цинь-цзуна) захватили варвары, и Корё [должно] помочь [их] выволить. [Вы] говорите, что дорога в Цзинь трудна и непроходима, [но, когда вы] посылали туда [посланников] с данью, [все было] проходимо. Не позволяйте этим варварам (Цзинь), внезапно пришедшим к власти, [заставить вас] отказаться от клятвы, [которую вы] давным-давно дали Китаю (Сун). Ван не должен медлить с этим вопросом и быстро принять решение».
- Ван ответил: «Начиная с правления императора Шэнь-цзуна (1067–1085) и до отречения императора Хуэй-цзуна, Корё было преданным другом Сун, и выражает глубочайшее сожаление и обеспокоенность пленением [правительством Цзинь] двух императоров». Тем не менее, ван вновь выразил обеспокоенность тем, что если Корё вступит в военные действия с Цзинь, оно может оказаться в уязвимом положении, особенно «если [Цзинь] разведает морской путь [к южной части Корейского полуострова] и поймут, что он удобен».

- “—, 8 мес.
день *кёнъо* *Госинъиши* Ян Инчэн перед отбытием на родину передал вану благодарственное письмо, где в очередной раз настаивал на необходимости встать на сторону Сун и вступить в военные действия с Цзинь, пленившим двух императоров. На это ван дал недвусмысленный ответ, что Корё неизменно лояльно по отношению к Сун, но не будет воевать с Цзинь. Более того, он выразил озабоченность тем, что если сунские послы будут возвращаться сухопутным путем через северные территории Корё, где на пограничной р. Амноккан стоят цзиньские войска, это может быть расценено последними как стремление Корё обострить отношения с новой империей.
- После этого Ян Инчэн выразил недовольство позицией Корё, отказался присутствовать на прощальном банкете и вернул поднесенные посольству дары, в том числе ритуальные предметы.
- день *капсуль* *Сиран* Ведомства ритуалов (Ребу) Юн Они (尹彦頤 윤언이) отправился в Сун с посланием от вана Инджона, где выражалось сожаление по поводу того, что из-за внутренней смуты ван не смог устроить должное празднество в честь воцарения нового императора Гао-цзуна. Также ван приносил извинения по поводу отказа участвовать в военных действиях против Цзинь из-за опасений за судьбу своей страны и подтверждал, что Корё готово и впредь выплачивать Сун установленную дань.
- “—, 12 мес.
день *кабин* Посланник Юн Они вернулся из Сун с письмом от императора, где говорилось, что Сун понимает позицию Корё, и что единственной целью требования об участии Корё в войне с Цзинь было стремление вернуть похищенных императоров.
- 1129 г., 8 мес.
день *мусин* Ван повелел *сынсону* Чон Хану (鄭沆 정항) провести в Соджиксо (ведомство, отвечающее за хранение книг) публичное чтение сунского трактата «Чжунъицзи» (忠義集 «Собрание [сочинений] о верности и долге»).
- 1130 г., 4 мес.
день *капсуль* Прибыл сунский посланник *цзиньу сяовэй* Ван Чжэнчжун (王正忠) с сообщением, что Сун в течение некоторого времени не будет принимать корёских послов, поскольку из-за напряженной военной ситуации не смогут гарантировать их безопасность.
- “—, 7 мес.
день *киса* Ван Чжэнчжун сообщил, что вскоре его сменил посол более высокого ранга, не имевший возможности выехать ранее, после чего будут совершены все полагающиеся церемонии.
- 1131 г., 4 мес.
день *кичхук* Прибыл сунский *доуган* (都綱, чиновник, занимавшийся дипломатической перепиской) Чжо Жун (卓榮) с сообщением, что Сун начало военные действия против Цзинь. Ван Инджон собрал придворных чиновников и спросил совета: поскольку ранее послы Сун дважды просили Корё о помощи, которая не была оказана, сейчас Корё оказалось перед моральной дилеммой: выполнить долг или сберечь [свое государство]. Чиновники посоветовали вану направить [в Сун] посланника с разъяснением позиции Корё.

- 1132 г., 2 мес. *Вонверан* Ведомства ритуалов (Ибу) Чхве Ючхон (崔惟清 최유청) и *хаммун чиху* Сим Ги (沈起 심기) отправились в качестве посланников в Сун с грамотой, в которой ван Инджон принес извинения за то, что не смог вовремя приветствовать нового императора: ни сразу после его восшествия на престол из-за боязни военного столкновения с Цзинь, ни позднее, поскольку послы сообщили, что корёсцев не смогут принять в Сун.
- “, 5 мес. *Чхве Ючхон* со свитой вернулся из Сун с посланием от императора, где говорилось, что Корё может прислать официальное посольство, но лучше сделать это до осени, поскольку потом Сун опасается нового нашествия «варваров с севера».
- 1133 г., 2 мес. Ван отправил *саньинса* (謝恩使, букв. «посланник с данью») Хан Ючхуна (韓惟忠 한유충) и Ли Джиджо (李之氏 이지저) с дарами в Сун. Однако на море разыгрался шторм, кораблю едва не затонул, а дары промокли, так что посольство было вынуждено возвратиться в Кэсон.
- 1135 г., 6 мес. Из Сун прибыл *дигунлан* Юй Дунъли (吳敦禮) с сообщением, что император узнал о беспорядках в Согёне и готов в случае необходимости прислать 100 тысяч воинов для умирения мятежников.
- день *вьльхэ* Отбывая в Сун, Юй Дунъли вновь сообщил вану, что Сун готово оказать военную поддержку армии Корё, осадившей мятежников в Согёне, однако отметил, что [в этом сезоне] море бурное, поэтому прибытие армии может столкнуться с трудностями.
- “, 9 мес. Мун Сынми (文承美 문승미) и Но Хёнён (盧顯庸 노현용) были отправлены в Сун с официальным посланием.
- 1136 г., 9 мес. Ким Чхиго (金稚規 김치규) и Ю Дэго (劉待學 유대거) были отправлены в Минчжоу с официальным посланием, гласившим, что, хотя Корё на протяжении 200 лет было предано Сун и пользовалось благосклонностью Сыновой Неба, у него не было иного выхода, кроме как заключить мир с Цзинь, дабы избежать военных действий, на которых в 1128 г. настаивал посол Ян Инчэн. Поскольку Сун и Цзинь находятся в состоянии войны, если Сун начнет атаковать Цзинь по суше (т. е. через северные территории Корё), то и Цзинь двинется по этим территориям, что причинит огромный вред Корё. Таким образом, для Корё выгодно оставаться «нейтральной зоной» между Цзинь и Сун, и ван надеется, что император поймет его устремления и согласится с ними.
- В ответном послании из Минчжоу говорилось, что в Сун понимают трудности, с которыми столкнулось Корё. Однако во время своего пребывания в Корё посланник Юй Дунли заверял вана в готовности Сун предоставить армию для помощи в борьбе с мятежниками, и было бы благородно со стороны Корё так же прислать войска.

- 1137 г., 4 мес. Ким Чхиго и Ю Дэго вернулись из Сун с ответным посланием от
 день *кабин* императора Гао-цзуна, который благодарил Корё за предоставле-
 ние кораблей для некоторых жителей Сун, находившихся в Корё
 и не имевших возможности вернуться домой сухопутным путем.
 Он также выразил надежду, что власти Корё предоставят корабли
 и для других сунцев.
- 1138 г., 3 мес. Сунский торговец Юй Ди (吳迪) в сопровождении 63 человек при-
 день *кёнджа* был в Корё из Минчжоу и привез сообщение о кончине бывшего
 императора Хуэй-цзуна и императрицы Ниндэ (寧德皇后) из рода
 Чжэн (鄭).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279) / Отв. ред. И.Ф. Попова; Ин-т восточных рукописей РАН. М.: Наука; Вост. лит., 2016.
2. *Тихонов В.М., Кан Мангиль.* История Кореи: В 2 т. Т. 1. С древнейших времен до 1904 г. М.: Наталис, 2011.
3. *Хан Ёнъю.* История Кореи: новый взгляд. М.: Восточная литература, 2010.
4. Корёса. Сега. Ёльчон. [Корёса (История [государства] Корё). История поколений. Биографии.] URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1624071&categoryId=62161&cid=62131> (дата обращения: 22.05.2023).
5. *Ли Джонсин.* Корё-ый тэве кванге-ва Мёчхон-ый нан [Внешняя политика Корё и мятеж Мёчхона] // Сачхон [Всё об истории], 45. 1996. С. 67–98.
6. *Breuker, Remco E.* When Truth Is Everywhere: The Formation of Plural Identities in Medieval Korea, 918–1170. University of Leiden, 2006.

REFERENCES

1. *Istoriia Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka. V 10 t. / gl. red. S.L. Tikhvinskii. T. IV. Period pyati dinastii, imperia Sun, gosudarstva Liao, Tzin, Si Sia (907–1279) / Otv. red. I.F. Popova; In-t vostochnykh rukopisei RAN. M.: Nauka — Vost. Lit., 2016.* [History of China from Ancient Times till the Beginning of the 21st Century. 10 Vol. Editor-in-chief S.L. Tikhvinskii. Vol. 4. Period of Five Dynasties, Song Empire, Liao, Jin, Xi Xia States (907–1279) / ed. I.F. Popova; Institute of Oriental Manuscripts of RAS. Moscow, “Science — Oriental Literature”, 2016.]
2. *Tikhonov V.M., Kang Mangil.* Istoriia Korei. V 2 t. T. 1. S drevneishikh vremen do 1904 g. M.: Natalis, 2011. [*Tikhonov V.M., Kang Mangil.* History of Korea. 2 Vol. Vol. 1. From Ancient Times Till 1904. M.: Natalis, 2011.]
3. *Han Young-woo.* Istoriia Korei: novyi vzglyad. M.: Vostochnaya literature, 2010. [*Han Young-woo.* History of Korea: New View. Moscow, “Oriental Literature”, 2010.]
4. Koryōsa. Segā. Yōlchōn. [Koryōsa (History of Koryō). Generations. Biographies.] URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1624071&categoryId=62161&cid=62131>.
5. *Lee Chōngsin.* Koryō-ūi taewae kwan'gye-wa myoch'ōng-ūi nan. [Koryō's Foreign Relations and the Rebellion of Myochong.] Sach'ong [All About History] 45, 1996. P. 67–98.

6. *Breuker, Remco E.* When Truth Is Everywhere: The Formation of Plural Identities in Medieval Korea, 918–1170. University of Leiden, 2006.

Статья поступила в редакцию 05.07.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 26.10.2023.

The article was submitted 05.07.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 26.10.2023.

ОБ АВТОРЕ

Хазизова Ксения Владимировна — магистр востоковедения и африканистики, старший преподаватель Кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий методист Международного центра корееведения МГУ; minari@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ksenia V. Khazizova — M.A. in Oriental Studies, senior lecturer at the Dept. of History of Far Eastern and South-Asian Countries of Institute of Asian and African Studies of Moscow State University, leading methodologist at International Center for Korean Studies of MSU; minari@yandex.ru

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-2

ИЗ ИСТОРИИ КОРЕЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В XIV–XV ВВ.

О.С. Пироженко

*Торговое представительство Российской Федерации в Республике Корея,
Сеул, Республика Корея; pirozhenkotm@gmail.com*

Аннотация: Статья представляет собой очерк истории формирования правовой системы средневековой Кореи в период 1392–1484 гг.: от основания династии Чосон до публикации «Великого уложения по управлению государством» (*Кёнгук тэчжон*, 經國大典) в редакции года *ьльса*. Единый свод законов был призван стать основой оформления новой социально-политической системы, фундаментальные контуры которой определялись интересами преодоления региональной автономии, централизации управления, концентрации экономических ресурсов под контролем государства. В публикации кратко изложены основные этапы кодификации законодательства и отражены ключевые аспекты внутривнутриполитического развития страны, оказавшие влияние на этот процесс. Главными источниками для написания работы являются, помимо самого Великого уложения, Истинные записи династии Чосон — основной летописный свод Кореи XIV–XIX вв.

Ключевые слова: история Кореи, Чосон, «Кёнгук тэчжон», история права, *садэбу*, *хунгупха*

Для цитирования: Пироженко О.С. Из истории корейского законодательства в XIV–XV вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 3. С. 21–36. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-2

ON HISTORY OF LAW IN KOREA IN 14–15TH CENTURIES

Oleg S. Pirozhenko

*The Trade Representation of the Russian Federation in the Republic of Korea,
Seoul, Republic of Korea; pirozhenkotm@gmail.com*

Abstract: This article presents a general historical outline of medieval Korea legal system formation in the period of 1392–1484: from the Chosŏn Dynasty foundation to the approval and publication of the most important source on the matter — the Great Code of State Administration, the “*Kyŏngguk Taejŏn*” of the year *Ŭlsa*. The unified code of laws was intended to become the basis for the design of a new

socio-political system, the fundamentals of which were determined by the tasks of overcoming regional autonomy, centralization, and unification of government as well as concentration of economic resources under state control. The publication briefly outlines the main stages of the legislative codification and reflects on the main aspects of the domestic political development of the country that influenced this process. The main sources for the writing are, in addition to the Great Code itself, the True Records of the Joseon Dynasty — the main annals of Korea in the 14th–19th centuries.

Key words: History of Korea, Chosŏn, “Kyŏngguk Taejŏn”, history of law, *sadaebu*, *hungup'a*

For citation: Pirozhenko O.S. On History of Law in Korea in XIV–XV Centuries. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2023, Vol. 67, No. 3, pp. 21–36. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-2 (In Russ.)

«Кёнзук тэчжон» является одним из наиболее значимых исторических памятников Кореи эпохи Чосон (1392–1897). Этот свод законов содержит богатейший фактический материал, позволяющий не только расширить знания об этом периоде, но и значительно облегчающий понимание и анализ других источников. Становление памятника в дошедшей до нас редакции заняло около девяноста лет и прошло несколько этапов¹, каждый из которых соответствовал определенной ступени оформления нового социально-политического порядка.

Вопрос о формировании правовой системы, которая способствовала бы преодолению острого социально-экономического кризиса второй половины XIV в., находился в центре внимания корейской элиты еще до становления государства Чосон. Эта необходимость осознавалась не только сторонниками основания новой династии, но и умеренными силами, настроенными на сохранение у власти правящего дома Корё (918–1392).

В 1392 г. представитель консервативно-реформистского крыла политической мысли Чон Мончжу (1337–1392) внес на рассмотрение двора «Новый свод законов» (*Син-юль*, 新律), составленный на

¹ До нашего времени большинство из этих законодательных сводов не дошли, часть из них была восстановлена по выдержкам, содержащимся в летописях. См. например, *Юн Хунххё*, *Лим Ёнхан*, *Ким Инхо*. Кёнчже юкчон-гва юкчон чхечже-ый соннип [Шесть уложений по управлению государством и становление системы шести уложений]. Сеул: Хеан, 2007; *Юн Гугиль*. Кёнчже юкчон-гва кёнзук тэчжон [Шесть уложений по управлению государством и Великое уложение по управлению государством]. Сеул: Синсовон, 1998. Большая работа по анализу Великого уложения была проделана коллективом авторов южнокорейского Института изучения духовной культуры: Ёкчу Кёнзук тэчжон [Великое уложение по управлению государством. Комментированный перевод]. В 4 томах. Сеул, 1985–1986.

основе изучения юаньского и минского права². Текст этого проекта не сохранился и, по-видимому, не успел получить сколько-нибудь серьезного рассмотрения: вскоре после его подачи сторонники переустройства династии одержали верх в политической борьбе, одной из жертв которой стал и сам автор.

С приходом к власти Ли Сонге (1335–1408) первостепенными задачами законодательной работы стали преодоление региональной и клановой автономии, централизация и унификация управления, сосредоточение экономических ресурсов для перераспределения через систему государственной службы в интересах упрочения позиций новой династии и общественного слоя, ставшего ее главной опорой — сословия мелкого и среднего чиновничества, обозначаемого термином *садэбу* («ученые и большие мужи», 士大夫). Одновременно на нормотворческом процессе отражались противоречия между различными группировками высшей бюрократии, развернувшиеся вокруг вопросов престолонаследия и, в целом, допустимой степени влияния чиновной корпорации на самодержавное правление.

Одним из ведущих сановников, разрабатывавших основы новой правовой системы, был Чон Дочжон (1342–1398). Как известно, он возглавлял группу, которая, формально не ставя под сомнение абсолютную власть монарха, стремилась добиться ограничения его возможностей³, защитив, в частности, интересы широких слоев чиновничества от произвола конъюнктурно приближенных к трону кланов.

В 1394 г. высочайшему вниманию был подан проект «Уложения по управлению государством Чосон» («Чосон кёнгукчон», 朝鮮經國典), а годом позднее — «Размышления об управлении» («Кёнчже мунгам», 經濟文鑑)⁴. В «Размышлениях» содержались систематизированные выдержки из китайских и корёских исторических источников с примерами образцового управления, деятельности госучреждений и соответствующих должностей. В «Уложении», за которое на том этапе автор был «пожалован конем, серебром и шелком»⁵, изложен проект практической организации государственного аппарата. В книге 11 глав, которые по функциональной принадлежности могут быть разбиты на две части. В одной — общие вопросы государственного устройства: «Образцовый престол» (正寶位); «Наименование

² Choi, Chongko. Law and Justice in Korea South and North. Seoul, 2007. P. 87.

³ Choi Chongko. Op. cit. P. 73, 88–91.

⁴ Чосон ванчжо силлок [Истинные записи (правления) династии Чосон]. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kaa_10406006_004 (здесь и далее дата обращения: 11.06.2023).

⁵ Там же. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kaa_10305030_001.

государства» (國號); «Утверждение государственных устоев» (定國本); «Преемственность поколений» (世系); «Учение» (敎書). Во второй — организация исполнительно-административной системы. Это шесть законодательных уложений, названия которых соответствовали наименованиям шести центральных ведомств: «Уложение по управлению» (治典); «Уложение по налогам» (賦典); «Уложение по этикету» (禮典); «Уложение о походах» (военное) (政典), «Уложение о законах» (憲典); «Уложение о работах» (工典).

За образец, со ссылкой на кодекс «Установления династии Чжоу», взята китайская шестеричная система государственного управления, уже функционировавшая в государстве Корё. По структуре же «Уложение» повторяло юаньский генеральный свод «*Цзинши дадянь*» («Всеобщее собрание законов, управляющих миром», 經世大典)⁶, также не дошедший до нашего времени.

Являясь сторонником легализации сословного влияния на государственные дела, ее идеологическое обоснование Чон Дочжон находил в конфуцианской концепции гуманного правления (*инчжон*, 仁政), согласно которой, в частности, государь покоряет народ влиянием не силы, но добродетели, а в случае, если в правлении допускают недостатки, чиновники должны увещевать монарха⁷. Важным инструментом претворения в жизнь своих идеалов Чон Дочжон называл действие законов: «...Средство, коим государь управляет в Поднебесной»⁸, а также повышение политического веса должности первого министра, который был призван возглавлять администрацию «в симфонии» с монархом, не только «содействуя государю в управлении», но и отвечая за «гармонию *инь* и *ян* наверху, умиротворение простонародья внизу, суд и справедливость

⁶ О Ёнгё (ред.). Чосон конгук-ква кёнгук тэчжон хчехже-ый хёнсон [Основание государства Чосон и становление системы *Кёнгук тэчжон*]. Сеул, 2005. С. 55.

⁷ Формальное представительство и защита интересов класса чиновников-землевладельцев, идеологически оформляемые как забота о соблюдении норм конфуцианской этики, осуществлялись через систему Трех канцелярий (*Самса*, 三司). В нее входили Канцелярия официальных предостережений (*Саганвон*, 司諫院) и Управление надзора за соблюдением законов (*Сахонбу*, 司憲府), контрольно-ревизорские учреждения, на рассмотрение и одобрение которых поступали указы вана, а также Управление просвещения и литературы (*Хонмунгван*, 弘文館), являвшееся совещательным органом. Чиновники Трех канцелярий, на практике, разумеется, далеко не всегда независимые от воли верховного правителя, тем не менее, имели личный доступ к монарху и пользовались формальным и неформальным влиянием, определение границ которого столетиями было одним из основных противоречий внутренней политики средневековой Кореи.

⁸ Чосон ванчжо силлок. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kca_11505012_002.

среди подданных в пределах [государства], и пребывание варваров в повиновении вовне»⁹.

Структурирование текста по частям, в которых по отдельности говорится о функциях государя, министра и бюрократии, словно подчеркивало автономию чиновничества, отражая, видимо, не только настроения части *садэбу*, но и личные политические амбиции автора.

Внесение проекта «Уложения» Чон Дочжоном дало формальный старт продлившемуся несколько лет противоборству возглавляемой этим сановником группировки со сторонниками прямого и неограниченного подчинения управленческих институтов монарху, объединившихся вокруг принца Ли Банвона (ван Тхэджон, 1400–1418). Узловой точкой противоречий стал вопрос престолонаследия, в котором Чон Дочжон поддерживал сводного брата Ли Банвона Ли Бансока, активно используя свою аппаратную значимость для того, чтобы повлиять на выбор основателя династии Ли Сонге. Однако, как известно, победа осталась за группировкой Ли Банвона, а сам Чон Дочжон был убит в 1398 г.

Юридические проекты убитого сановника остались памятником его личного творчества, однако многие практические положения из них были учтены¹⁰ в опубликованном в 1398 г.¹¹ первом государственном своде законов — «Шести уложениях по управлению» («Кёнчжэ юкчон», 經濟六典).

Разработкой кодекса занималось Управление по изучению правовых положений (*Комсан чореса*, 檢詳條例司), сформированное в 1397 г. Руководство им было поручено одному из главных аппаратных конкурентов Чон Дочжона — Чо Чжуну (1346–1405). Статьи свода состояли из скомпонованных по отраслевым направлениям высочайших указов и касались только деятельности государственных ведомств, подчеркивая неограниченный характер власти вана¹². С течением времени по итогам практической работы в текст делались новые включения, и указание о составлении дополненного уложе-

⁹ См.: Самбончип [Собрание сочинений Самбона]. URL: https://db.itkc.or.kr/dir/item?itemId=MO#dir/node?dataId=ITKC_MO_0024A_0080_010_0010&viewSync=TR.

¹⁰ Юн Хунхё, Лим Ёнхан, Ким Инхо. Указ. соч. С. 164.

¹¹ Чосон ванчжо силлок. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kca_10506027_001.

¹² В этом своде использовалось немало «народных» (некитайских) выражений и система письма *иду*, поэтому его называли также «Панон юкчон» (кит. 方言六典) — «Шесть уложений на местном наречии». К 1412 г. положения, составленные на *иду*, были переведены на ханмун, и «китаизированный» свод циркулировал под наименованием «Подробное изложение изначального свода шести уложений по управлению государством» (кор. «Кёнчжэ юкчон вончжип санчжоль», кит. 經濟六典元集詳節).

ния вышло уже в 1407 г.; руководил работой Ха Рюн (1347–1416)¹³. К 1412 г. уложение вступило в действие, по-видимому, в виде двух хронологически скомпилированных частей: сборник Чо Чжуна, названный «Изначальным сводом» («*Вонъюкчон*», 元六典), и дополнения, внесенные под редакцией Ха Рюна — «Шесть уложений с дополнениями» («*Сокюкчон*», 續六典)¹⁴.

По указанию вана Сечжона (1418–1450) в 1422 г. была проведена очередная переработка свода, которая заняла четыре года, так что новая редакция «Сокюкчон» вышла в 1426 г.¹⁵ В ней нашла отражение смена управленческих приоритетов, произошедшая по мере стабилизации внешних границ и упрочения новой политической системы. Ведомства, отвечающие за экономическое и политическое строительство, в порядке расположения разделов были помещены выше институтов военного и полицейского контроля: если во время правления вана Тхэчжо за «Уложением по Палате чинов» следовало «Военное», далее — «Подворное», «Наказаний», «Этикета» и «Работ», то теперь очередность оказалась следующей: первым стояло «Уложение по Палате чинов», далее «Подворное», «Этикета», «Военное», «Наказаний» и «Работ».

Метод фиксации правовых норм по номенклатуре фактических решений, принятых монархами, неизбежно сообщал первым сводам «временный» характер. Каждый год в прогрессии усиливал необходимость обобщения имеющегося материала и отсеивания взаимоисключающих пунктов. Противоречие конфуцианскому восприятию установлений предыдущих правителей как вечного и сакрального порядка¹⁶ до поры до времени удавалось обходить, оформляя «новизну» в качестве дополнений и сносок к имеющимся законам. Но по мере накопления таких включений их несоответствие идеалу не могло не броситься в глаза придворным идеологам, и замечания о нежелательности волюнтаристского отношения к законодательству появляются в источниках уже в период короткого правления вана Мунчжона (1450–1452)¹⁷.

Таким образом, к моменту восшествия на престол вана Сечжо (1455–1468) необходимость очередной кодификации права назрела уже по соображениям практической целесообразности, но весомости им придавали и предпосылки социально-политического характера.

¹³ Чосон ванчжо силлок. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kca_10708018_002.

¹⁴ Там же. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kca_11302030_003.

¹⁵ Там же. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kda_10802008_004.

¹⁶ Там же. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kda_11501004_003.

¹⁷ Там же. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kea_10007017_005.

Во-первых, к этому времени в стране наступил очередной кризис землепользования¹⁸. Значительная часть переведенных в казенную собственность при смене династий площадей вновь перетекла в частные руки, сократив доходную базу казны. Требовались переучет и возвращение незаконно присвоенных земель, а также формирование системы, исключающей дестабилизацию государственного контроля в будущем.

Во-вторых, немаловажными были конкретные внутривластные обстоятельства. Сечжо, второй сын вана Сечжона, пришел к власти в результате переворота, вылившегося в несколько кровавых верхушечных чисток¹⁹. В известной степени эти события стали развитием противоборства двух направлений политической мысли начального периода правления династии. Ван возглавил противников концентрации полномочий в руках элиты, в основном выдвинувшейся в правление его отца и прошедшей через службу в Академии изучения конфуцианской классики Чипхёнчжон (集賢殿), игравшей в т.ч. роль совещательного органа при монархе. Десятки представителей этой группы были казнены, академия ликвидирована, а лекции по классике, посредством которых до вана могли доводиться соображения о настроениях широких слоев чиновничества, отменены.

В результате усилилось влияние нескольких поддержавших Сечжо кланов, чья полная лояльность трону была гарантирована историей участия в кровавом противостоянии и последовавшим карьерным взлетом²⁰. Они известны в корейской историографии как группировка «старых заслуженных сановников» (*хунгунха*, 勳舊派). Ответом широких слоев чиновного сословия стало сопротивление реформистским усилиям Сечжо, идеологически мотивируемое ссылками на конфуцианскую классику и наследие Сечжона²¹. Если попытки вооруженной борьбы были подавлены, то систематический саботаж указаний центра, сбора налогов, разверстки повинностей и т.п. продолжался годами.

На этом фоне одним из первых решений вана было формирование особого органа — Комиссии по составлению шести уложений (*Юкчон санчжонсо*, 六典詳定所)²², которая состояла из высших должностных лиц государства, пользовавшихся полным доверием

¹⁸ Подробнее см.: Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб., 2009. С. 142–143.

¹⁹ Подробнее см.: Чхве Сынхи. Чосон чхоги чончхиса ёнгу [Политическая история раннего периода династии Чосон]. Сеул, 2002. С. 273–284.

²⁰ Там же. С. 309–311.

²¹ Подробнее см.: Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи в 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 298–299.

²² Чосон ванчжо силлок. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kg_a_10210030_001.

вана и непосредственно связанных с повседневной управленческой практикой²³. О большом значении, которое придавалось этой работе, красноречиво свидетельствуют и летописные упоминания о личной вовлеченности монарха в редактирование законодательства²⁴.

Первым — в 1460-м г. — вошло в применение «Уложение по Подворной палате», через год после него чиновников ознакомили с «Уложением по Палате наказаний». До выхода остальных частей свода эти разделы временно включались в редакции действовавших законов²⁵. Порядок подготовки публикации дает возможность убедиться в том, что вопросы обеспечения экономического контроля и правового принуждения находились в поле приоритетного внимания. К 1466 г. было завершено составление оставшихся частей (в ранее опубликованные были внесены дополнения). Лишь в 1468 г., незадолго до кончины вана, полный свод из шести разделов был опубликован и вошел в историю под названием «Уложение года пёнсуль».

В «Уложении по Палате чинов» («Личжон», 吏典) насчитывается 29 статей. В них перечисляются государственные ведомства, их функции и полномочия, отражена полная номенклатура должностей, прописаны условия карьерного роста, порядок прохождения службы, ревизии и передачи дел при отставке. Подробно отражены методы отбора на службу, включая систему государственных экзаменов на чин. Установлена ответственность для старших чиновников за рекомендацию неподходящих кандидатов и, наоборот, за невыдвижение достойных.

В «Уложении по Подворной палате» («Хочжон», 戶典) 30 статей, которые охватывают ключевые конструкции экономической структуры. Прописан порядок учета и распределения пахотных земель, разверстки налогов, податей и повинностей, выдачи жалования госслужащим. Значительный объем посвящен имущественным взаимоотношениям, порядку купли-продажи земли, соответствующей государственной регистрации, обращениям в судебные инстанции. Предусмотрены меры защиты частных лиц от незаконного захвата земель. Право свободно распоряжаться землей обусловлено фактом ее регулярной фактической обработки.

Из 60 статей состоит «Уложение по Палате этикета» («Ечжон», 禮典). В эту главу, помимо норм семейного и траурного права, вошли церемониальный устав, правила придворного и дипломатического протокола (в т.ч. установленные формы официальных документов), порядок проведения государственных экзаменов на чин. Заметное

²³ Там же. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kga_11105021_001.

²⁴ Там же. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kga_10402122_002.

²⁵ Там же. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kga_10607017_002.

место отведено нормам чиновной иерархии: регламентациям одежды, правилам размещения чиновников на аудиенциях и совещаниях и т. п.

В 50 статьях «Уложения по Военной палате» («*Пёнчжон*», 兵典) изложены штатное расписание и иерархия офицерских должностей для сухопутных войск и флота, состав подразделений столичных и провинциальных войск, порядок проведения испытаний по военной подготовке, а также порядок продвижения военных чиновников по службе, аттестации, взысканий и поощрений. Подробно расписаны мобилизационные правила, организация списков военнообязанных и т. п.

В 29 статьях «Уложения по Палате наказаний» («*Хёнчжон*», 刑典), помимо уголовного права²⁶ и других вопросов, содержится подробная регламентация жизни и подчинения неполноправного сословия *ноби*, в т.ч. правил продажи и наследования зависимого населения, тяжб по подобным делам, распределения государственных крепостных по столичным и провинциальным учреждениям.

Наименьшее количество статей — 14, в «Уложении по Палате работ» («*Кончжон*», 工典). В нем изложены система мер и весов, штатное расписание ремесленников в государственных мастерских, система учета месторождений и организации переработки полезных ископаемых, порядок государственной приемки готовых изделий, строительных и ремонтных работ и т. п.

Новое законодательство решало целый комплекс задач по трем основным направлениям:

В социально-экономической сфере была обеспечена база стабилизации государственного перераспределения ресурсов. В тексте свода закреплена введенная в 1466 г. система должностных наделов (*чикчон*, 職田), согласно которой участки выдавались чиновникам лишь на время замещения должности, а не пожизненно, как ранее. Закон о ранговых наделах (*квачжон*, 科田), обеспечивавший более благоприятные условия землепользования для служащих (в т.ч. право для вдов и потомков пользоваться наделами после смерти чиновника), был отменен.

²⁶ По большей части уголовное законодательство страны было основано на заимствовании кодекса династии Мин, что отмечено в тексте «Уложения» соответствующими ссылками. Минское право было издано в переводе на *иду* с определенными изъятиями и дополнениями, соответствующими корейским реалиям. Книга называлась «Точное толкование Законов великой династии Мин» (大明律直解) и дошла до наших дней только в издании XVI–XVII вв. Подробнее см., напр.: *Choi Chongko*. Op. cit. P. 67.

В политической сфере были приняты дополнительные меры для обеспечения управляемости государственной системы: нанесен удар по традиции землевладения и личной власти чиновников над крестьянами, бюрократия ограничена режимом строгой отчетности и контроля. В целях гарантий лояльности широких слоев правящего сословия сформированы действенные для своего времени механизмы доступа к служебным полномочиям, до известной степени затруднявшие монополизацию аппаратной ренты какой-либо одной группировкой. Вместе с тем возможности передачи по наследству земельных владений, пожалованных «заслуженным сановникам», прописаны отдельной статьёй.

Важным новшеством в области практического управления было то, что удалось составить комплексный, внутренне непротиворечивый свод законов, формат которого был приспособлен для вседневного применения. Нормы и правила представлены в обобщенном и конкретизированном виде. В тексты статей включены многочисленные таблицы, содержащие тематически систематизированные сведения для удобства восприятия и интерпретации материала²⁷.

Следует подчеркнуть, что здесь схематическое изложение содержания «Великого уложения» сделано по наиболее древнему из сохранившихся изданию 1484 г. (хранится в собрании библиотеки Ключжангак Сеульского университета). Выходу этой редакции пред-

²⁷ Это новшество, помимо прочих преимуществ «Великого уложения», отдельно отмечается в пояснительной записке руководителей коллектива авторов, включенной в текст свода:

«...Государь [Сечжо] проявлял усердную заботу и о повсеместном насаждении порядка. Он говорил подданным: “Прежние правители, проявляя высочайшее милосердие и беспримерное великодушие, оставили немало выдающихся узаконений, сведенных воедино в изначальном и позднейших списках “Шести уложений по управлению государством”. В многочисленных высочайших повелениях содержатся не лишние изящества законоположения. Однако чиновники, по глупости и заурядности своей, не способны были приводить их в исполнение надлежащим образом. Тому причиной в действительности была излишняя многочисленность не сведенных воедино законодательных разделов и статей, из коих некоторые противоречат друг другу. Теперь следует определить чрезмерное и недостающее, исправить неточности и вычеркнуть ненужное, создав закон для десяти тысяч будущих поколений”. <...> Согласно волеизъявлению Государя, взяв за основу древние записи, взвесив и отобрав новые установления и приведя все это в надлежащий порядок, мы, сверяясь с образцами, оставленными нам предшественниками, создали новое уложение. <...> Прилагая усилия к тому, чтобы, исключив ненужное, не пропустить основополагающего, чтобы добиться сжатости содержания, избавив свод от сопутствующей многословии путаности, [мы] условились подготовить совершенное законодательство, которое на века заложит основы единодушия и справедливости». См.: Ёкчу Кёнгук тэчжон [«Великое уложение по управлению государством». Комментированный перевод]. Сеул: Чонсин мунхва ёнгувон, 1985–1986. Т. 1. С. 1–6.

шествовал ряд правок — процесс, не менее интересный для изучения истории политической и юридической системы государства Чосон.

После смерти вана Сечжо группа «заслуженных сановников», в числе которых были Хан Мёнхве (1415–1487, первый министр, тесть двух следующих ванов)²⁸, Чхве Хан (1409–1474, один из руководителей коллектива составителей «Великого уложения»), Ким Чжилъ (1422–1478, возглавлял Военную палату) сразу же настояла на внесении правок в законодательство. Изменения, разумеется, обосновывались соответствующими указами малолетних правителей Ечжона (1468–1469) и Сончжона (1469–1495)²⁹. В результате в 1469 г. вышло «Великое уложение года *кичхук*», в 1471 г. появилось новое издание, известное как великое «Уложение года *синмё*». Однако борьба за окончательную редакцию продолжилась: в 1474 г. в текст были внесены новые дополнения — так появилось «Великое уложение года *кабо*». Окончательная редакция, дошедшая до наших дней, «Великое уложение года *ыльса*», была принята лишь в 1484 г., через 15 лет после воцарения вана Сончжона, когда многие деятели времен Сечжо утратили политическое влияние.

В летописях сохранилось немало упоминаний о предложениях, которые подавались в связи с редактированием «Великого уложения», дискуссиях, которые велись в этой связи, принятых решениях. Эти сведения позволяют среди общей массы порой малозначимых формальных правок проследить в работе над текстом общий курс на формирование более благоприятных правовых условий для *хунгупха* и массы управленцев в целом. Для этого требовалась отмена или «усовершенствование» тех из установлений покойного вана по оздоровлению государственного аппарата и смягчению социальных противоречий, которые были приняты в целях укрепления личной власти Сечжо и базы поддержки правящего дома, но не отвечали карьерным и имущественным интересам его окружения. Речь чаще всего шла о смягчении норм контроля за деятельностью бюрократии, упрощении правил пользования выдаваемыми за службу землями или выдачи содержания, закреплении сословной дифференциации, контроле над зависимым населением и т. п.

В качестве иллюстрации этого процесса целесообразно привести подробно отраженную в летописи повестку совещания регентского совета 1468 г., в ходе которого, в частности, предлагалось:

²⁸ Чосон ванчжо силлок. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kha_10106024_001.

²⁹ Регентство при Ечжоне и Сончжоне было возложено на вдову вана Сечжо королеву Чонхи ванху (1418–1483), приходившуюся монархам матерью и бабкой соответственно. «Содействие» в деле управления ей оказывал состоявший из высшей знати регентский совет.

– отменить внесенный в «Уложение» запрет «чрезмерных наказаний», так как «стоит единожды ударить батоном, как жалуются за чрезмерность взыскания, — так уходят от ответственности виновные в тяжких преступлениях»;

– отменить разрешение обывателям жаловаться на уездных начальников, так как это, подчеркивали члены совета, позволяло недобросовестным из них препятствовать работе управленцев, злоупотребляя таким правом;

– прекратить включение в списки военнообязанных лиц из всех социальных слоев (исключение все же делалось лишь для столичного чиновничества 3-го ранга и выше), так как эта норма «причиняет неудобства ученому сословию»;

– отменить положение об именных табличках, которое усиливало учет населения в целях вывода его части из «подлого» состояния и возвращения его в число «добрых людей» (на общих основаниях облагаемых налогами и подлежащих мобилизации на общественные работы), тем самым ущемляя интересы крупных землевладельцев³⁰.

Дискуссии велись и вокруг возвращения практики распределения ранговых наделов. К 1470 г. относится следующая запись, сделанная по итогам заседания регентского совета³¹:

«Высочайшее изречение:

“Просят одобрения отмены закона о должностных наделах и восстановления закона о ранговых наделах. Что думает об этом регентский совет”?

Ответ члена регентского совета Ку Чхигвана:

“Восстановление закона о ранговых наделах весьма выгодно для придворных сановников, однако если сейчас возвращать прежним владельцам поля верности³² и поля иждивения³³, то пришлось бы изъять земли у находящихся на службе и передать их тем, кто не имеет государственной должности. Есть опасения, что это — трудноосуществимо”»³⁴.

³⁰ Чосон ванчжо силлок. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kha_10012010_002

³¹ Там же. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kia_10104023_006

³² Поля верности (*сусинчжон*, 守信田) — участки, право сбора налогов с которых в соответствии с Законом о ранговых наделах закреплялось за вдовами чиновников, при условии, что они не выходили замуж повторно.

³³ Поля иждивения (*хюрянчжон*, 恤養田) — участки, право сбора налогов с которых в соответствии с Законом о ранговых наделах закреплялось за детьми чиновников в случае смерти обоих родителей.

³⁴ В целом усилия по предотвращению перехода земель под частный контроль окончились неудачей. Сбор налогов с полей оставался в компетенции мелких и средних чиновников, что открывало простор для злоупотреблений. Кроме того, необходимость предварительной сдачи государству налога со служебного поля не лишала чиновника временного права владения этим полем и возможностей для при-

Упомянутые выше нормы были сохранены в окончательной редакции «Великого уложения», и источники не дают сведений о том, как менялись формулировки под давлением придворных, позволяя судить лишь об активных попытках сместить законодательные акценты. Но заключение о том, что правки вносились неоднократно, можно сделать на основании следующего.

В записях времен вана Сечжо за 1464–1465 гг. имеются сведения о решениях, принимавшихся со ссылкой на уже действовавший закон:

Уездным начальникам предписывается добиваться «содержания свиней и кур во всех без исключения хозяйствах, бедных и богатых», и по итогам выполнения предполагается соответствующее поощрение или взыскание³⁵.

Такой же контроль предполагается за организацией рыболовства и солеварения. О результатах добычи этих промыслов требуют докладывать в центр. Со ссылкой на «Великое уложение» Подворная палата запрашивает санкции провести дознание в отношении служащих, чьи результаты были признаны неудовлетворительными³⁶.

В окончательной редакции свода эти весьма неудобные для местных чиновников с точки зрения отчетности положения отсутствуют. Обоснованным представляется вывод, что под давлением бюрократии они были исключены из изначальной редакции.

Как отголосок острой полемики здесь целесообразно привести несколько отрывков из «Вступления» Со Гочжона (1420–1488) и «Пояснительной записки» Чхве Хана, которые предваряли поданный на Высочайшее имя проект свода 1469 г. и вошли во все последующие редакции. Большую их часть занимают пространные ссылки на авторство вана Сечжо, подчеркивающие преемственность правовых взглядов сподвижников покойного вана в обращении к его наследникам:

«В законах государя Сечжо, которые все, без исключения, превосходны, содержатся выдающиеся мысли и сияющая мудрость. И если Ваше Величество <...> будет неукоснительно следовать установлениям прежнего вана, то грядущие поколения, коим были дарованы параграфы из золота и статьи из яшмы, навечно останутся в священном долгу перед этим безгранично прекрасным правлением.

<...> Государь, соизволив лично заниматься всеми делами, с самого начала первостепенное внимание уделял наискорейшему со-

мой эксплуатации крестьян на практике. В 1556 г. Ван Мёнчжон (1545–1567) отменил закон о должностных наделах. Подробнее см.: Курбанов С.О. Указ. соч. С. 143–144.

³⁵ Чосон ванчжо силлок. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kga_11007005_004.

³⁶ Там же. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kga_11103013_002

ставлению уложений, в основу которых ему было угодно положить волю прежних правителей, приведя естественный порядок вещей и соображения практической пользы в гармонию с чаяниями подданных. Воистину это Закон, достойный стать опорой управления государством, значение коего выходит далеко за пределы устава для поведения подданных».

В контексте процесса редактирования «Великого уложения» эти формулировки, с одной стороны, являясь данью конфуцианской традиции, могут свидетельствовать и о сложившейся после его кончины расстановке сил, в которой «птенцы гнезда» Сечжо до поры до времени боролись за влияние на издание законов, по которым будут жить будущие «десять тысяч поколений».

Косвенно об остроте этой борьбы, как представляется, можно судить и по тому факту, что, несмотря на непревзойденную традицию хранения исторических письменных памятников, в Корею не сохранилось ни одного из вариантов «Великого уложения», предшествовавших ставшему каноническим своду года *ильса* (1484). Его обнародование состоялась уже после того, как ван Сончжон смог ослабить настойчивую опеку *хунгунха*. Посвященный новой редакции указ гласил, что «Уложение» является завершенным и не подлежащим каким-либо изменениям, а предлагающие вносить правки будут преданы суду³⁷.

В целом анализ источников позволяет сделать следующий вывод. Законодательство, в котором были сформулированы основополагающие начала общественного порядка и функционирования государственного аппарата, базовые принципы налогообложения, сословного строя и доступа к перераспределению материальных ресурсов, утверждалось в ходе продолжительного соперничества различных групп правящего класса, позиции которых определялись как комплексом политических и имущественных отношений, так и конкурирующими идеологическими устремлениями. Это обстоятельство свидетельствует о сложившемся в XIV–XV вв. понимании важной роли права в упрочении нового общественного порядка и возможностей, которые оно предоставляло для обеспечения сословных и клановых интересов. В этом смысле история издания законодательства государства Чосон отражает ряд важных тенденций его общественно-политической эволюции в первый век существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Кореи (с древнейших времен до наших дней): В 2 т. М.: Наука, 1974.

³⁷ Там же. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kia_11504008_002.

2. *Курбанов С.О.* История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2009. 680 с.
3. *Рыков С.Ю.* Древнекитайская философия: Курс лекций. М.: ИФРАН, 2012. 312 с.
4. *Тихонов В.М., Кан Мангиль.* История Кореи: В 2 т. М.: Наталис, 2011. 533с.
5. *Choi, Chongko.* Law and Justice in Korea South and North. Seoul: Seoul National Univ. Press. 2007. 533 p.
6. *Chun Shin Young* gen. editor. Legal System of Korea. Seoul: International Cultural Foundation. 1975. 387 p.
7. Ёкчу Кёнгук тэчжон [Великое уложение по управлению государством. Комментированный перевод]: В 4 т. Сеул: Чонсин мунхва ёнгувон [Институт изучения духовной культуры]. 1985–1986.
8. Кёнгук тэчжон [Великое уложение по управлению государством]. URL: https://db.history.go.kr/law/item/level.do?levelId=jlaw_1.
9. *О Ёнгё* (ред.). Чосон конгук-ква Кёнгук тэчжон чхечже-ый хёнсон [Основание государства Чосон и становление системы Кёнгук тэчжон]. Сеул: Хеан 2005. 420 с.
10. Самбончип [Собрание сочинений Самбона]. URL: https://db.itkc.or.kr/dir/item?itemId=MO#dir/node?dataId=ITKC_MO_0024A_0080_010_0010&viewSynс=TR.
11. Чосон ванчжо силлок [Истинные записи (правления) династии Чосон]. URL: <https://sillok.history.go.kr/main/main.do>
12. *Чхве Сынхи.* Чосон чхоги чончхиса ёнгу [Политическая история раннего периода династии Чосон]. Сеул: Чисик санопса, 2002. 510 с.
13. *Юн Гугиль.* Кёнчже юкчон-гва кёнгук тэчжон [Шесть уложений по управлению государством и Великое уложение по управлению государством]. Сеул: Синсовон.1998. 208 с.
14. *Юн Гугиль.* Синпхён Кёнгук тэчжон [Великое уложение по управлению государством. Новое издание]. Сеул: Синсовон, 2005. 562 с.
15. *Юн Хунпхё, Лим Ёнхан, Ким Инхо.* Кёнчже юкчон-гва юкчон чхечже-ый соннип [Шесть уложений по управлению государством и становление системы шести уложений]. Сеул: Хеан, 2007. 395 с.

REFERENCES

1. Istoriya Korei (s drevneishikh vremen do nashikh dnei) [History of Korea (from ancient times to present day)] in 2 volumes. Moscow: Nauka, 1974.
2. *Kurbanov S.O.* IstoriyaKorei: s drevnosti do nachala XXI v.[History of Korea: ancient times to beginning of XXI century]. Saint-Petersburg: Izd-vo S.Peterb. un-ta, 2009. 680 p.
3. *Rykov S.Yu.* Drevnekitayskaya filosofiya: Kurs lektsii [Readings on Ancient Chinese Philosophy]. Moscow: IFRAN, 2012. 312 pp.
4. *Tikhonov V.M., Kang Man'gil.* Istoriya Korei [History of Korea]. Moscow. Natalis, 2011. Vol. 1. 533 p.
5. *Choi, Chongko.* Law and Justice in Korea South and North. Seoul: Seoul National Univ. Press. 2007. 533 p.
6. *Chun Shin Young* gen. editor. Legal System of Korea. Seoul: International Cultural Foundation. 1975. 387 p.
7. Yökchu Kyöngguk Taejön [The Great Code of Government. Commented translation] in 4 volumes. Seoul: Chöngsin munhwa yönguwon [Institute of Spiritual Culture]. 1985–1986.
8. Kyöngguk Taejön [The Great Code of Government]. URL: https://db.history.go.kr/law/item/level.do?levelId=jlaw_1.

9. *Oh Yeung-kyo* (Editor). Chosŏn kŏnguk-kwa Kyŏngguk Taejŏn ch'eje-ŭi hyŏngsŏng [The Founding of the Joseon Dynasty and the Completion of Kyŏngguk Taejŏn System]. Seoul: Hean, 2005. 420 p. (in Kor.)
10. Sambongjib [Collection of works by Sambong]. URL: https://db.itkc.or.kr/dir/item?itemId=MO#dir/node?dataId=ITKC_MO_0024A_0080_010_0010&viewSync=TR.
11. Chosŏn Wangjo Sillok [The annals of the Chosŏn dynasty]. URL: <https://sillok.history.go.kr/main/main.do>.
12. *Choe Seunghui*. Chosŏn ch'ogi chŏngch'isa yŏngu [Political history in early Chosŏn period]. Seoul: JisikSaneopsa, 2002. 510 p.
13. *Yun Gugil*. Sinp'yŏn Kyŏngguk Taejŏn [The Great Code of Government. New edition]. Seoul: Sinseowon, 2005. 262 p.
14. *Yun Gugil*. Kyŏngje yukchŏn-gwa Kyŏngguk Taejŏn [Six Codes of Administration and The Great Code of Government] Seoul: Sinsŏwon, 2005. 208 p.
15. *Yun Hunpyo, Im Yonghan, Kim Inho*. Kyŏngje yukchŏn-gwa yukchŏn ch'eje-ŭi sŏngnip [Establishment of the Six Codes of Government and the Six Codes System]. Seoul: Hean, 2007. 395 p.

Статья поступила в редакцию 15.07.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 26.10.2023.

The article was submitted 15.07.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication 26.10.2023.

ОБ АВТОРЕ

Пироженко Олег Степанович — независимый исследователь, Торговое представительство Российской Федерации в Республике Корея, Сеул, Республика Корея. ORCID: 0000-0002-8090-3407; pirozhenkotm@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Oleg S. Pirozhenko — Independent Researcher, The Trade Representation of the Russian Federation in the Republic of Korea, Seoul, Republic of Korea. ORCID: 0000-0002-8090-3407; pirozhenkotm@gmail.com

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-3

«ИЗОБРАЖЕНИЕ СОБРАНИЙ» *КЕХВЕДО* КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

Е.А. Вострикова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; dolihotella@hotmail.com

Аннотация. В статье автор исследует феномен «изображения собраний» *кехведо* в корейской традиционной живописи эпохи Чосон (1392–1910). В рамках жанра «документальной живописи» *кирокхва* «изображение собраний» на протяжении веков развивалось как самостоятельное художественное направление, имевшее мемориальное значение и транслировавшее интеллектуальные и духовные поиски ученых-конфуцианцев в русле общегосударственной корпоративной культуры. Являясь продуктом исторической памяти, живопись *кехведо* отражала социально-политический контекст, демонстрировала определенные формы бытовой культуры Кореи, описывала и объясняла пути развития отдельных социальных групп.

Анализируется природа происхождения собраний ученых-конфуцианцев *кехве*, корни которых ведут к древним объединениям общинников догосударственного периода. Со временем собрания интеллектуалов стали обязательной частью жизни чиновника средневековой Кореи, являясь одним из видов социальных отношений внутри бюрократической элиты и средством укрепления близких связей. Эволюция собраний интеллектуалов отражала их постепенную институционализацию как следствие усиления позиций неоконфуцианства в корейском обществе, стремившегося к четкости и иерархичности не только в структуре госаппарата, но и в межличностных отношениях.

Автор прослеживает изменения в композиционных подходах и технике исполнения картин *кехведо* от идиллических пейзажей, исполненных только тушью, к ярким и детальным бытовым сценам, делая вывод, что исторические процессы естественным образом приводили к трансформации иконографии типичных сюжетов и пересмотру эстетических ценностей корейских чиновников, которые являлись зеркалом их культурных запросов и чаяний.

Ключевые слова: «документальная живопись», *кирокхва*, «изображение собраний», *кехведо*, корейская традиционная живопись, Корё, Чосон

Для цитирования: Вострикова Е.А. «Изображение собраний» *кехведо* как исторический источник и произведение искусства // Вестн. Моск. ун-та.

«GATHERING PAINTING» *KYEOEDO* AS A HISTORICAL SOURCE AND WORK OF ART

Ekaterina A. Vostrikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dolihotella@hotmail.com

Abstract: In the article, the author explores the phenomenon of «Gathering Painting» *kyehoedo* in Korean traditional painting of the Chosŏn era (1392–1910). Within the genre of «Documentary Painting» *kirokhwa*, «Gathering Painting» has developed over the centuries as an independent artistic form, which had memorial significance and conveyed the intellectual and spiritual searches of Confucian scholars within the framework of a national corporate culture. Being a product of historical memory, *kyehoedo* painting reflected the socio-political context, showed certain forms of Korean everyday culture, described and explained the development of individual social groups.

The work analyses the source of *kyehoe* meetings of Confucian scholars that originate from the ancient associations of community members of the pre-state period. Over time, gatherings of intellectuals became an indispensable part of the life of an official in Korea, being one of the types of social relations within the bureaucratic elite, and a means of close ties intensification. The evolution of the meetings of intellectuals reflected their gradual institutionalization as a result of the strengthening of the neo-Confucianism positions in Korean society, which strived for definition and hierarchy not only in the structure of the state apparatus, but also in interpersonal relations.

The author traces changes in the composition and technique of *kyehoedo* paintings from idyllic landscapes, made in ink, to bright and detailed everyday scenes, and concludes that historical processes naturally led to transformation of typical plots and revision of aesthetic values of Korean officials, which mirrored their cultural needs and aspirations.

Keywords: «Documentary Painting», *kirokhwa*, «Gathering Painting», *kyehoedo*, Korean traditional painting, Koryŏ, Chosŏn

For citation: Vostrikova E.A. «Gathering Painting» *Kyehoedo* as a Historical Source and Work of Art. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2023, Vol. 67, No. 3, pp. 37–59. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-3 (In Russ.)

Жанр «документальной живописи» в корейском классическом искусстве

Традиционную культуру Кореи можно назвать «культурой памяти», и классическая живопись является тому прямым доказательством. Хотя зарождение живописи, которая отражала исторические

события и персоналии, в корейском традиционном изобразительном искусстве можно отнести еще к древности (фрески гробниц Когурё, 37 г. до н.э. – 668 г. н.э.), окончательное формирование самостоятельного жанра относится к эпохе Чосон (1392–1910), когда в рамках художественного направления «изображение людей» *инмульхва* (人物畫 인물화), включавшего в себя очень широкий спектр жанров от портрета *чхосанхва* (肖像畫 초상화) до бытового жанра *пхунсокхва* (風俗畫 풍속화), активно развивался жанр *кирокхва* (記錄畫 기록화), или «документальная живопись», ставший особым явлением в художественной культуре Кореи.

Бюрократический аппарат неоконфуцианского Чосона зиждился на документировании и протоколировании. История правления вавнов Кореи была отражена в «Подлинных записях династии Чосон» (朝鮮王朝實錄 조선왕조실록), письменных хрониках, фиксирующих деяния и речи правителя, тогда как работы придворных художников подробно иллюстрировали историю королевской семьи. Для этих целей создавались так называемые летописи *ыйгве*¹ (儀軌 의궤, «Книги установленных ритуалов») со специальными иллюстрациями *панчхад* (班次圖 반차도) в форме длинных горизонтальных свитков, которые являлись своего рода планами или схемами процессов. Согласно таким схемам, чиновники занимали места при проведении государственных мероприятий. Подобные документы, изображая историческое событие, становились образцом, справочником и руководством для проведения соответствующих церемоний будущими поколениями².

Сегодня «документальная живопись» предстает как средоточие идеологических, мировоззренческих и культурных парадигм Чосона. Имея характер визуальных хроник, предназначенных подтвердить легитимность власти правителя, правопреемственность династии, отражая важнейшие придворные церемонии и ритуалы, она также воссоздавала памятные и праздничные события из жизни представителей корейской элиты *садэбу* (士大夫 사대부) и более широкого слоя корейских чиновников. Это был продукт исторической памяти, отражение самосознания нации, способствовавший установлению традиции.

Всесторонняя поддержка и очевидный запрос со стороны общества и государства на произведения жанра *кирокхва* подтверждают, что неоконфуцианская культура акцентировала образовательную

¹ Термин *ыйгве* состоит из иероглифов, которые входят в состав слов *ыйсик* (의식) — церемония, ритуал и *квебом* (궤본) — стандарт, образец.

² Подробнее об *ыйгве* см.: Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. С. 274–293.

и назидательную роль живописи. Важно подчеркнуть, что из художественной формы, которая носила характер документа, имеющего мемориальное значение, живопись *кирокхва* развилась в особое искусство, задачей которого стало правдиво передавать то или иное событие. «Документальная живопись» отражала исторический контекст, показывала разные формы бытовой культуры, описывала и объясняла пути развития корейского социума. Для современного историка, библиографа, этнографа, специалиста по истории костюма она является ценнейшим исследовательским материалом. Всё в подобных картинах заслуживает детального изучения: одежда и атрибуты персонажей, транспортные средства, флаги, посуда, музыкальные инструменты, архитектурные постройки, служащий фоном пейзаж.

Произведения жанра *кирокхва* создавались профессиональными живописцами в разных форматах: горизонтальные и вертикальные свитки, тематические альбомы, ширмы. Они писались в нескольких экземплярах почти всегда детально и тщательно, попадая в придворную канцелярию, различные ведомства или к людям, имевшим отношение к событию, зафиксированному художником. Картины *кирокхва* становились предметами роскоши, достойным украшением дворцов и присутственных мест. Правитель в качестве особой статусной награды мог удостоить отличившихся чиновников подобным ценным подарком³.

В современном южнокорейском искусствоведении разнообразный мир «документальной живописи» диверсифицируют по-разному, но чаще всего выделяют следующие актуальные направления: изображение придворных церемоний, ритуалов и празднеств, писавшиеся на ширмах, фоном для которых служила территория дворца или иная архитектурная постройка; изображение путешествий вана, королевы, наследного принца или церемонии с их присутствием, которые создавались художниками на длинных горизонтальных свитках; изображение шестидесятилетних юбилеев или других празднеств представителей *садэбу*; изображение собраний сослуживцев или друзей, распространенные в среде чиновников-конфуцианцев; изображение дипломатических миссий; изображение батальных сцен (редкие для корейской традиционной живописи); изображение дворцов и карт⁴.

³ Симбирцева Т.М. Указ. соч. С. 276.

⁴ Traditional Korean Painting. Korean Art — 2. Seoul: The Si-sa-yong-o-sa Publishers, 1983. P. 150.

Происхождение собраний *кехве* и их эволюция

Каждая из описанных разновидностей жанра *кирокхва* заслуживает пристального внимания. Однако данная статья ставит задачу изучения *кехведо* (契會圖 계회도), или «изображений собраний», на которых художники запечатлевали встречи правящей образованной прослойки корейского общества. Целью таких мероприятий являлось эстетическое наслаждение и поддержание дружеских связей.

В термине *кехведо* ключевым для его содержания является иероглиф *ке* (契 계), имеющий большой спектр значений: артель, гильдия, товарищество, клясться в верности, сдружиться, водить компанию и т. д. *Ке* в корейском языке включает самые разные формы собраний и встреч братств, содружеств, территориальных союзов, благотворительных клубов и не может быть переведено одним словом. Смысловое ядро *ке* составляет идея организации людей для выполнения определенных задач, реализации общих дел. Происхождение термина *кехве* отсылает нас к древним объединениям общинников догосударственного периода и связано с принципом *санбу санджо* (相扶相助 상부상조), который предполагает взаимную помощь и поддержку в разных сферах хозяйства и быта. Встречи ученых-конфуцианцев могли заимствовать традицию собраний общины или артели, но цели их были иные. Подобные собрания отражали духовные и эстетические поиски корейских интеллектуалов в рамках общегосударственной корпоративной культуры.

Собрания чиновников начались еще в период Корё (918–1392) и стали пользоваться огромной популярностью в Чосоне. Встречи происходили в кругу друзей, ровесников, коллег по государственной службе или, например, чиновников, которые одновременно смогли сдать государственный экзамен на чин. Чаще всего местом собрания ученые мужи выбирали живописный берег реки или горы, куда они отправлялись, следуя принципу *канхо ханджон* (江湖閑靜 강호한정), «тишина и спокойствие на лоне природы», утверждавшему, что эстетические переживания открываются через свободное созерцание, становясь средством культивации моральных качеств. В то же время собрания могли проводиться и в помещении.

Среднестатистический чиновник за свою жизнь принимал участие в большом количестве разных собраний. Можно смело утверждать, что *кехве*, будучи обязательной частью жизни конфуцианца, являлись одним из видов социальных отношений внутри бюрократической элиты и средством укрепления дружеских связей. Известный южнокорейский историк искусства Ан Хвиджун выделяет два основ-

ных типа собраний образованных людей периодов Корё и Чосон: так называемые «Собрания Старших» *кирохве*, или *киёнхве* (耆老會 기로회, 耆英會 기영회), в которых участвовали добродетельные мужи, достигшие 70 лет и имевшие должности 2 ранга и выше; и обычные собрания *кехве*, менее строгие в вопросе включения членов в свой состав, в них участвовали ровесники или сослуживцы⁵.

Первым «Собранием Старших» в Корё стало «Собрание Восточного государства» (т. е. Кореи), или *Хэдон кирохве* (海東耆老會 해동기로회), которое организовал в 1203 г. министр *тхэви* (太尉 태위) Чхве Дан (崔讜 최당, 1135–1211). Перед 70-летием Чхве Дан оставил государственную службу и построил неподалеку от полюбившегося ему дерева, росшего на отвесной скале к югу от павильона Сумунгван (修文館 수문관), уединенный кабинет Ссанмёнджэ (雙明齋 쌍명재). Там один раз в 10 дней девять высокопоставленных пожилых сановников⁶ наслаждались четырьмя добродетельными занятиями благородного мужа: музицированием на цитре, игрой в *падук*, сочинением стихов и совместным распитием вина, избегая пустых разговоров. К членам собрания современники обращались «Бессмертные на Земле», так как они были уже ничем не обременены и могли беззаботно проводить свое время⁷.

Прототипами «Собрания Восточного государства» Чхве Дана стали «Собрание Девяти Старших из Лояна» (洛中九老會), организованное китайским поэтом Бо Цзюйи (白居易, 772–846, он же Бо Лэтянь 白樂天) династии Тан, и «Истинно-наивное собрание» (眞率會) поэта Вэнь Яньбо (文彥博, 1006–1097) династии Северная Сун⁸.

Два письменных источника: «Тонмунсон» (東文選 동문선, «Избранные сочинения Восточного [государства]», кон. XV в.) в главах «Записи потомков о “Собрании Восточного государства”» (海東後耆老會序 해동후기로회서) и «Записи о Ссанмёнджэ» (雙明齋記 쌍명

⁵ Ahn Hwi-joon. Literary gatherings and their paintings in Korea. Seoul Journal of Korean Studies. Seoul: Seoul National University, 1995. Vol. 8, p. 87.

⁶ Участники «Собрания Восточного государства»: Чан Джамок (張子牧 장자목, 78 лет), Чхве Дан (77 лет), Ли Джунчжан (李俊昌 이준창, 77 лет), Пэк Квансин (白光臣 백광신, 74 года), Ко Хёнджун (高瑩中 고흥중, 74 года), Ли Седжан (李世長 이세장, 71 лет), Хён Доксу (玄德秀 현덕수, 71 год), Чхве Сон (崔誥 최선, 69 лет) и Чо Тхон (趙通 조통, 64 года). Все, кроме Чхве Сона и Чо Тхона, старше 70 лет, все, кроме Чо Тхона, в отставке, поэтому с оговорками можно утверждать, что членство в собрании было ограничено возрастом старше 70 лет, также участники занимали должности министров.

⁷ Ibid. P. 88.

⁸ Хангук минджок мунхва тэбэкква саджон. Т. 2. Сеул: Хангук чонсинмунхва ёнгувон, 1994. С. 315.

재기), и «Корёса» (高麗史 고려사, «История государства Корё», сер. XV в.) в биографии Чхве Дана, упоминают о том, что «Собрание Восточного государства» было запечатлено в художественном произведении, которое называлось соответственно «Собрание Восточного государства» (海東耆老會圖 해동기로회도)⁹.

Живописный памятник не сохранился, однако суммируя информацию о нем, мы узнаем следующее. «Собрание Восточного государства» было исполнено прославленным живописцем Ли Джоном (李侏 이전, ?–?, работал в нач. XIII в.), сыном высокопоставленного сановника Ли Джонбу (李存夫 이존부, ?–?). Упоминается, что картину заказали члены собрания, поэтому можно предположить, что Ли Джон не сделал карьеру чиновника, как отец, а стал профессиональным художником. Другая информация об авторе отсутствует. Мастер со всей возможной полнотой и точностью стремился передать облик участников собрания. Седовласые старцы в легких одеяниях были написаны в свободных расслабленных позах, наслаждающимися поэзией и вином, развлекающими себя цитрой и игрой в па-дук. Лица персонажей выполнены художником достаточно крупно и детально, так что знающие их лично могли узнать героев, даже не глядя на подписи с именами, которые помещались рядом с каждым изображенным. Не сохранилось информации о том, были ли фигуры исполнены на фоне пейзажа. Помимо живописи на шелке или бумаге, собрание также было вырезано в камне, т. е. Чхве Дан и его друзья хотели, чтобы «Собрание Восточного государства» осталось в памяти потомков.

Скорее всего, обычные собрания интеллектуалов *кехве* тоже широко распространились в Корё, как и более консервативные «Собрания Старших» *кирохве*, но о них почти не сохранилось документальных свидетельств. В «Корёса» упоминается только *кехве*, организованное неким шестнадцатилетним Ю Джаряном (庾資諒 유자량, 1150–1229) совместно с юношами из конфуцианских семей. Популярность и символическую значимость собраний доказывает то, что даже молодые люди организовывали подобные группы. В конце периода Корё интеллектуалом Ли Сэком (李穡 이색, 1328–1396) было написано стихотворение о собрании *кехве* тех, кто вместе с ним сдал государственный экзамен на чин, что еще раз подтверждает общественный интерес к этому явлению. Однако изображений собраний или упоминаний о подобных картинах не сохранилось¹⁰.

⁹ Ahn Hwi-joon. Op. cit. P. 88–89.

¹⁰ Ibid. P. 90–91.

Уже с начала правления династии Ли «Собрания Старших» несколько изменили свой первоначальный характер. Функционирование «Собраний Старших» сосредоточилось вокруг организации Киса (耆社 기사), иначе Киросо (耆老所 기로소). Это было особое ведомство для чиновников высших рангов, достигших семидесятилетнего возраста, своего рода почетный клуб самых заслуженных чиновников. Основал Киса ван Тхэджо (太祖 태조, 1392–1398) и сам вступил туда в 1395 г., когда ему исполнилось 60 лет, став первым ваном, принятым в Киса¹¹. С тех пор Киса функционировала как элитарная организация, в которой правитель и его подданные могли участвовать вместе. Естественно, статус Киса укрепился, все официальные мероприятия, связанные с этой организацией, стали продуманными и сложными.

Институционализация «Собраний Старших» демонстрирует новую фазу истории их развития. *Кирохве* периода Корё, чьей целью являлось приятное времяпрепровождение, трансформировались в своего рода способ выражения уважения к старшим со стороны правящего дома. Хотя отношение к участникам собраний оставалось теплым, а сами мероприятия развлекательными, присущая им ранее непосредственность дружеского общения была потеряна.

В XV в. произошло разделение понятий *кирохве* и *киёнхве*. В каждый 3-й день 3-го месяца и 9-й день 9-го месяца ведомство Еджо (禮曹 예조, Ведомство церемоний) и Секретариат вана Сындронвон (承政院 승정원) организовывали в павильоне Поджеру (普濟樓 보제루) «Банкет Старших» *кироён* (耆老宴 기로연), он же *кирохве*, а в павильоне для спортивных занятий Пансонджон (盤松亭 반송정) — «Собрание Старших» *киёнхве*. Оба собрания проходили под музыку, гости щедро угощались вином¹². Различие заключалось в следующем: в *кирохве* участвовали чиновники старше 70 лет в 3-м полном ранге и выше. *Киёнхве* стало собранием тех, кто занимал должности высших министров и министров правой и левой руки 1-го и 2-го рангов, что подчеркивало их более высокий статус. Помимо *кирохве* и *киёнхве* в рамках Киса пожилые сановники продолжали организовывать между собой «Собрания Старших» в духе «Собрания Восточного государства» Чхве Дана, носившие более

¹¹ За все годы правления династии Ли три вана были членами Киса: кроме Тхэджо, ван Сукчон (肅宗 숙종, 1674–1720) был принят в 1719 г., на 45-м году правления в возрасте 60 лет, и ван Ёнджо (英祖 영조, 1724–1776) был принят в 1744 г., на 20-м году правления в возрасте 51 года.

¹² Хангук минджок мунхва тэбэкква саджон. Т. 4. С. 433.

свободный характер. Их подготовка была максимально упрощена, чтобы не обременять участников.

На этом фоне росла популярность и обычных собраний чиновников *кехве*. Данный факт подтверждается множеством стихотворений, сочиненных на встречах учеными-конфуцианцами. Целью большинства собраний являлось укрепление нравственности и совершенствование конфуцианской добродетели, удовольствие от общения, поддержание дружеских и корпоративных связей.

Трансформация иконографии картин *кехведо* эпохи Чосон

Уже в начале периода Чосон широко распространилась традиция заказа у профессиональных художников изображений «Собраний Старших» и собраний чиновников. Произведения *кехведо* были призваны зафиксировать встречу и сохранить для следующих поколений информацию о ней как о памятном событии. Роль подобных картин состояла в том, чтобы с помощью художественно-выразительных средств передать статусные, социально-значимые события, определяющие ход общественной жизни в государстве. К тому же в Корее одной из функций живописи являлось нравственное и духовное воспитание, так что этот аспект также учитывался заказчиком.

«Изображения собраний» имели не только иллюстративную часть, запечатлевавшую сцену встречи и ее главных героев, но также колофоны, которые помогают определить, когда была написана та или иная картина. Эта особенность важна для историков искусства, так как датировка произведений — сложный вопрос корейской традиционной живописи.

В ранний период Чосон были распространены вертикальные свитки *кехведо*, построенные по принципу трехчастной композиции: в верхней части художник помещал иероглифическое название собрания, которое писалось древним каллиграфическим стилем *чонджа* (篆字 전자, или *чонсо* 篆書 전서), применявшимся в печатях; в средней части — изображение собрания на фоне прекрасного пейзажа; нижняя часть свитка содержала колофон с датой проведения встречи или создания картины, именами участников, их псевдонимами, клановой принадлежностью, датами рождения, датами сдачи государственного экзамена на чин, рангами и государственными постами, которые они на тот момент занимали.

Самые ранние дошедшие до нас произведения *кехведо* датируются первой половиной XVI в. По меркам корейской традиционной живописи, общая сохранность которой невысока, количество картин

Рис. 1. Неизвестный художник. *Собрание в Мивоне*, 1540 г.
Шелк, тушь. 93×61 см. Национальный музей Кореи, Сеул

с собраниями относительно велико. «Собрание в Токсодане» (讀書堂契會圖 독서당계회도, ок. 1531 г.) из частной японской коллекции, «Собрание в Мивоне» (薇垣契會圖 미원계회도, ок. 1540 г.) (рис. 1) и «Собрание в Хагване» (夏官契會圖 하관계회도, ок. 1541 г.) из Национального музея Кореи, а также «Собрание чиновников-сослуживцев, сдавших экзамен [на степень *чинса* (подробнее о *чинса* см. ниже)] в один год» (蓮榜同年一時曹司契會圖 연방동년일시조사계회도, ок. 1542 г.) (рис. 2) из Национального музея Кванджу представляют собой близкие по размеру вертикальные свитки, выполненные во второй четверти XVI в. неизвестными авторами.

Все мастера придерживались живописной манеры школы *Ангёнпха* (安堅派 안견파) выдающегося корейского придворного

художника Ан Гёна (안견 安堅, ?-?, работал в XV в.), следовавшего китайской классике. Авторы как бы с высоты птичьего полета с помощью резких тональных контрастов, графических линий и тушевых размывок создавали прекрасные идиллические пейзажи, композиция которых чаще всего тяготела к одной стороне полотна. Между названием и нижним колофоном в вымышленном пейзаже написана сцена встречи интеллектуалов, теряющаяся в пространстве гор и вод, уходящих в бесконечную даль. Очевидно, что живописные фрагменты свитков фокусируются в первую очередь на природном ландшафте, маленькие схематичные фигурки чиновников включены в картины лишь символически. Каждый раз художники

Рис. 2. Неизвестный художник. *Собрание чиновников-сослуживцев, сдавших экзамен [на степень чина] в один год*, ок. 1542 г. Шелк, тушь, водяные краски. 101,2×60,6 см. Национальный музей Кванджу, Кванджу

в соответствии с философскими принципами *чаёнган* (自然觀 자연관) — «взгляд на природу», «суждение о природе» и *сансуэ* (山水愛 산수애) — «любовь к горам и водам/к природе», положенными в основу традиционного пейзажа, подчеркивали грандиозность окружающего мира и сиюминутность происходящего события. Именно в подобной обстановке интеллектуалам следовало совершенствовать нравственные качества, очищая дух и сознание, что являлось одной из целей собраний *кехве*.

На свиток «Собрание чиновников-сослуживцев, сдавших экзамен [на степень *чинса*¹³] в один год», добавлено стихотворение *чехваси* (題畫詩 제화시) участника встречи конфуцианца Ким Инху (金仁厚 김인후, 1510–1560), отражающее дружескую атмосферу собраний *кехве*, направленных на любование природой, поиск утонченных эстетических переживаний и отрешение от суеты светской жизни: «Благородные мужи, в один год уже примерно десять лет назад получившие степень *чинса*, кто раньше, кто чуть позже, смогли успешно сдать экзамен *тэгва*.

Вместе мы следуем по пути службы, но наша дружба старше карьеры. И хотя обязанности у нас разные, все мы мелкие чиновники.

Сталкиваясь по работе, нам некогда даже поговорить, поэтому, собираясь в свободное время, мы ищем прекрасные горы и реки.

Давайте же ненадолго сбросим ограничения светского мира и будем пить вино, смеяться и беседовать вдоволь.¹⁴

При всей условности изображения самих сцен собраний в соответствии со строгими конфуцианскими правилами чиновники писались облаченными в официальные одеяния. В то же время художники подчеркивали неофициальную сторону встречи: рядом с группой собравшихся они рисовали небольшой столик, на котором стояли кувшины с вином, призванные подчеркнуть удовольствие от взаимного общения. Подобные произведения будут создаваться корейскими мастерами и позже, примерами могут стать свитки не-

¹³ Система государственных экзаменов *квваго* (科學 과거) в правление династии Ли состояла из двух этапов. При успешной сдаче первого экзамена *согва* (小科 소과) будущие чиновники получали степень *чинса* (進士 진사), для чего требовалось сочинить два стихотворения, либо степень *сэнвон* (生員 생원), для этого было необходимо написать два сочинения на знание конфуцианских канонов. После сдачи второго экзамена на должность *тэгва* (大科 대과) преуспевшие принимались на службу в высшие государственные учреждения. В среднем между сдачей экзаменов *согва* и *тэгва* проходило около 9 лет.

¹⁴ Перевод колофона картины «Собрание чиновников-сослуживцев, сдавших экзамен [на степень *чинса*] в один год» (рис. 2), который находится в верхней левой части свитка и содержит стихотворение Ким Инху, выполнен автором статьи.

Рис. 3. Неизвестный художник. *Собрание чиновников, рожденных в год синхэ [1551]*, 1626 г. Шелк, тушь. 162,4×67,9 см. Национальный музей Кореи, Сеул. Фрагмент

известных авторов «Собрание в Токсодане» (讀書堂契會圖 독서당 계회도, 1570 г.) из Музея Сеульского национального университета и «Собрание чиновников, рожденных в год синхэ [1551]» (辛亥生甲會之圖 신해생갑회지도, 1626 г.) (рис. 3) из Национального музея Кореи.

Однако уже в середине XVI в. появляются картины *кехведо* с иной композиционной схемой. В свитках «Собрание чиновников Подворной палаты» (戶曹郎官契會圖 호조낭관계회도, ок. 1550 г.) (рис. 4) и «Собрание в Лotosовом павильоне» (蓮亭契會圖 연정계회도, ок. 1550 г.) неизвестных художников из коллекции Национального музея Кореи пейзаж продолжает заполнять большую часть плоскости шелка, но сцена собрания приближена к зрителю, она увеличена и занимает все пространство первого плана, т. е. природа выступает уже только как фон. Участники встречи изображены в открытых павильонах более крупно и детально, чем раньше. В исполнении фигур героев живописцы начинают использовать цвет. Подобные

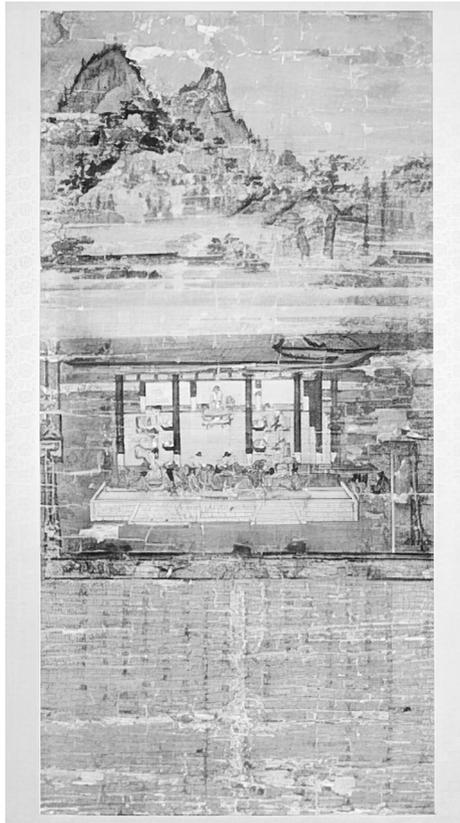

Рис. 4. Неизвестный художник. *Собрание чиновников Подворной палаты*, ок. 1550 г.
Шелк, тушь, водяные краски. 121×59 см. Национальный музей Кореи, Сеул

произведения отражают постепенный переход к новой иконографии, широко распространившейся в XVII в., когда смысловой акцент будет полностью перенесен с идеалистического мира всеобъемлющей Природы непосредственно на саму сцену собрания в интерьере и ее участников.

Данная тенденция ярко отражена в свитках *кехведо* последней четверти XVI — первой половины XVII в., таких как «Собрание Старших» (耆英會圖 기영회도, 1584 г.) (рис. 5), «Собрание Старших» (耆英會圖 기영회도, 1585 г.) неизвестных авторов из Национального музея Кореи, «Банкет в честь Старших, [организованный] в правление [вана] Сонджо» (宣祖朝耆英會圖 선조조기영회도, 1585 г.) неизвестного автора из Музея Сеульского национального университета,

Рис. 5. Неизвестный художник. *Собрание Старших*, 1584 г. Шелк, тушь, водяные краски. 163×128,5 см. Национальный музей Кореи, Сеул

«Собрание четырех чиновников из Сондо, занявших первое место при сдаче государственного экзамена на чин» (四狀元松都同僚契會畫 사장원송도동료계회도, 1612 г.) неизвестного автора из Национального музея Кореи и в свитке придворного художника Ли Гирёна (李起龍 이기룡, 1600–?) «Собрание Старших у Южного пруда» (南池耆老會圖 남지기로회도, 1629 г.) (рис. 6) из Музея Сеульского национального университета.

Новые композиционные подходы и технику исполнения, характерные для большинства произведений этого периода, демонстри-

Рис. 6. Ли Гирён. *Собрание Старших у Южного пруда*, 1629 г. Шелк, тушь, водяные краски. 116,6×72,4 см. Музей Сеульского национального университета, Сеул. Фрагмент

рует работа «Собрание Старших» 1584 г. Сверху, как и прежде, написано название собрания, в нижней части — информация с именам участников и общими сведениями о встрече, а вот природный пейзаж или пейзажный фон отсутствуют. Все центральное пространство свитка занимает павильон, в котором семь пожилых сановников¹⁵ чинно восседают на циновках с леопардовым рисунком, они облачены в официальные чиновничьи одеяния *кванбок* (官服 관복) без нашивок *хюнбэ* (胸背 흥배) на груди и спине. Перед каждым

¹⁵ Участники «Собрания Старших» 1584 г.: Хон Сом (洪暹 홍섬, 1504–1585), Вон Хон (元混 원혼, 1505–1588), Лим Ёль (任說 임열, 1510–1591), Пак Тэрип (朴大立 박대립, 1512–1584), Чон Джонъён (鄭宗榮 정종영, 1513–1589), Но Сусин (盧守愼 노수신, 1515–1590), Чон Югиль (鄭惟吉 정유길, 1515–1588).

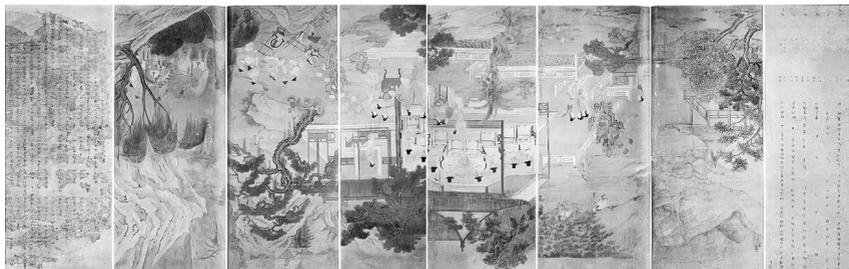

Рис. 7. Неизвестный художник. Восьмистворчатая ширма *Собрание Старших Квон Дэуна*, 1689 г. Шелк, тушь, водяные краски. 199×485 см. Музей Сеульского национального университета, Сеул

сервирован столик, слуги разносят яства, танцовщицы и музыканты развлекают гостей. Отличительным признаком произведений данного периода и важной деталью интерьера является большая ширма с изображением водоплавающих птиц, цветущей сливы, сосен или гор, которая становится фоном для собрания, заменяя собой пейзаж. Чтобы добавить утонченности сцене собрания, посередине расположен красный лакированный столик, на нем стоят бело-синие фарфоровые вазы с цветами. Пространство павильона подсвечено зажженными свечами, показывающими, что это вечерний банкет. Произведение выполнено яркими минеральными красками в технике, которая позволяет точно передать все детали происходящего.

Однако нельзя забывать, что мы говорим о живописи, поэтому интерпретация традиционного сюжета или отход от строгого канона могли быть легко реализованы по воле заказчика. Примером тому может служить хранящаяся в коллекции Музея Сеульского национального университета роскошная восьмистворчатая ширма «Собрание Старших Квон Дэуна» (權大運耆老宴會圖 권대운기로 연회도, 1689 г.) (рис. 7) кисти неизвестного автора. Две крайние створки содержат колофоны, на шести центральных — изображена встреча сановников на фоне идиллического пейзажа, написанного не тушью, а в цвете.

Колофон гласит, что собрание организовано в 1689 г. по случаю получения высшим министром *ёныйджоном* (領議政 영의정) Квон Дэуном (權大運 권대운, 1612–1699) в подарок от вана Сукчона (肅宗 숙종, 1674–1720) так называемого *кведжана* (几杖 궤장), особого кресла и посоха, атрибутов жизни старца, символов уважения к преклонному возрасту. Квон Дэун был лидером партии *намин* (南人 남

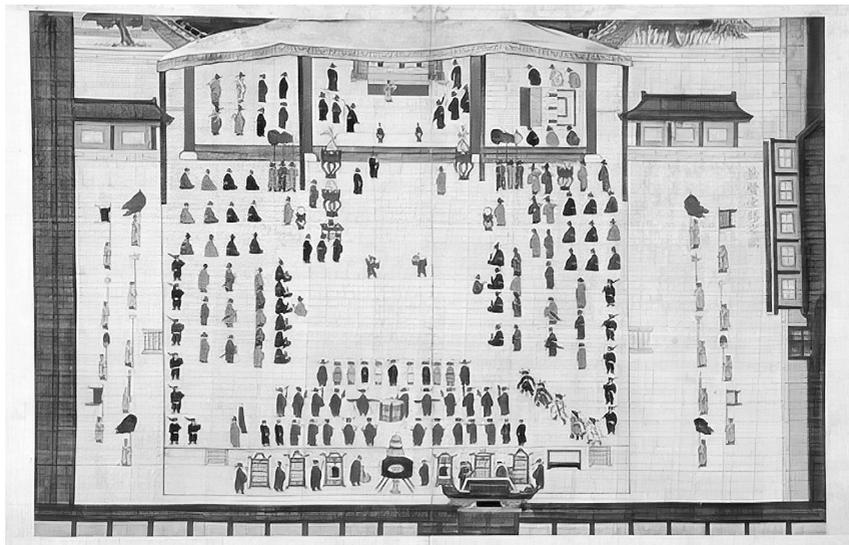

Рис. 8. Ким Джинё и др. Альбом *Собрание Старших*, альбомный лист *Банкет в павильоне Кёнхёндан* (景賢堂錫宴圖 경현당석연도), 1720 г. Шелк, тушь, водяные краски. 43,9×67,6 см. Музей Женского университета Ихва, Сеул

인, «южан»), присутствовавшие на банкете¹⁶ являлись важнейшими фигурами его партии, поэтому ширму можно рассматривать как послание, подтверждающее политическое влияние «южан» и лично Квон Дэуна, переизбранного в качестве *киса хвангука* (己巳換局 기사환국), т. е. главы Киса¹⁷.

Отличительной особенностью ширмы является портретная точность лиц участников собрания, достигнутая благодаря искусности неизвестного мастера и большому формату произведения. Сине-зеленый пейзаж, фигуры служанок, обслуживающих банкет, группа слуг, сидящих около носилок своих господ или приглядывающих за лошадьми, исполнены в манере, присущей китайской придворной живописи, и отражают индивидуальные вкусы заказчика.

Уже со второй половины XVII в. композиционный формат вертикальных свитков *кехведо* претерпел значительные изменения.

¹⁶ На пиршестве Квон Дэуна присутствовали: Мок Нэсон (睦來善 목내선, 1617–1704), Ли Гванджин (李觀徵 이관징, 1618–1695), О Джонви (吳挺緯 오정위, 1616–1692), Ли Ок (李沃 이옥, 1641–1698), Квон Гю (權珪 권규, 1648–1723), О Симан (吳始萬 오시만, 1647–1700), Мок Имиль (睦林 이목임일, 1646–?), Квон Джунгён (權重經 권중경, 1658–1728).

¹⁷ Ан Хвиджун, Мин Гильхон. Ёкса-ва сасани тамгин чосон сидэ инмульхва. Сеул: Хаккодэ, 2010. С. 157–194.

«Изображения собраний» теперь часто представляли собой тематические альбомы, в которых было удобнее документировать социально значимую информацию, а главное, их было легче хранить и смотреть. В альбомах живописная часть выполнялась на отдельных листах, сюжет полностью сосредоточивался на сценах собрания и их главных героях. Комментарии, пояснения, стихи, иногда отдельные портреты участников писались на дополнительных листах. Далее все эти материалы и изображения, созданные в необходимом количестве экземпляров, собирались в жесткие переплеты с тем, чтобы быть переданными каждому члену собрания. В XVIII в. распространилась настоящая мода на подобные альбомы. Примером, отражающим основные характеристики «изображений собраний» позднего периода Чосон, может выступить альбом из Музея Женского университета Ихва «Собрание Старших» (耆社契帖 기사계첩, 1720 г.) (рис. 8), созданный группой придворных художников Ким Джинё (金振汝 김진여, ?–?, работал в XVIII в.), Чан Тхэын (張泰興 장태흥, ?–?, работал в XVIII в.), Пак Тонбо (朴東普 박동보, 1663 – после 1735), Чан Дынманом (張得萬 장득만, 1684–1764) и Хо Суком (許倬 허숙, 1688–?). Все листы альбома не имеют пейзажного фона, детальный и схематичный тип изображений сближает их с иллюстрациями *панчхад* из летописей *ыйгве*, о которых мы упоминали ранее¹⁸.

Иногда в картинах *кехведо* ярко проявлялась индивидуальная творческая манера мастера, интерпретировавшего традиционный сюжет по-своему. Подобным произведением является свиток «Собрание Старших во имя связи поколений» (耆老世聯契圖 기로세련 계도, 1804 г.) (рис. 9) из частной коллекции, написанный великим придворным живописцем Ким Хондо (金弘道 김홍도, 1745–1806?). Грандиозное собрание, в котором приняло участие 64 чиновника, было организовано в Кэсоне, в местечке Манвольдэ (滿月臺 만월대), где в эпоху Корё находился дворец вана Тхэджо. Мастер смело повторил композиционный формат вертикальных свитков раннего периода Чосон, в которых главенствовал пейзаж, и в то же время использовал типичные живописные подходы позднего периода Чосон, когда в *кехведо* превалировали детальность и достоверность. Важно подчеркнуть, что пейзаж Ким Хондо — не вымышленный ландшафт, а изображение реально существующего места Корейского полуострова. В этот период пейзажи «подлинного вида» *чингён сансхва* (眞景山水畫 진경산수화) стали ярким феноменом корейской традиционной живописи, потеснив идиллический пейзаж даже в «изображениях

¹⁸ Со Инхва, Юн Джинён. Чосон сидэ ёнхведо. Сеул: Минсогвон, 2001. С. 84–103.

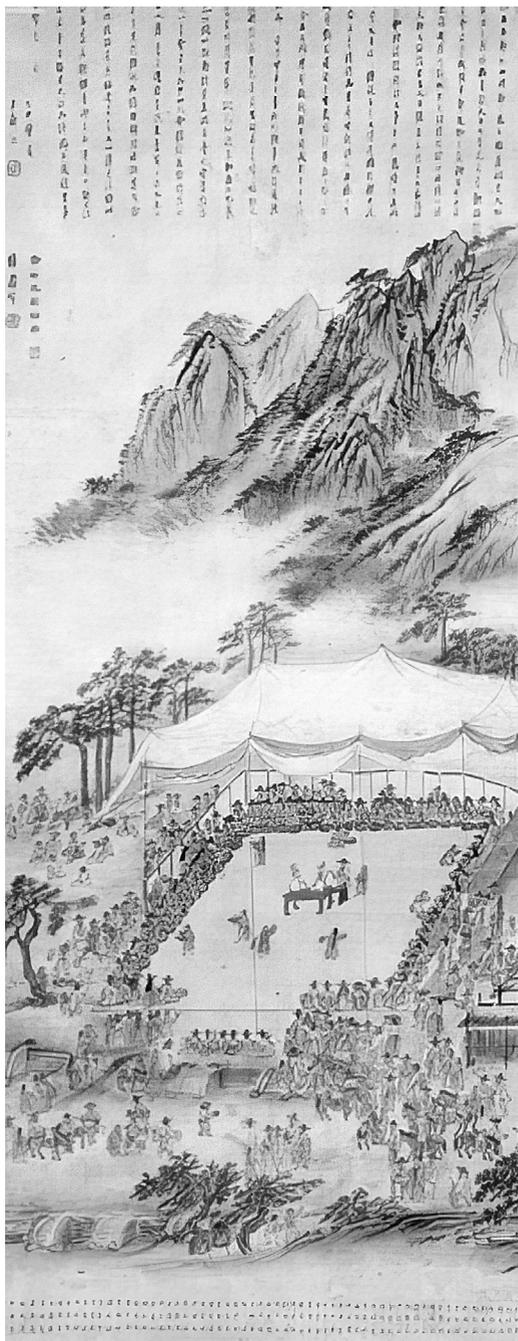

Рис. 9. Ким Хондо. *Собрание Старших во имя связи поколений*, 1804 г. Шелк, тушь, водяные краски. 137×53,3 см. Частное собрание, РК

Рис. 10. Предп. Ан Сиюн. Альбом *Собрания Золотой орхидеи*, живописная часть, ок. 1857 г. Бумага, тушь, водяные краски. 42×109,5 см. Национальный музей Кореи, Сеул

собраний» *кехведо*. Художник написал банкет под огромным навесом на фоне горы Сонаксан, тщательно проработав мельчайшие детали всей сцены собрания, сближающие данный свиток с его прославленными картинами бытового жанра.

Творческие подходы Ким Хондо были продолжены мастерами XIX в., что демонстрирует альбом «Собрания Золотой орхидеи» (金蘭契帖 금란계첩, ок. 1857 г.) (рис. 10) из коллекции Национального музея Кореи, созданный предположительно Ан Сиюном (安時潤 안시윤, ?-?, работал в XIX в.). Художник изобразил своих героев в окрестностях горы Пукхансан, возвышающейся к северу от Сеула. За скалистым утесом виднеется буддийский храмовый комплекс Чунхынса (重興寺 중흥사). Участники собрания расположились на берегу небольшой реки, беседуя друг с другом, занимаясь каллиграфией и сочинением стихов, распивая вино. В «Собраниях Золотой орхидеи» принимали участие чиновники низких рангов, выходцы из среднего сословия *чунин* (中人 중인), которые переняли традицию *кехве* корейской элиты. Атмосфера дружеской встречи на лоне природы отсылает нас к самым первым собраниям, организованным еще в XIII в. Чхве Даном.

Подводя итоги, отметим, что «изображения собраний» *кехведо* на протяжении нескольких столетий занимали важное место в живописи Кореи и стали отражением общественно значимых моментов в ее социально-политической и культурной истории. Изменения в композиционных подходах и технике исполнения от свободных, уходящих в бесконечность пейзажей к детализированным изображениям собраний соответствовали изменениям в государственной

идеологии, вызванным укреплением позиций неоконфуцианства, и выразились в постепенной трансформации типичных сюжетов. Обновляющийся исторический контекст приводил к пересмотру эстетических ценностей, отвечавших духовным запросам корейских чиновников. Если в начале периода Чосон заказчик требовал от художника написать некий идеальный мир мечты, совместив его с мемориальной функцией картины, то с XVII в. образность и содержание произведений *кехведо* были полностью направлены на максимально точное документирование того или иного события и стремление избежать вольных или невольных искажений, превращая их в статусные, формализованные изображения. *Кехведо* конца эпохи Чосон иногда сочетали в себе достоверную передачу сцены собрания и реалистический пейзаж, возвращаясь к философским размышлениям об эстетическом наслаждении и поддержании дружеских связей, но, в то же время, формируя конкретно-исторический и даже географический контекст, которые хотели донести до зрителя заказчик и живописец.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Симбирцева Т.М.* Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. 640 с.
2. *Ahn Hwi-joon.* Literary gatherings and their paintings in Korea. Seoul Journal of Korean Studies. Seoul: Seoul National University, 1995. Vol. 8, pp. 85–106.
3. Traditional Korean Painting. Korean Art — 2. Seoul: The Si-sa-yong-o-sa Publishers, 1983. 177 p.
4. *Ан Хвиджун, Мин Гильхон.* Ёкса-ва сасани тамгин чосон сидэ инмульхва [«Изображение людей» эпохи Чосон: отражение истории и идей]. Сеул: Хаккоджэ, 2010. 660 с.
5. *Со Инхва, Юн Джинён.* Чосон сидэ ёнхведо [«Изображение банкетов» эпохи Чосон]. Сеул: Минсогвон, 2001. 272 с.
6. Хангук минджок мунхва тэбэкква саджон [Большая энциклопедия корейской национальной культуры]. Т. 2. Сеул: Хангук чонсинмунхва ёнгувон, 1994. 968 с., Т. 4. 960 с.
7. Чосон сиде кирокхва-ый сеге [Мир «документальной живописи» эпохи Чосон]. Сеул: Музей Университета Корё, 2001. 213 с.

REFERENCES

1. *Simbirtseva T.M.* Vladyki staroi Korei [The Rulers of Old Korea]. Moscow: Russian State University of the Humanities, 2012. 640 p. (In Russ.).
2. *Ahn Hwi-joon.* Literary gatherings and their paintings in Korea. Seoul Journal of Korean Studies. Seoul: Seoul National University, 1995. Vol. 8. P. 85–106.
3. Traditional Korean Painting. Korean Art — 2. Seoul: The Si-sa-yong-o-sa Publishers, 1983. 177 p.

4. *An Hwijoon, Min Gilhon. Yōksa-wa sasanūi tamgin Chosōn sidae inmulhwa* [“Pictures of People” of the Chosōn Era: A Reflection of History and Ideas]. Seoul: Hakkojae, 2010. 660 p. (In Korean).
5. *So Inhwa, Yun Jinyōn. Chosōn sidae yōnhwyedo* [“Banquet Pictures” of the Chosōn Era]. Seoul: Minsogwon, 2001. 272 p. (In Korean).
6. *Hanguk minjok munhwa taebaekkwajōn* [Encyclopedia of Korean Culture]. Vol. 2, 4. Seoul: Hanguk chōnsinmunhwa yōnguwon, 1994. 968 p., 960 p. (In Korean).
7. *Chosōn sidae kirokhwajōn segye* [The World of “Documentary Painting” of the Chosōn Era]. Seoul: Korea University Museum, 2001. 213 p. (In Korean).

Статья поступила в редакцию 18.07.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 26.10.2023.

The article was submitted 18.07.2023; approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 26.10.2023.

ОБ АВТОРЕ

Вострикова Екатерина Александровна — кандидат искусствоведения, переводчик Международного центра корееведения ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; dolihotella@hotmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Vostrikova — PhD in Art History, translator of the International Center for Korean Studies of the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University; dolihotella@hotmail.com

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-4

СОЗДАНИЕ СЕВЕРОКОРЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И Т.Ф. ШТЫКОВ

Ки Квансо

Университет Чосон, Кванджу, Республика Корея; keeks@chosun.ac.kr

Аннотация: Т.Ф. Штыков сыграл ключевую роль в реализации интересов своей страны на Корейском полуострове после освобождения Кореи. Советский Союз ставил основной целью своей политики создание дружественного правительства на Корейском полуострове с тем, чтобы предотвратить возможные угрозы его безопасности в данном регионе.

Проект Совместной советско-американской комиссии, созданной в 1946 г. для реализации решения Московского совещания, не дал никаких результатов из-за острой конфронтации между США и СССР, возникшей с самого начала переговоров. Как и Соединенные Штаты, Советский Союз демонстрировал явное нежелание создавать Временное правительство, в котором преобладали бы правые силы.

Поскольку создание Временного правительства Кореи по соглашению между США и СССР не удалось реализовать и второй Совместной советско-американской комиссии в 1947 г., советское руководство предложило одновременный вывод американских и советских войск как способ решения корейского вопроса. Хотя Т.Ф. Штыков также рассматривал возможность проведения всеобщих выборов по пропорции населения на Севере и Юге Кореи, как предложили США, он тем не менее не был уверен, что это будет выгодно СССР. Поэтому, когда Южная Корея перешла к созданию сепаратного правительства, Северная Корея пошла по тому же пути. Для Штыкова создание на Корейском полуострове дружественного Советскому Союзу правительства, пусть даже не социалистического, но просоветского, было «планом минимум».

Ключевые слова: Т.Ф. Штыков, Северная Корея, СССР, США, И.В. Сталин, Ким Ирсен, Пак Хонён, Чо Мансик, Совместная советско-американская комиссия

Для цитирования: Ки Квансо. Создание северокорейского государства и Т.Ф. Штыков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 3. С. 60–76. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-4

CREATION OF THE NORTH KOREAN STATE AND T.F. SHTYKOV

Kee Kwang-seo

Chosun University, Gwangju, Republic of Korea; keeks@chosun.ac.kr

Abstract: Terentii F. Shtykov, the conductor of the Soviet policy on the Korean Peninsula after the liberation of Korea, played a key role in the realization of his country's interests. The USSR set the main goal of its policy on the Korean Peninsula to create a Soviet-friendly government, so that the Korean Peninsula would not fall under the influence of other powers that posed a threat to its security. T. Shtykov was at the forefront of achieving these political goals.

Since the establishment of the Provisional Government of Korea under the agreement between the USA and the USSR failed at the 2nd Joint US-Soviet Commission in 1947, the Soviet leadership sought a solution to the Korean problem through proposals such as the simultaneous withdrawal of US and Soviet troops. However, this plan had no choice but to be accepted as a justification for making the division of the country a *fait accompli*. Although T. Shtykov once considered holding a general election between North and South on population proportions in accordance of the US proposal, he was not sure that this would necessarily benefit his country. So when South Korea moved to establish a separate government, North Korea followed the same path. For T. Shtykov, the creation of a Soviet-friendly government on the Korean Peninsula, not socialist, but at least pro-Soviet, was a plan minimum.

Key words: Terentii F. Shtykov, North Korean state, USSR, USA, Iosif V. Stalin, Kim Il-sŏng, Pak Hŏn-yŏng, Cho Man-sik, “anti-custodial” forces, Joint US-Soviet Commission

For citation: Kee Kwang-seo. Creation of the North Korean State and T.F. Shtykov. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2023, Vol. 67, No. 3, pp. 60–76. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-4 (In Russ.)

Введение

Советская Армия, вступившая в августе 1945 г. в Северную Корею, оказала значительное влияние на судьбу Корейского полуострова. Как и размещение американских войск в Южной Корее, продвижение советских войск в Северную Корею предвещало не только перемены в Северной Корее, но и на всем Корейском полуострове. Когда говорят, что решающая ответственность за раздел Кореи лежит на Соединенных Штатах и Советском Союзе, то имеется в виду, что каждая сторона преследовала свои интересы в этом регионе. Так, для СССР было важно сформировать структуры, которые бы содействовали утверждению нового, просоветского, порядка в Северной Корее.

После освобождения Кореи Терентий Фомич Штыков (1907–1964) сыграл ключевую роль в процессе становления и реализации советской политики в Северной Корее. Как военный деятель и партийный работник, он имел богатый опыт в решении различных военно-политических задач на фронтах Второй мировой войны. Когда началась война с Японией, он отправился на Дальний Восток и возглавил разгром японской армии. Кремлевское руководство, взявшее под контроль Маньчжурию и Северную Корею, назначило его ответственным за управление этими регионами после войны. В течение трехлетнего периода советского военного присутствия на Корейском п-ове Штыков руководил советской политикой в отношении Северной Кореи, а после создания северокорейского государства был первым советским послом в Северной Корее (1948–1950). Он координировал сотрудничество между Пхеньяном и Москвой до и после начала Корейской войны (1950–1953) и принимал активное участие в процессе принятия военных решений.

В данной статье анализируется деятельность Штыкова в контексте проводимой Советским Союзом политики на начальном этапе формирования северокорейского государства (1945–1948).

Деятельность Т.Ф. Штыкова после освобождения Кореи

Терентий Фомич Штыков родился 13 марта 1907 г. в Городокском уезде Витебской губернии, расположенной на территории нынешней Республики Беларусь. После окончания профессионально-технической школы в возрасте 20 лет и вступления в Коммунистическую партию в 1929 г. он работал инженером на заводе, тогда же началось его продвижение по партийной и политической линии. В 1938 г. Штыков был назначен вторым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б), что стало поворотным моментом в его судьбе. Он был связан с И.В. Сталиным и заручился его доверием. Во время Отечественной войны, будучи членом Военного Совета Волховского фронта, он внес большой вклад в прорыв блокады Ленинграда.

Когда в августе 1945 г. завершилась война с Японией, Т.Ф. Штыков в качестве члена Военного Совета 1-го Дальневосточного фронта, а затем Приморского военного округа отвечал за реализацию советской политики на Корейском полуострове. Основной задачей, поставленной перед ним, было формирование и развитие нового политического, экономического и социального строя в Корее после освобождения. Находясь в Ворошилове (совр. Уссурийск Приморского края), он готовился к созданию системы организации управления

в Северной Корее, поддерживая тесные контакты с дислоцированными там частями 25-й армии.

Штыков консультировал по вопросам политики, обмениваясь секретными телеграммами и телефонными звонками с ключевыми фигурами советской власти, включая И.В. Сталина, члена Политбюро и Секретариата ЦК А.А. Жданова, министра иностранных дел В.М. Молотова и заместителя министра обороны Н.А. Булганина. Фактически он координировал все политические решения московского высшего руководства на Корейском полуострове и отвечал за выполнение распоряжений подчиненных ведомств.

20 сентября 1945 г. И. Сталин направил советским представителям в Северной Корее директиву, в которой говорилось: «На территории Северной Кореи советов и других органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить <...> содействовать установлению в Северной Корее буржуазно-демократической власти на базе широкого блока всех антияпонских демократических партий и организаций»¹. Вскоре после получения директивы в Пхеньяне учредили Советскую гражданскую администрацию под непосредственным руководством Штыкова, которая совместно с политическими органами 25-й армии занималась «всеми вопросами восстановления разоренной колонизаторами экономики, налаживания нормальной жизни страны, помощи в становлении собственной государственной власти корейского народа»².

В каждой провинции и уезде Северной Кореи были созданы советские военные комендатуры для поддержания порядка, восстановления экономики, надзора и руководства за местными народными комитетами. В конце сентября 1945 г. советские военные комендатуры были созданы сначала в 54 населенных пунктах, а затем во всех районах Северной Кореи, включая шесть провинций, 85 уездов и 7 городов (Пхеньян, Нампхо, Чхонджин, Хамхын, Синьиджу, Хэджу, и Вонсан).

Поскольку Корея была явно не готова к формированию государственной системы советского типа, коммунисты и антияпонские националисты высказывались за необходимость проведения буржуазно-демократической революции и установления «демократического» строя. Осуществляя эту политику на практике, Т. Штыков поддержал формирование лево-правой коалиционной структуры власти. В то же время он приказал зарегистрировать все политические партии

¹ ЦАМО. Ф. 148, оп. 3763, д. 111, л. 92–93.

² За мир на земле Кореи. Воспоминания и статьи. М.: ГРВЛ, 1985. С. 15–16.

и общественные организации и распустить антинародные прояпонские организации³. Прояпонские и антисоветские деятели были изгнаны из всех органов самоуправления, где ранее укрепились за счет надежных представителей «демократических» организаций. Хотя коалиция между националистами и коммунистами была важной задачей, в соответствии со сталинским приказом по «установлению буржуазно-демократической власти» в Северной Корее, основной опорой Советской Армии были коммунисты.

Изменения в обстановке на Корейском полуострове и советская политика в 1945–1946 гг.

13 октября 1945 г. в Пхеньяне состоялось открытие Северокорейского Оргбюро Коммунистической партии Кореи. Таким образом Советский Союз рассчитывал обеспечить беспрепятственное проведение своей политики и доминирование левых групп к Северу от 38-й параллели. Т.Ф. Штыков признал «легитимность» Коммунистической партии Кореи во главе с Пак Хонёном, но считал правильным создание Оргбюро в Северной Корее под своим непосредственным контролем.

14 октября Ким Ирсен впервые после возвращения в Корею предстал перед публикой на митинге, организованном на Пхеньянском общественном стадионе. Поняв, что народная популярность Ким Ирсена оказалась выше ожидаемой, советское военное руководство сделало вывод, что его возвращение было верным решением. На самом деле, имя Ким Ирсена было давно известно из советской печати, и публичный отклик на его появление фактически подтвердил общественную репутацию Ким Ирсена.

В то время Чо Мансик был одним из главных представителей националистов Северной Кореи, и Штыков приказал местным военным органам установить с ним сотрудничество. Изначально советские военные власти считали его прояпонским элементом⁴, но не могли игнорировать его высокий политический статус в Северной Корее. Будучи председателем Народно-политического комитета провинции Южная Пхёнан, Чо Мансик в свою очередь также стал сотрудничать с советским командованием. В ноябре 1945 г. Чхве Ёнгун и Ким Чхэк, близкие соратники Ким Ирсена, помогли Чо Мансику основать Демократическую партию Кореи, которую он в итоге возглавил.

³ ЦАМО. Ф. 32, оп. 11306, д. 687, л. 296.

⁴ ЦАМО. Ф. УСГАСК, оп. 433847, д. 1, л. 40.

По мере формирования северокорейской политической системы одной из проблем, с которой столкнулся Штыков, было отсутствие центральной власти в Северной Корее. В течении двух месяцев народные комитеты Северной Кореи неэффективно осуществляли свою деятельность без контроля со стороны центральной власти. В начале ноября 1945 г. Штыков планировал создать в Пхеньяне «Временный комитет гражданского самоуправления» и запросил решение у московского руководства⁵. Эта организация имела почти ту же структуру, что и Временный народный комитет Северной Кореи, первый административный орган власти в Северной Корее, образованный в феврале 1946 г. Но встал вопрос о том, кто возглавит данную организацию. Штыков предложил место председателя Чо Мансику, но тот сразу отверг это предложение, т.к. надеялся после вывода американских и советских войск создать общекорейское правительство. В результате первое в Северной Корее центральное административное учреждение было сформировано без председателя под названием «Десяти административных департаментов».

С течением времени у Ким Ирсена появилась некоторая «автономия» от Советского Союза. Тем не менее влияние последнего в целом после освобождения Кореи на руководство Коммунистической партии Северной Кореи (точнее Северокорейское Оргбюро) было абсолютным. Утверждение о том, что Штыков или советское руководство с самого начала пытались представить Ким Ирсена как верховного лидера Северной Кореи, можно расценивать как непонимание тогдашней ситуации. У Советского союза изначально не было плана установления полного контроля над Корейским полуостровом. Это было невозможно в ситуации, когда многие решения относительно будущего Кореи нужно было согласовывать с союзниками, в частности с США. Неоспоримым фактом является то, что Ким Ирсен считался одним из лидеров, который в будущем сыграет важную роль в проведении советской политики в Северной Корее. Понимая, что наиболее эффективным инструментом реализации своего курса является поддержка «проверенного» лидера, советское руководство считало Ким Ирсена, проработавшего на советском Дальнем Востоке около пяти лет, подходящим для этого человеком. 17–18 декабря 1945 г. он официально был избран ответственным секретарем на 3-м заседании расширенного исполнительного комитета Северокорейского Оргбюро Коммунистической партии Кореи и, таким образом, стал лидером Коммунистической партии Северной Кореи. План на-

⁵ ЦАМО. Ф. 19, оп. 266, д. 27, л. 247–248.

значения его в «общекорейское правительство» пришлось ускорить, чтобы преодолеть «состояние замешательства» в Компартии Северной Кореи. Ким Ирсен оказался на вершине политического олимпа, когда в феврале 1946 г. занял должность председателя Временного народного комитета Северной Кореи.

Московское совещание и советско-американские переговоры

С 16 по 26 декабря 1945 г. в Москве собрались министры иностранных дел трех стран — США, СССР и Великобритании для обсуждения послевоенных вопросов. На этом заседании было принято решение о создании Временного правительства Кореи и введении режима опеки в течение 5 лет⁶. Это был компромисс, достигнутый Советским Союзом, настаивавшим на создании Временного правительства Кореи, и Соединенными Штатами, отдававшими приоритет осуществлению опеки. Однако в Южной Корее возникло ожесточенное оппозиционное движение правых групп, осудивших решение Московского совещания по Корее. В то время как левые поддержали режим опеки, правые националисты выступили против него, что привело к необратимому расколу между левыми и правыми. 25 января 1946 г. ТАСС разъяснило ход переговоров между Соединенными Штатами и Советским Союзом, завершившихся решением Московского совещания по Корее, и сообщило, что Соединенные Штаты были сторонниками опеки⁷. На следующий день Штыков, приехавший в Сеул на совещание представителей командования советских и американских войск в Корее, провел пресс-конференцию и разъяснил суть дела. Но это не смогло ослабить импульс движения против опеки в Южной Корее.

Чо Мансик, являвшийся знаковой фигурой лево-правой коалиции, не выразил поддержку Московского решения, несмотря на несколько просьб со стороны советского военного командования и Коммунистической партии Кореи. Большинство местных организаций Демократической партии также категорически отказались поддержать решение Московского совещания об опеке⁸.

Во многих городах распространялись листовки, призывавшие к противодействию опеке и сопротивлению Компартии и Советской

⁶ Отношения Советского Союза с народной Кореей 1945–1980. Документы и материалы. М.: Наука, 1981. С. 18–19.

⁷ Там же. С. 19–22.

⁸ ЦАМО. Ф. УСГАСК, оп. 102038, д. 12, л. 8; ф. УСГАСК, оп. 106546, д. 11, л. 10–12.

армии, а в некоторых районах прошли небольшие демонстрации против опеки. Советские военные власти быстро попытались положить конец оппозиционным настроениям. Например, только 3 января 1946 г. в Пхеньяне было арестовано 69 человек за распространение листовок против опеки, а с 30 декабря 1945 г. по 5 января следующего года в провинции Хванхэ было арестовано 20 человек за распространение листовок и организацию демонстраций⁹. Мелкомасштабное и разрозненное движение против опеки было подавлено на раннем этапе быстрыми действиями советских военных властей и коммунистов.

Северокорейское и советское руководство не оставило попыток уговорить Чо Мансика. В начале февраля 1946 г. Штыков, вернувшийся в Пхеньян после совещания представителей командований советских и американских войск, встретился с ним и намеревался уговорить поддержать решение об опеке, но эта встреча не увенчалась успехом. Впоследствии Штыков стал думать о силах, противостоящих опеке, как о предмете преодоления и ниспровержения, а не компромисса.

По мере того, как мощь северокорейского националистического лагеря быстро ослабевала, советское руководство и северокорейские коммунисты изменили свою политику, чтобы укрепить «демократическую» основу Северной Кореи. Другими словами, это была стратегия распространения политики коммунистов на Южную Корею путем укрепления доминирующей силы левых и поддержки населения посредством реформ в Северной Корее. Этому соответствовала и новая земельная реформа.

Закон о земельной реформе в Северной Корее, обнародованный 5 марта 1946 г., предусматривал, что основной задачей является отмена японской системы землевладения и аренды земли корейскими землевладельцами, а также передача конфискованных земель крестьянам. После освобождения земельная реформа Северной Кореи стала первой демократической мерой и в то же время революционным событием, коренным образом изменившим северокорейское общество по сравнению с колониальным порядком. Проведение земельной реформы было также способом привлечения поддержки крестьян, которые, с точки зрения Т. Штыкова и руководства Компартии Северной Кореи, составляли подавляющее большинство населения. Позже Штыков заявил, что земельная реформа «помогла значительно укрепить дружеские отношения между подавляющим

⁹ ЦАМО. Ф. УСГАСК, оп. 102038, д. 12, л. 5–9.

большинством корейского народа и Советским Союзом»¹⁰. Так что земельная реформа была крайне необходима и для того, чтобы надежно обеспечить Советскому Союзу роль «освободителей».

СССР и США организовали Совместную советско-американскую комиссию (ССАК) для реализации Московского решения. В марте 1946 г. в Сеул для переговоров приехала советская делегация во главе с Т.Ф. Штыковым. Основная позиция Советского Союза на этой встрече заключалась в том, что ССАК не должна консультироваться с политическими партиями и общественными организациями, выступающими против решения Московского совещания по Корее. Это означало, что силы по борьбе с опекой во главе с Ли Сынманом и Ким Гу будут исключены из состава Временного правительства, которое будет создано в будущем. Их исключили и из списка кандидатов в кабинет Временного правительства Кореи, подготовленного Штыковым по согласованию с Ким Ирсеном и Пак Хонёном. Вместо них он выдвинул лидера южнокорейской Народной партии и видного левоцентристского лидера Ё Унхёна на должность премьер-министра, а Ким Гюсика и Пак Хонёна — кандидатами в заместители премьер-министра¹¹. Ким Ирсен был рекомендован на пост министра внутренних дел, но в окончательном варианте — на пост министра обороны.

Советский Союз также пытался по-новому интерпретировать идею опеки, и Штыков заявил: «Опека, между прочим, нужна еще и для того, чтобы оградить корейский народ от происков такого рода людей, которые стремятся поставить корейский народ один на один с японскими элементами и их реакционными пособниками, имеющими своей целью сорвать дело создания и утверждения демократического строя в Корее»¹². Он начал использовать вопрос об опеке как способ изолировать правый лагерь, изменив тем самым свое прежнее пассивное отношение к опеке.

На заседании ССАК разгорелась битва по вопросу об участии сил по борьбе с опекой. Штыков подчеркнул, что ССАК создана для реализации Московского решения, поэтому силы, выступающие против него, не могут участвовать в переговорах с политическими партиями и общественными организациями по созданию Временного демократического правительства Кореи¹³. Делегация США

¹⁰ ЦАМО. Ф. 19, оп. 560, д. 8, л. 3.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 128, д. 998, л. 3–4.

¹² АВГР. Ф. 06, оп. 8, п. 39, д. 637, л. 8.

¹³ АВГР. Ф. 06, оп. 8, п. 39, д. 638, л. 43.

попыталась опровергнуть это утверждение, выступая за демократию и свободу слова.

Вскоре Соединенные Штаты и Советский Союз согласились провести консультации с политическими партиями и общественными организациями, которые имели подлинно демократический характер и цели, и подписали заявление о поддержке Московского решения. Однако когда правые группы, связанные с Демократической палатой Южной Кореи, заявили, что продолжат движение против опеки после создания Временного правительства, Т. Штыков выразил недовольство и занял более жесткую позицию. 3 мая 1946 г. он направил предложение министру иностранных дел В.М. Молотову, чтобы советская сторона не делала дальнейших уступок Соединенным Штатам¹⁴.

7 мая 1946 г. завершился 1-й раунд переговоров ССАК по инициативе американской стороны.

Объединение и усиление левых сил на Корейском полуострове

Сразу после провала инициативы ССАК по созданию Временного правительства Кореи советская сторона сосредоточила свои усилия на расширении «Единого фронта», возглавляемого левыми в Северной Кореи, и привлечении широкого круга социальных слоев. Вместо компромисса или переговоров с антисоветскими и антикоммунистическими правыми силами это привело бы к более прочному фундаменту «демократической базы» Северной Кореи. По предложению Т.Ф. Штыкова 27 июля 1946 г. советское правительство приняло ряд решений: проведение выборов в местные органы власти, национализация промышленности, создание Корейской армии, отправка делегации Кореи в Советский Союз, создание советской больницы в Северной Кореи и подписание торгового договора¹⁵. Эти меры были в значительной степени реализованы на практике после консультаций с руководством Северной Кореи и оказали большое влияние на ее дальнейшее политическое и экономическое развитие. Однако вопреки первоначальной цели захвата инициативы левыми силами на всем Корейском полуострове, изменения коснулись только Северной Кореи. В итоге все это только усилило национальный раскол в масштабах всей Кореи.

¹⁴ АВПР. Ф. 06, оп. 8, п. 39, д. 638, л. 8.

¹⁵ ЦАМО. Ф. 19, оп. 560, д. 8, л. 5; ф. 172, оп. 614632, д. 19, л. 5.

В начале июля 1946 г. И.В. Сталин пригласил двух лидеров Коммунистической партии Кореи, Ким Ирсена и Пак Хонёна, посетить Москву. На встрече со Сталиным присутствовал Штыков, прибывший в Москву раньше них. На этой встрече Сталин предложил объединить левые партии Северной Кореи, а через два месяца была основана Трудовая партия Северной Кореи (ТПСК), претендующая на роль массовой партии.

Осенью 1946 г. левые силы в Южной Корее начали полномасштабную борьбу против политики Американской военной администрации. После того, как Пак Хонён вернулся из Москвы, Компартия Кореи уже отказалась от своей дружественной политики по отношению к Американской военной администрации и приняла «новую тактику», оппозиционную. Перед началом «Сентябрьской всеобщей забастовки» Пак Хонён спросил Штыкова, как партия должна руководить социальными группами¹⁶. Штыков не рекомендовал Коммунистической партии Кореи, находящейся в затруднительном положении, брать на себя ответственность за все проекты. Он требовал установления более тесных отношений между ТПСК и Единым демократическим национальным фронтом Южной Кореи (ЕДНФЮК), с которым надо было разделить часть задач¹⁷. Отношение Штыкова и советских военных властей к южнокорейскому революционному движению ясно показывает, что они преследовали цель установления левой гегемонии на всем Корейском полуострове, в том числе через южнокорейское движение сопротивления, а не просто поддерживали левые силы на Севере.

На встрече с Ким Ирсеном 4 января 1947 г. Штыков обсудил вопрос создания единого руководства двух Трудовых партий Кореи, действующих как на Севере, так и на Юге. И Пак Хонён, и Ким Ирсен были согласны с созданием единого руководства. Но решить, кого избрать лидером партии, было сложно, поэтому этот вопрос отложили на более поздний срок. Штыков ожидал, что два лидера будут тесно сотрудничать, но отношения между ними не всегда были гладкими. Из-за этого Штыков рекомендовал Пак Хонёну и Ким Ирсену сблизиться¹⁸.

Отсутствие единого коммунистического руководства в Корее было насущной проблемой, которую необходимо было решить. Штыков, находившийся в отпуске в Москве в начале января 1948 г.,

¹⁶ Дневник Т.Ф. Штыкова, 09.09.1946.

¹⁷ ЦАМО. Ф. 172, оп. 614631, д. 25, л. 173.

¹⁸ Дневник Т.Ф. Штыкова, 06. 12. 1946 .

просил Сталина создать Центральный комитет по консолидации Трудовой партии Северной и Южной Кореи в составе девяти членов с Пак Хонёном в качестве председателя, Ким Ирсеном и Ким Дубоном — заместителей председателя¹⁹.

Неясно, возникла ли идея создания единого центрального комитета Трудовой партии Кореи во главе с Пак Хонёном в результате переговоров Штыкова с Ким Ирсеном или Пак Хонёном, или обоими одновременно, или это была его собственная идея. Однако эта идея не сразу была реализована на практике, что, вероятно, было связано с разногласиями внутри руководства партии. Объединенный Центральный Комитет Трудовой партии Кореи был сформирован только в августе 1948 г., накануне образования северокорейского государства, и его председателем был избран Ким Ирсен, а не Пак Хонён²⁰. Только в июне 1949 г., почти год спустя, Трудовые партии Северной и Южной Кореи полностью объединились. Штыков корректировал назначения в партии и побуждал корейских коммунистов проводить единую политику, но в конечном счете не всегда выходило так, как он планировал.

На самом деле внутри руководства советской армии существовали разногласия по поводу управления Северной Кореей. Например, примерно в сентябре 1947 г. Г.П. Коротков, сменивший И.М. Чистякова на посту командующего 25-й армией, намеревался передать Советской гражданской администрации все функции по конкретному руководству жизни Северной Кореи, включая экономику и культуру²¹. В этом заключалась идея передачи полномочий Народного комитета Северной Кореи Советской Армии. Т.Ф. Штыков и Н.Г. Лебедев, проинформированные об этой идее, подвергли ее авторов резкой критике, т.к. считали, что в отличие от Американской администрации в Южной Корее, власть Народного комитета должна быть усилена, а советские военные власти должны постепенно оставаться в качестве административных советников.

Позиции Сталина и Штыкова по советской политике в отношении Северной Кореи принципиально различались. Штыков приложил все усилия, чтобы максимально удовлетворить требования северокорей-

¹⁹ ЦАМО. Ф. 172, оп. 614633, д. 3, л. 9–10.

²⁰ Намбук Чосон родондан рёнхп чуньян чидо кигван кельсонхвечи-есо ханёнсолъ (1948нён 8воль 2иль) [Речь на совещании по созданию объединенной центральной руководящей организации Трудовой партии Северной и Южной Кореи (2 августа 1948 г.)] // Ким Ильсон чонджип, че 8 кван [Полное собрание сочинений Ким Ир Сена, Т.8]. Пхеньян: Чосон родондан чхульпханса, 1994. С. 188–191.

²¹ Дневник Н.Г. Лебедева, 08.09.1947.

ского руководства во главе с Ким Ирсеном, в то время как Сталин намеревался оказать лишь ограниченную помощь Северной Корее, которая, на его взгляд, имела меньшее стратегическое значение в то время, чем страны Восточной Европы.

Окончательный провал Советско-американского совместной комиссии и создание разделенных государств

21 мая 1947 г. в Сеуле возобновились заседания ССАК в ответ на растущие требования как внутри, так и за пределами Корейского полуострова о возобновлении ее деятельности. Как и ранее, советское руководство вновь поставило вопрос о создании Временного правительства Кореи в качестве важнейшей задачи. Последующей задачей было установление не советского строя, а «независимой демократической республики», в которой Народное, или Национальное собрание, избранное народом, сформирует правительство и изберет президента²².

Штыков продолжал придерживаться позиции, согласно которой политические партии и общественные организации, вступившие в Комитет по борьбе с опекой во главе с Ким Гу, не должны допускаться к консультациям в рамках ССАК. Они могли быть допущены к консультациям с Совместной комиссией только в случае выхода из состава данного Комитета и прекращения борьбы против решения по Корее Московского совещания.

По мере переговоров перспективы решения корейского вопроса посредством ССАК становились все более туманными. Штыков попытался выступить с «окончательным» заявлением. В его дневнике от 23 июля 1947 г. записан такой план: «Предложение самим корейцам приступить к переговорам по вопросу формирования правительства и указание порядка приема власти правительством на территории всей Кореи, вывод советских и американских войск полностью из Кореи в определенные сроки»²³. Данный план был последней дипломатической попыткой Советского Союза осуществить эпохальные изменения в Корее, отойдя от парадигмы решения Московского совещания. Но этот план был отвергнут США, а корейский вопрос по инициативе последних был вынесен на рассмотрение ГА ООН в сентябре 1947 г.

²² АВВР. Ф. 07, оп. 12, п. 25, д. 319, л. 19.

²³ Дневник Т.Ф. Штыкова, 23.07.1947.

В соответствии с резолюцией ООН, в Южной Корее были проведены сепаратные парламентские выборы, и 15 августа 1948 г. была провозглашена Республика Корея. Аналогичным образом в Северной Корее шел процесс по созданию «отдельного» правительства. Северная Корея провела «подпольные выборы» в провинциях Южной Кореи с тем, чтобы иметь право заявить о том, что ее единственное правительство было «объединенным». В ходе этих «выборов» были избраны представители для формирования Верховного народного собрания Кореи.

Расстановка кадров в северокорейском правительстве и силовых структурах разрабатывалась под руководством Ким Ирсена и Пак Хонёна и были согласованы со Штыковым, который сообщил о них в ЦК КПСС. Что касается состава кабинета министров КНДР, то кремлевское руководство рекомендовало увеличить количество южнокорейцев²⁴. Однако, как и в процессе составления конституции, рекомендации советского руководства, похоже, не нашли широкого отражения. Это связано с тем, что проект состава кабинета министров, предложенный Ким Ирсеном и Пак Хонёном в августе 1948 г., был частично изменен, но в остальном численный состав южнокорейцев не был расширен. Таким образом, не все требования Советского Союза были приняты северокорейским руководством, что свидетельствовало о том, что независимая позиция северокорейской стороны постепенно укреплялась.

Итак, вслед за созданием правительства Республики Корея 9 сентября 1948 г. было провозглашено создание правительства КНДР во главе с Ким Ирсеном, завершившее юридическое разделение Корейского полуострова. Ответственность за раздел Корейского полуострова, безусловно, несли вовлеченные стороны, а именно США и Советский Союз, а также левые и правые силы в Южной и Северной Корее.

Заключение

Т.Ф. Штыков вместе с Ким Ирсеном стремились к объединению Кореи силой во время Корейской войны. С точки зрения Штыкова, это было актом твердости из чувства ответственности за разделение Южной и Северной Кореи после освобождения. Поэтому свою позицию по вопросу объединения он старался донести до советского руководства в тесной связи с Ким Ирсеном. В процессе поиска пути

²⁴ Дневник Т.Ф. Штыкова, 09.09.1948.

решения проблемы Корейского полуострова, продвигаемого Пхеньяном и Москвой, Штыков добросовестно выполнял роль «посредника» в диалоге СССР и КНДР.

Однако поражение северокорейской армии из-за вмешательства американских военных изменило его судьбу. Возможно, Сталин должен был возложить на кого-то ответственность за военное поражение, и указал на Штыкова, который принимал самое непосредственное участие в войне. В начале 1951 г. Штыков был отозван в Москву, 3 февраля понижен в звании с генерал-полковника до генерал-лейтенанта и через 10 дней уволен в запас²⁵.

Увольнение было для Штыкова личным позором. Важный проект, который он пытался реализовать, бывший делом его жизни, в конце концов, провалился. После возвращения в Советский Союз Штыков какое-то время переживал тяжелые времена, но сохранил членство в партии. В январе 1954 г. он был назначен первым секретарем Новгородского обкома партии. Неизвестно, было ли это назначение обусловлено смертью Сталина или иной причиной. Через некоторое время он перешел на должность первого секретаря Приморского краевого пограничного комитета, а в 1956 г. был выдвинут в состав ЦК КПСС и восстановлен в звании. После этого Штыков был Чрезвычайным и Полномочным послом в Венгрии (1959–1960), заместителем председателя Комитета партийно-государственного контроля Бюро ЦК КПСС по РСФСР и СМ РСФСР (1963), и его карьера развивалась относительно гладко. Однако он не смог побороть болезнь, которая долгое время преследовала его, хотя и энергично встал на ноги в период политических неудач. Т.Ф. Штыков перенес сердечный приступ и умер во время отпуска в Ленинграде в октябре 1964 г. в возрасте 57 лет.

Хотя Штыков имел несколько отличные от руководства СССР взгляды на политику в отношении Кореи, но у него не было ресурсов и сил для ее полной реализации. Более того, он был советским гражданином, военнослужащим и дипломатом, и обязан был соблюдать государственные интересы Советского Союза. Тем не менее он был одним из тех немногих лидеров, кто пытался понять политику своей страны с корейской точки зрения. По этой причине он часто занимал позицию, соответствовавшую требованиям северокорейского руководства и одновременно с этим противоречащую политике Кремля. Возможно, это впоследствии и стало одной из причин его отставки в 1951 г.

²⁵ Попов И.М., Лавренев С.Я., Богданов В.Н. Корея в огне войны. М.: Кучково поле, 2005. С. 222.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 06, оп. 8, п. 39, д. 637, л. 8; ф. 06, оп. 8, п. 39, д. 638, л. 43; ф. 07, оп. 12, п. 25, д. 319, л. 19.
2. Дневник Н.Г. Лебедева, 08.09.1947.
3. Дневник Т.Ф. Штыкова, 09.09.1946, 06.12.1946, 13.08.1947, 23.07.1947, 09.09.1948.
4. За мир на земле Кореи. Воспоминания и статьи. М.: ГРВЛ, 1985.
5. Отношения Советского Союза с народной Кореей 1945–1980. Документы и материалы. М.: Наука, 1981.
6. Попов И.М., Лавренов С.Я., Богданов В.Н. Корея в огне войны. М.: Кучково поле, 2005.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17, оп. 128, д. 998, л. 3–4.
8. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 19, оп. 266, д. 27, л. 247–248; ф. 19, оп. 560, д. 8, л. 3, 5; ф. 32, оп. 11306, д. 687, л. 296; ф. 148, оп. 3763, д. 111, л. 92–93; ф. 172, оп. 614631, д. 25, л. 173; ф. 172, оп. 614632, д. 19, л. 5; ф. 172, оп. 614633, д. 3, л. 9–10; ф. УСГАСК, оп. 102038, д. 12, л. 5–9, 8; ф. УСГАСК, оп. 106546, д. 11, л. 10–12; ф. УСГАСК, оп. 433847, д. 1, л. 40.
9. Намбук Чосон родондан рёнхп чунъан чидо кигван кельсонхвечи-есо ханён-соль (1948нён 8воль 2иль) [Речь на совещании по созданию объединенной центральной руководящей организации Рабочей партии Северной и Южной Кореи (2 августа 1948 г.)] // Ким Ильсон чонджип, че 8 квон [Полное собрание сочинений Ким Ир Сена, Т.8]. Пхеньян: Чосон родондан чхульпханса, 1994. С. 188–191.

REFERENCES

1. AVPRF [Archive of Russian Foreign Policy]. Fond 06, opis 8, papka 39, delo 637, list 8; fond 06, opis 8, papka 39, delo 638, list 43; fond 07, opis 12, papka 25, delo 319, list 19.
2. *Dnevnik N.G. Lebedeva* [N.G. Lebedev's diary]. September 08, 1947.
3. *Dnevnik T.F. Shtykova* [T.F. Shtykov's diary]. September 09, 1946; December 06, 1946; August 13, 1947; July 23, 1947; September 09, 1948.
4. *Otnosheniya Sovetskogo Soyuzs s narodnoy Koreyey 1945–1980. Dokumenty I materialy* [Relations of the Soviet Union with People's Korea 1945–1980. documents and materials]. Moscow: Nauka, 1981.
5. *Popov I.M., Lavrenov S.YA., Bogdanov V.N. Koreya v ogne voyny* [Korea in the fire of war]. Moscow: Kuchkovo pole, 2005.
6. *Za mir na zemle Korei. Vospominaniya I stat'i* [For peace in the land of Korea. Memoirs and articles]. Moscow, 1985.
7. RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. Fond 17, opis 128, delo 998, list 3–4.
8. TsAMO [Central Archive of the Ministry of Defense]. Fond 19, opis 266, delo 27, list 247–248; fond 19, opis 560, delo 8, list 3, 5; fond 32, opis 11306, delo 687, list 296; fond 148, opis 3763, delo 111, list 92–93; fond 172, opis 614631, delo 25, list 173; fond 172, opis 614632, delo 19, list 5; fond 172, opis 614633, delo 3, list 9–10; fond USGASK, opis 102038, delo 12, list 5–9, 8; fond USGASK, opis 106546, delo 11, list 10–12; fond USGASK, opis 433847, delo 1, list 40.
9. Nampuk chosön rotongtang ryõnhap chungang chido kikwan kyõlsõnghoeüi-esõ hanyõnsõl (1948nyõn 8wõl 2il) [Speech given at the meeting for the establishment

of the joint central leadership organization of the North and South Korean Workers' Party (August 2, 1948)]. *Kim Il-sŏng chŏnchip che 8 kwŏn* [The Complete Works of Kim Il-sung, Vol. 8]. P'yŏngyang: Chosŏn rotongtang ch'ulp'ansa, 1994.

Статья поступила в редакцию 09.07.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 26.10.2023.

The article was submitted 09.07.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 26.10.2023.

ОБ АВТОРЕ

Ки Квансо — профессор факультета политологии и международных отношений Университета Чосон, Кванджу, Южная Корея; keeks@chosun.ac.kr

ABOUT THE AUTHOR

Kee Kwang-seo — Professor of the Department of Political Science and International Relations, Chosun University, Gwangju, Republic Korea; keeks@chosun.ac.kr

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-5

**РЕЛИГИОЗНЫЙ ФЕТИШИЗМ В ЖИЗНИ
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЩИН ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АРАВИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАННИХ БОГОСЛОВСКИХ
И ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДОВ ВАХХАБИТСКИХ УЧЕНЫХ)**

Ф.Ю. Матвеев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; fedorferenc1997@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена анализу особенностей духовной жизни земледельцев Центральной Аравии в первой половине XVIII в., в частности специфике неисламских культов, широко практиковавшихся на этих землях в доваххабитский период. Основу задействованного источникового массива составляют труды основателя ваххабизма Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба (1703–1792), его личная переписка и публичные послания богословам и эмирам Неджда, а также исторические хроники ранних ваххабитских ученых. Их всестороннее изучение дало возможность частично реконструировать религиозную ситуацию в Центральной Аравии и прийти к выводу о том, что языческие культы, представленные в основном различными вариациями религиозного фетишизма, являлись одной из основных составляющих духовной жизни рассматриваемых земледельческих общин. При этом, по своему значению они не уступали традиционным и девиантным формам ислама.

Ключевые слова: Аравия, XVIII в., Неджд, Эль-‘Арид, религия, языческие культы, фетишизм, ваххабизм

Для цитирования: Матвеев Ф.Ю. Религиозный фетишизм в жизни земледельческих общин центральной Аравии в первой половине XVIII в. (по материалам ранних богословских и исторических трудов ваххабитских ученых) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 3. С. 77–85. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-5.

**FETICHISM IN CENTRAL ARABIA IN THE FIRST
HALF OF THE 18TH CENTURY
(ON THE BASIS OF EARLY WANNABI RELIGIOUS AND
HISTORICAL WORKS)**

Fedor Y. Matveev

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
fedorferenc1997@gmail.com*

Abstract: The article focuses on the main features of the spiritual life of Central Arabia in the first half of the 18th century including non-Islamic cults widely spread in Najd during the period before the rise of the first Wahhabi state. The study is based on works of the founder of Wahhabism Muhammad ibn ‘Abd al-Wahhab (1703–1792) including his personal correspondence and public messages as well as the historical works of early Wahhabi scholars. Its study became the basis for the reconstruction of the religious situation in this part of the Arabian Peninsula and its comprehensive analysis allows to conclude that pagan cults represented by different variations of fetishism were one of the main components of the spiritual life of these agricultural regions. In addition to that its significance was comparable to the traditional and deviant forms of Islam.

Key words: Arabian Peninsula, Najd, Al-‘Arid, religion, pagan cults, fetishism, Wahhabism

For citation: Matveev F.Y. Fetichism in central Arabia in the first half of the 18th century (on the basis of early Wahhabi religious and historical works). *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2023, Vol. 67, No. 3, pp. 77–85. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-5 (In Russ.)

Середина XVIII в. стала одним из важнейших рубежей в истории Аравийского полуострова. Стремительное восхождение Дир‘ийского эмирата¹ к вершинам власти навсегда изменило вектор развития этой части арабского мира, утвердив доминирование саудидской государственности над традиционным социально-политическим укладом этих земель. Вне всякого сомнения, главной движущей силой этих процессов выступило ваххабитское движение, ставшее опорой Саудидов. Феномен его возникновения, роста и взаимодействия с эмирской властью остается одной из основных проблем, занимающих отечественных и зарубежных специалистов. Тем не менее, из их исследовательского фокуса зачастую выпадает один из ее важнейших аспектов, а именно, особенности религиозной жизни Центральной Аравии, во многом обусловившие специфику базовых матриц ваххабитского учения. В частности, это касается вопроса о значимости языческих культов в религиозной практике обитателей Неджда². В большинстве исследований этот аспект затрагивается лишь поверхностно, что существенно искажает представление о раннем этапе оформления идеологии ваххабизма.

Следует заранее оговорить, что работа в этой области значительно осложняется скудостью письменных источников. Большинство

¹ Дир‘ийский эмират — первое государство Саудидов, названное по имени его столицы — Эд-Дир‘ийи.

² Неджд — область в Центральной Аравии.

доступных исторических и богословских трудов содержат сведения о духовной жизни жителей лишь относительно небольшой части Южного Неджда, включающей области Эль-‘Арид³, где располагалась Эд-Дир’ийя, Эль-Хардж⁴ и некоторые прилегающие территории. По этой причине принятая в среде исследователей экстраполяция сделанных на этой основе выводов на масштаб всей Центральной Аравии в определенной мере является допущением.

Также необходимо обратить внимание на то, что многие работы, посвященные истории Центральной Аравии XVIII в. содержат весьма спорное представление о борьбе с почитанием святых как о «стержне» ваххабитской идеологии. Данное суждение существенно искажает общую картину, так как из этого зачастую делается вывод о широком распространении культа святых в этой части мира и о его роли в качестве одной из ведущих черт религиозной ситуации упомянутого периода. Этот подход во многом справедлив, когда речь идет о более поздних этапах истории ваххабитского движения, связанных с его распространением за пределы внутренних областей Аравийского полуострова. Тем не менее он совершенно неприменим при реконструкции духовной жизни обитателей Неджда накануне завоеваний Саудилов.

В действительности же главным антиподом ислама в Центральной Аравии стали различные формы религиозного фетишизма, корни которых восходят к эпохе джахилии⁵. Среди основных источников, позволяющих судить об исключительно широком распространении подобных культов, можно выделить работы основателя ваххабизма Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба (1703–1792). К их числу относятся его самые ранние труды — знаменитые трактаты «Китаб ат-таухид» («Книга единобожия») и «Аль-Усуль ас-салия ва адиятиха» («Три основы и их доказательства»)». Первый из них, согласно ряду недждийских хроник, был завершен в период его

³ Эль-Арид — область Южного Неджда, охватывающая вади Ханифа и прилегающий горный массив Джебель Тувайк.

⁴ Эль-Хардж — область Южного Неджда, включающая ряд сельскохозяйственных центров в устье вади Ханифа.

⁵ Джахилия — в исламе обозначение первобытной грубости и невежества, предшествовавших принятию ислама.

⁶ *Ибн ‘Абд ал-Ваххаб, Мухаммад. Китаб ат-таухид (Книга единобожия). Эр-Рияд: [б.и.], 2012 (далее — *Ибн ‘Абд ал-Ваххаб, Мухаммад. Китаб ат-таухид*).*

⁷ *Ибн ‘Абд ал-Ваххаб, Мухаммад. Аль-Усуль ас-салия ва-ль-адиятиха (Три основы и их доказательства). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания аснаа ан-нашр, 1999 (далее — *Ибн ‘Абд ал-Ваххаб, Мухаммад. Аль-Усуль ас-салия*).*

пребывания в Хураймале⁸, т. е. до 1740 г.⁹ Второй, вероятно, был составлен до переселения вероучителя в Эд-Дир'ийю. Принято считать, что сообщение ваххабитского летописца 'Усмана ибн Бишра (ум. в 1871/72 г.)¹⁰ о том, что шейх начал учить дир'ийских жителей «основам [веры]»¹¹, свидетельствует в пользу существования этой работы уже в 40-х годах XVIII в.

В первую очередь, особо отметим весьма специфический характер этих двух источников. В отличие от более поздних трудов Ибн 'Абд аль-Ваххаба, «Три основы» и «Книга единобожия» представляют собой не столько теоретические выкладки по различным богословским вопросам, сколько текстовую основу проповедей, обращенных к современникам вероучителя, что делает их ценным подспорьем в данном исследовании. Первый из названных трактатов содержит минимум сведений о культах, практиковавшихся жителями Центральной Аравии, но в то же время подробно рассказывает о таких базовых установках ислама как монотеизм, истинность пророческой миссии Мухаммада, «пять столпов ислама», «шесть столпов имана»¹² и т. п. Потребность в подобном просвещении сама по себе свидетельствует о весьма слабой исламизированности областей, в которых проживали его адресаты.

«Книга единобожия», в свою очередь, включает в себя значительно больше данных, соответствующих целям и задачам настоящего исследования. Опустив вводную часть, вбирающую в себя теоретическое обоснование единобожия, призывы к стойкости в вере, а также пространное порицание недостойных речевых клише и привычек, распространенных среди местного населения, читатель сталкивается с пространством текста, в котором излагается всесторонняя критика духовных ориентаций жителей Южного Неджда первой половины XVIII в. Сравнение объема тематических блоков этого трактата позволяет заключить, что самый крупный из них, составляющий

⁸ Хураймала — селение в области Судайр.

⁹ *Ибн Ганнам, Хусейн*. Тарих Наджд аль-мусамма раудат аль-афкар ва-ль-афхам (История Неджда, называемая садом мыслей и понятий). Т. 1. Эр-Рияд: Дар аш-шурук, 2010 (далее — *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд). С. 215; Лам'а аш-шихаб фи сират Мухаммад ибн 'Абд аль-Ваххаб (Блеск метеора в житии Мухаммада ибн 'Абд аль-Ваххаба). Эр-Рияд: Дарат аль-малик 'Абд аль-'Азиз, 2005 (далее — Лам'а аш-шихаб). С. 64.

¹⁰ 'Усман ибн 'Абдаллах ибн Бишр — ваххабитский ученый, один из виднейших неждийских историков.

¹¹ *Ибн Бишр, 'Усман ибн 'Абдаллах*. 'Унван аль-маджд фи тарих Наджд (Символ славы в истории Неджда). Т. 1. Эр-Рияд: Дарат аль-малик 'Абд аль-'Азиз, 1982 (далее — *Ибн Бишр*. 'Унван аль-маджд фи тарих Наджд). С. 45.

¹² Иман — вера в Аллаха, Его ангелов, священные писания, пророков, Судный день, и воздаяние за добро и зло.

не менее 30% содержания, посвящен именно фетишизму, в то время как всем другим практикам, осуждаемым ваххабизмом, уделены сравнительно небольшие отрывки. Вопросам, связанным с недобросовестным исполнением предписаний ислама, отведено около 18% критических пассажей, бытовой магии и суевериям — примерно 15%, колдовству и гаданию — не более 13%, оставшиеся 15% и 6% текста обличают культ гробниц и почитание святых соответственно.

Среди основных форм фетишизма Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб выделяет «поклонение деревьям, камням и всему подобному»¹³. Пространства вокруг таких объектов нередко становились местами вознесения молитв и жертвоприношений. Хроника Ибн Ганнама (ум. в 1811 г.)¹⁴, в свою очередь, содержит подробный перечень подобных языческих святилищ. Одним из наиболее заметных являлась роща в окрестностях ‘Уяйны¹⁵, уничтоженная при участии самого основателя ваххабизма, который, согласно хронике Ибн Бишра, «лично отправился [к ней] и стал рубить [деревья], после чего к нему начали присоединяться люди, число которых вскоре достигло 70 человек»¹⁶. В окрестностях селения Эль-Фада располагалось сразу два фетиша. Первым из них была пальма, именуемая аль-Фаххаль. Согласно сообщению Ибн Ганнама, «поток даров, приносимых к ней мужчинами и женщинами, не иссякал ни утром, ни вечером»¹⁷. Неподалеку произрастал тамариск, пользовавшийся особым почитанием среди матерей, желавших обезопасить своих детей от внезапной смерти¹⁸. Главным культовым объектом в окрестностях Эд-Дир‘ийи была древняя пещера Бинт аль-Амир, в которую, по свидетельству Ибн Ганнама, люди регулярно приносили даяния — хлеб и мясо¹⁹. Весьма любопытным объектом, заслуживающим особого внимания, была так называемая «гробница Дирара ибн аль-Азвара²⁰», расположенная неподалеку от оазиса Ша‘иб Губейра. Хронист подчеркивал, что она является «ложной и обретенной по наущению Иблиса»²¹. Между тем, наиболее вероятное место захоронения этого соратника пророка Мухаммада находится в Иордании, в то время как ее недждийская

¹³ *Ибн ‘Абд ал-Ваххаб, Мухаммад. Китаб ат-таухид. С. 64.*

¹⁴ Хусейн ибн Ганнам — ваххабитский богослов, сподвижник Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба.

¹⁵ ‘Уяйна — крупное селение в северо-западной части Эль-‘Арида.

¹⁶ *Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, Т. 1. С. 39.*

¹⁷ *Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т.1. С. 174.*

¹⁸ *Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т.1. С. 175.*

¹⁹ *Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т.1. Там же.*

²⁰ Дирар ибн аль-Азвар (ум. предположительно в 640 г.) — один из сподвижников пророка Мухаммада.

²¹ *Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т.1. С. 174.*

«версия» представляет собой глубокую и извилистую пещеру в одном из ущелий вади Ханифа, едва ли подходящую на какое-либо захоронение в принципе. Проводя аналогию с упомянутым выше святилищем Бинт аль-Амир, можно предположить, что в данном случае речь идет о чисто языческом природном фетише, почитание которого было переосмыслено в рамках исламской традиции.

Рассуждая о разнообразии форм центрально-аравийского фетишизма, также следует заострить внимание на четком различении автором «Книги единобожия» культа гробниц и культа святых. Неравнозначность этих двух практик неоднократно подчеркивается во многих других трудах Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба и его последователей. Примечательно, что поиск в лице Божьих угодников заступников перед Аллахом хотя и порицается ваххабитами, однако не считается таким опасным для коллективного благочестия грехом, как воздвижение памятников на их могилах, о чем свидетельствует относительно мягкая критическая риторика в отношении первого из них и воинственная и непримиримая в отношении второго. Более того, ни в одном из задействованных источников в целом не отрицается необходимость трепетного отношения к почившим и, что немаловажно, живым праведникам, уважительно называемым ваххабитскими авторами *салихун* (араб. праведники) или *аулия* (араб. угодники). В одном из своих писем недждийскому алиму²² Ибн Сайаху Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб восклицал: «Иса²³ не виноват в том, что ему возносят мольбы! То же самое касается и рафидитов²⁴; ‘Али ибн Абу Талиб²⁵ не виноват в том, что ему поклоняются!»²⁶ Заметим, однако, что важным фактором считалось отсутствие тщеславия со стороны самого носителя «небесной благодати». В противном случае он терял статус Божьего угодника и становился «шайтаном» — искусителем, «выманивающим из людей пожертвования [своей] ложью и идущим не по пути Аллаха»²⁷.

²² Алим — знаток богословия, священного писания, предания и этико-правовых норм ислама.

²³ Иса ибн Марьям — один из исламских пророков, отождествляемый с библейским Иисусом Христом.

²⁴ Рафидиты — одно из распространенных прозвищ шиитов, данное им противниками.

²⁵ ‘Али ибн Абу Талиб (599–661) — сподвижник, двоюродный брат и зять пророка Мухаммада, четвертый «праведный халиф» и первый шиитский имам.

²⁶ Ибн ‘Абд ал-Ваххаб, Мухаммад. Ад-Дурар ас-сания фи-ль-аджвиба ан-надждия (Высочайшие жемчужины недждийской полемики). Т. 1. Под ред. ‘Абд ар-Рахмана ибн Мухаммада ибн Касима аль-Асми ан-Наджди. Эр-Рияд: [б.и.], 1996 (далее — Ад-Дурар ас-сания). С. 78.

²⁷ Ад-Дурар ас-сания. С. 77.

Основы подобного размежевания довольно четко прослеживаются в ваххабитской терминологии, которая именуется всякого чрезмерно почитаемого праведника термином «*тагут*», т. е. объект ложного обожествления со стороны других, в то время как гробницу, купол, или любое иное строение на месте захоронения святого принято называть фетишем (араб. *васан*). В одном из своих публичных посланий, адресованное всем алимам Неджда и посвященное критике возведения подобных сооружений, Ибн 'Абд аль-Ваххаб включает следующую знаковую фразу: «[Смуту приносит] воздвижение куполов над могилами праведников и поклонение им (не праведникам, а именно куполам. — *Ф.М.*)»²⁸. Эта деталь весьма характерна для работ основателя ваххабизма и его последователей и во многом отражает специфику понимания ими данной практики.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что с точки зрения раннего ваххабизма культ гробниц рассматривается не как выражение чрезмерного почитания праведников, а как одна из вариаций столь привычного недждийцам языческого фетишизма. В то же время избыточное преклонение перед святыми относилось ваххабитами скорее к девиациям в рамках ислама. Судя по всему, Мухаммад ибн 'Абд аль-Ваххаб и его единомышленники быстро осознали, что надгробия над могилами зачастую теряли в глазах местных жителей свое изначальное значение и постепенно превращались в самостоятельные объекты культа. Более того, нередко имел место и обратный процесс, ярким примером чему служит упомянутая ранее «гробница» Дирара ибн аль-Азвара.

Специфика подхода ваххабитов к проблеме разграничения культа гробниц и культа святых позволяет пересмотреть предложенный выше вариант распределения содержания «Книги единобожия» по тематическим блокам. Если включить осуждение культа гробниц в рамки порицания недждийского фетишизма, то данный блок составит практически половину критического содержания книги (около 47%), при том то самому пространному из оставшихся, посвященному различным аспектам недобросовестного исполнения предписаний ислама, уделено не более 25,5% текста.

Столь пристальное внимание к проблеме религиозного фетишизма и связанных с ним практик со стороны Мухаммада ибн 'Абд аль-Ваххаба позволяет говорить о ее исключительной остроте. Это же многократно подтверждается и в переписке вероучителя, в которой

²⁸ Ибн 'Абд ал-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн 'Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба. Т. 7 / Под ред. Абд аль-Азиза ибн Зейда ар-Руми. Эр-Рияд: Джамиат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (далее — *Ибн 'Абд ал-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат*). С. 176.

подобные ценностные ориентиры оказываются одним из главных объектов его нападок. В своем письме некоему 'Абд аль-Ваххабу ибн 'Абдаллаху ибн 'Исе он восклицает: «Мне удивительно, что Вы не понимаете [сути] свидетельства о том, что нет Божества, кроме Аллаха, и что Вами до сих пор не отвергнуты идолы (араб. *аснам*. — *Ф.М.*), которым поклоняются в Эль-Хардже и схожих местах, ведь это есть величайший ширк²⁹! Так считает большинство алимов»³⁰.

Таким образом, становится очевидно, что ваххабитские ученые — авторы наиболее заметных ранних религиозных и исторических трудов прямо свидетельствуют о борьбе с фетишизмом, восходящим к схожим верованиям доисламской эпохи, как об одном из основных направлений деятельности ваххабитов в начальный период существования этого движения. Это обстоятельство, наряду с обилием упоминаний о языческих святилищах в задействованных письменных источниках, позволяет сделать заключение о весьма широком распространении различных форм подобных культов в Недже, а также рассматривать их в качестве одного из основных столпов религиозной жизни обитателей земледельческих областей Центральной Аравии XVIII в. Именно противостояние явлениям такого рода стало основой многих базовых матриц ваххабитской идеологии, а также обусловило специфику этого радикального течения ислама, коренным образом повлиявшего на социально-политическую историю Аравийского полуострова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ибн 'Абд ал-Ваххаб, Мухаммад*. Китаб ат-таухид (Книга единобожия). Эр-Рияд: [б.и.], 2012.
2. *Ибн 'Абд ал-Ваххаб, Мухаммад*. Аль-Усуль ас-саяяса ва-ль-адилятиха (Три основы и их доказательства). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания аснаа ан-нашр, 1999.
3. *Ибн 'Абд ал-Ваххаб, Мухаммад*. Ад-Дурар ас-сания фи-ль-аджвиба ан-надждия (Высочайшие жемчужины недждийской полемики). Т. 1. Под ред. 'Абд ар-Рахмана ибн Мухаммада ибн Касима аль-Асми ан-Наджи. Эр-Рияд: [б.и.], 1996.
4. *Ибн 'Абд ал-Ваххаб, Мухаммад*. Муаллафат аш-шейх аль-имам Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб (Сочинения шейха Мухаммада ибн 'Абд аль-Ваххаба). Т. 7. Под ред. Абд аль-Азиза ибн Зейда ар-Руми. Эр-Рияд: Джамиат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976.
5. *Ибн Бишр, 'Усман ибн 'Абдаллах*. 'Унван аль-маджд фи тарих Наджд (Символ славы в истории Неджда). Т. 1. Эр-Рияд: Дарат аль-малик 'Абд аль-'Азиз, 1982.

²⁹ Ширк — многобожие.

³⁰ *Ибн 'Абд ал-Ваххаб, Мухаммад*. Муаллафат. С. 278.

6. *Ибн Ганнам, Хусейн*. Тарих Наджд аль-мусамма раудат аль-афкар ва-ль-афхам (История Неджда, называемая садом мыслей и понятий). Т. 1. Эр-Рияд: Дар аш-шурук, 2010.
7. Лам'а аш-шихаб фи сират Мухаммад ибн 'Абд аль-Ваххаб (Блеск метеора в житии Мухаммада ибн 'Абд аль-Ваххаба). Эр-Рияд: Дарат аль-малик 'Абд аль-'Азиз, 2005.

REFERENCES

1. Ibn 'Abd al-Wahhab, Muhammad. *Kitab al-Tawhid* (The Book of the Oneness of God). Riyadh: [s.n.], 2012.
2. Ibn 'Abd al-Wahhab, Muhammad. *Al-Usul al-Salyasa wa-al-Adilatiha* (The Three Fundamental Principles and its Evidence). Riyadh: Fakhrasat Maktabat al-Malik Fahd al-Watania asnaa al-Nashr, 1999.
3. Ibn 'Abd al-Wahhab, Muhammad. *Muallafat al-Sheikh al-Imam Muhammad Ibn Abd al-Wahhab* (The Writings of Sheikh Muhammad ibn 'Abd al-Wahhab). Vol. 7. Ed. by 'Abd al-'Aziz Ibn Zeid al-Rumi. Riyadh: Jamiat al-Imam Muhammad Ibn Saud al-Islamiya, 1976.
4. Ibn 'Abd al-Wahhab, Muhammad. *Al-Durar al-saniya fi-l-Ajviba al-Najdia* (The Highest Pearls of the Najdi controversy). Vol. 1. Ed. by 'Abd al-Rahman Ibn Muhammad Ibn Qasim al-Asmi al-Najdi. Riyadh: [s.n.], 1996.
5. Ibn Bishr, 'Usman Ibn 'Abdallah. *'Unwan al-Majd fi Tarikh Najd* (Symbol of Glory in the History of Najd). Т. 1. Riyadh: Darat al-Malik 'Abd al-'Aziz, 1982.
6. Ibn Ghannam, Hussein. *Tarikh Najd al-musamma Raudat al-Afkar wa-l-Afkham* (History of Najd, called the Garden of Thoughts and Concepts). Vol. 1–2. Riyadh: Dar al-Shuruk, 2010.
7. *Lam'a al-Shihab fi Sirat Muhammad Ibn 'Abd al-Wahhab* (Shine of a Meteor in the Life of Muhammad Ibn 'Abd al-Wahhab). Riyadh: Darat al-Malik 'Abd al-'Aziz, 2005.

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 29.08.2023; принята к публикации 26.10.2023.

The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 29.08.2023; accepted for publication 26.10.2023.

ОБ АВТОРЕ

Матвеев Федор Юрьевич — аспирант кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, fedorferenc1997@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Fedor Y. Matveev — Post-Graduate, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, fedorferenc1997@gmail.com

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-6

О СООТНОШЕНИИ НЕКОТОРЫХ ДИАЛЕКТНЫХ И ЭТАЛОННЫХ СЛУЖЕБНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ПЕРЕЛОЖЕНИИ НА КЁНСАНСКИЙ ДИАЛЕКТ ПОВЕСТИ А. ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ «МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ»

Е.В. Бречалова

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
evbrechalova@gmail.com*

Аннотация: В настоящей работе изучаются некоторые морфологические черты кёнсанского диалекта корейского языка. В качестве текстового материала используется переложение на кёнсанский диалект повести «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери. В работе устанавливаются соответствия между, с одной стороны, окончаниями и частицами стандартного корейского языка и, с другой стороны, кёнсанскими окончаниями и частицами. Во-первых, для каждой пары соотносительных показателей выясняется частотность замены стандартного показателя на диалектный в тексте «Маленького принца». Оказалось, что лишь 8 кёнсанских показателей из 32 изученных полностью вытеснили стандартные аналоги — произошла тотальная замена. Это свидетельствует о том, что идиом «Маленького принца» — смешанный или «гибридный». Во-вторых, для каждой пары показателей исследуется вопрос о композициональности — о представимости замены показателя через замену атомарных формативов, составляющих этот показатель. Выяснилось, что композициональны 14 показателей, не композициональны 6 показателей, а 12 показателей композициональны тривиальным образом, поскольку состоят из одного форматива.

Ключевые слова: кёнсанский диалект корейского языка, гибридный диалект, грамматический словарь кёнсанского диалекта, морфология, композициональность

Для цитирования: Бречалова Е.В. О соотношении некоторых диалектных и эталонных служебных показателей в переложении на кёнсанский диалект повести А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 3. С. 86–108. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-6.

**ON THE CORRESPONDENCE BETWEEN SOME
MORPHOLOGICAL FORMS OF THE STANDART
SEOUL LANGUAGE AND KYŎNGSANG
DIALECT FORMS IN THE KYŎNGSANG ADAPTATION
OF THE STORY «THE LITTLE PRINCE»
BY A. DE SAINT-EXUPERY**

Evgeniya V. Brechalova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
evbrechalova@gmail.com*

Abstract: In this paper, some morphological features of the Kyŏngsang dialect of the Korean language are studied. The adaptation of the story “The Little Prince” by A. de Saint-Exupery into the Kyŏngsang dialect was chosen as a text material. The paper establishes correspondences between the predicative endings and nominal particles of the standard Seoul language and Kyŏngsang endings and particles in the studied text. First, for a given pair of correlative endings, the frequency of replacing the standard ending with a dialect ending in the text of “The Little Prince” is determined. It turned out that only eight Kyŏngsang endings out of 32 studied completely replaced the standard counterparts — there was a total replacement. This indicates that the idiom of “The Little Prince” is mixed or «hybrid». Secondly, for a given pair of endings, the question of compositionality is investigated, i.e., the representability of replacing the ending through the replacement of atomic formatives that make up this ending. It turned out that 14 endings are compositional, 6 endings are not compositional, and 12 endings are compositional in a trivial way, since they consist of one formative.

Keywords: Kyŏngsang dialect of the Korean language, hybrid dialect, morphology, grammatical lexicon of the Kyŏngsang dialect, compositionality

For citation: Brechalova E.V. On the correspondence between some morphological forms of the standart Seoul language and Kyŏngsang dialect forms in the Kyŏngsang adaptation of the story «The Little Prince» by A.de Saint-Exupery. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2023, Vol. 67, No. 3, pp. 86–108. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-6 (In Russ.)

Введение

В настоящей работе изучаются некоторые морфологические черты кёнсанского диалекта корейского языка¹. Кёнсанский диалект

¹ Излагаемые здесь соображения тесно связаны с содержанием дипломной работы Булаева Д.Н., защищенной в РГГУ (Москва) в 2023 г. под руководством автора настоящей статьи, см.: Булаев Д.Н. Грамматическое описание кёнсанского диалекта корейского языка на материале перевода произведения «Маленький принц»: ВКР

относится к группе юго-восточных диалектов корейского языка. В первую очередь он привлекает внимание исследователей своей тоновой системой, но в настоящей работе речь пойдет только о письменно зафиксированных окончаниях и частицах в их графическом виде, без обращения к каким бы то ни было фонетико-фонологическим представлениям. В качестве диалектного текста выбрано переложение на кёнсанский диалект повести «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери. Переложение выполнено носительницей этого диалекта Чхве Хёнэ, проживающей в г. Пхохан провинции Кёнсан-Пукто. Текст цитируется по изданию 2021 г.² Далее в работе при указании на текст он называется «Принц». Объем всей повести — 96 страниц, что составляет около 11 тысяч словоформ. Выбранный текст интересен с разных точек зрения: он переведен молодой носительницей кёнсанского диалекта, идиом которой может значительно отличаться от того, что зафиксировано в диалектных словарях; для него существует исходная версия на стандартном сеульском языке, что значительно упрощает понимание и анализ диалектной версии; наконец, он отличается значительным объемом.

Описание диалекта не предполагает составления полной его грамматики. Обычно диалект описывается через сопоставление его с неким эталонным стандартом. В данной работе за стандарт взят сеульский корейский. Предполагается, что стандартный язык является хорошо кодифицированным и располагающим достаточно полным грамматическим описанием. В таком случае описать диалект — значит указать все возможные или обязательные его отличия от стандарта.

Хотя, как известно, грамматика любого языка составляет систему, в которой фонетико-фонологические, морфологические и синтаксические механизмы и правила тесно переплетены, все же можно заниматься изучением какого-то одного узла всей системы. В данной работе изучаются цепочки формативов³, представляющие предикативные окончания и приименные частицы. В качестве родового понятия по отношению к предикативным окончаниям и приимен-

студента 4 курса, бакалавриат, направление 45.03.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика». М.: РГГУ, 2023.

² Чхве Хёнэ. Эрин ванджа. Кёнсандо сатхури каксэк [Маленький принц. Переложение на кёнсанский диалект]. Пхохан: Ипхап, 2021.

³ Форматив — односторонняя единица того же ранга, что и морфема. Подробнее о соотношении терминов «форматив» ~ «морфема» ~ «субморф» см.: Поливанова А.К. Принципы построения сегментной грамматики // Поливанова А.К. Общее и русское языкознание: Избранные работы. М., 2008. С. 235–237, 297–298.

ным частицам далее используется термин *показатель*. Показатели могут состоять из одного или нескольких атомарных формативов, например, 습니다 sup=ni=ta⁴ состоит из трех атомарных формативов. Атомарные формативы в составе показателя отделяются друг от друга знаком = «равенство».

Непосредственному сопоставлению подвергаются члены пары «диалектный показатель и его аналог в стандартном сеульском». Такие пары ниже называются *соотносительными парами показателей*, а их члены — *партнерами* друг друга. Вот несколько таких пар:

Показатель в диалектном тексте	Ожидаемый показатель в стандартном языке
1. 다 =ta	다 =ta
2. 아가 =a=ka	아서 =a=se
3. 르라꼬/을라꼬 =lla=kko/ulla=kko	려고/으려고 =lye=ko/ulye=ko

В первой строке — партнеры совпадают, такие тривиальные случаи также важны для сбора данных об изучаемом диалекте. В остальных случаях — диалектная версия определенным образом отличается от стандартной.

Основанием для признания приведенных пар партнерами служит текст «Принц», в котором зарегистрирована диалектная форма⁵.

Изучаемый текст «Принц» содержит 11 тысяч словоформ. Этим 11 тысячам словоформ отвечает более ста пар потенциальных показателей-партнеров. Из них было выбрано несколько десятков пар, составивших *контрольный список*. В контрольный список не были включены пары, не получившие надежного удостоверения в том, что стандартный вариант в действительности является его партнером; не включены пары, в которых хотя бы один из партнеров недостаточно надежно и однозначно членится на формативы; не включены тривиальные пары. Так был составлен контрольный список из 32 пар.

Поясним, что считается тривиальными парами. Если графическая запись показателя в диалектном тексте совпадает с графической

⁴ Для транслитерации используется Йельская система.

⁵ Переложение на кёнсанский диалект — близко по смыслу и к корейской литературной версии, и к русскому переводу. При первичном разборе текста использовалась билингва «диалектный текст “Принц”» — «литературный текст “Принц”». Но все-таки переложение и литературный текст совсем не дословные копии друг друга, поэтому предлагаемые стандартные аналоги диалектных показателей — это результат работы автора настоящей статьи.

записью стандартного партнера, то пара считается тривиальной. Важно, что в контрольный список все же входят пары, в которых среди диалектных вариантов есть хотя бы один, отличающийся графически. Например, пара «станд. =ko — кёнс. =kko» имеет право входить в контрольный список.

В настоящей работе при описании диалекта используется инструмент *замен*. Пусть А стандарта и А' диалекта — партнеры друг друга и пусть А представима в виде цепочки RхQ, А' — в виде цепочки Rх'Q. Говорят, что цепочка А' есть результат замены х→х' в цепочке А. Например, кёнсанская словоформа al=сеу есть результат замены сi→сеу в стандартной словоформе al=сi. В приведенном примере участники замены — отдельные формативы.

В общем случае замены могут быть *сегментными* (участники замен — фонемы или буквы) или *морфологическими* (участники замен — формативы).

Так, например, приведенную выше замену можно трактовать как сегментную: кёнсанская словоформа al=сеу есть результат сегментной замены i→еу в стандартной словоформе al=сi.

Замена Z (х→х') может быть тотальной или случайной для данного идиома (текста, диалекта и т.п.). Если в данном идиоме любое вхождение ожидаемого х заменяется на х', замена называется *тотальной*; в противном случае — *случайной*. Случайные замены далее называются *девиациями*⁶.

Заметим, что если для этимологических замен (так называемые соответствия) обычно требуется тотальность, то для диалектных характерны как раз замены случайные. Требование тотальности, сформулированное в ранних работах младограмматиков, известно как условие «фонетические законы не знают исключений».

При изучении же диалектов часто девиантные версии тех или иных линейных единиц сосуществуют наряду с эталонными. Так, например, замена показателей «=n/=un — =ng/=ung» — случайная, а замена показателей «=ni/=uni — =i/=ui» — тотальная.

Для морфологических замен встает вопрос о композиционности. *Композиционностью* далее называется представимость замен старшего ранга в виде замен младшего ранга. Соответству-

⁶ Подробный рассказ о технике описания форм памятников через установление, во-первых, грамматики эталонного языка и, во-вторых, ограниченного списка девиаций, которые могут быть применены к эталонным формам, см.: *Поливанова А.К.* Старославянский язык: Грамматика. Словари. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. С. XV–XXVI (Введение); с. 486–499 (Экскурсы о девиациях).

ющее представление замен старшего ранга через замены младшего ранга называется *декомпозицией* этой замены.

Если в замене вида « $x \rightarrow x'$ » x и x' — атомарные формативы, то возникает вопрос о возможности их представления в виде действия каких-то сегментных замен. Так, например, замену $=туе/=умуе — =то/=што$ (см. табл. «Атомарные формативы», строка 14) можно представить как результат сегментной замены $уе \rightarrow о$. Однако представить как результат сегментных замен формативы-партнеры $=сi — =tong$ (см. табл. «Атомарные формативы», строка 1) не представляется возможным.

Соответственно, замены бывают *композиционные* (первый пример, $=што — =штуе$) и *некомпозиционные* (второй пример, $=сi — =tong$).

Если же в замене вида « $x \rightarrow x'$ » x и x' — это цепочки формативов, то можно говорить об их поформативной декомпозиции. Так, например, для показателей-партнеров «станд. $=ке=ту=п — кёнс. =ку=ту=нг$ » предлагается такая поформативная декомпозиция (см. в таблице «Атомарные формативы»): $ке — ку$ (строка 4), $ту — ту$ (строка 23), $п — нг$ (строка 15).

Исследование такой поформативной композиционности изучаемых показателей-партнеров составляет центральную задачу данной работы. Вопрос о сегментной представимости атомарных формативов, в силу ограниченности объема работы, здесь не рассматривается.

Для удобства читателя сделаем замечание о дальнейшей структуре статьи. Далее приводится: (1) список атомарных формативов, входящих в состав показателей-партнеров контрольного списка; (2) каталог морфологических замен, в котором для каждого партнера указывается (а) число вхождений в текст «Принца», (б) информация о распределении вариантов диалектного партнера (если есть варианты), а также для данной пары (в) ее тотальность или рандомность, (г) оценка ее композиционности, а для композиционных — ее декомпозиция. После каталога замен приведены образцы разбора трех предложений из изучаемого текста.

Атомарные Р-формативы могут входить только в те показатели, которые оформляют предикативные основы, атомарные N-формативы — только в те показатели, которые оформляют имена или номинализованные Р-формы. Х-формативы могут входить как в состав Р-показателей, так и в состав N-показателей.

Атомарные формативы

	Стандарт	Тип форматива	Кёсан	Номер замены
1	ci	P	ci, ti, tti, ceu; tong	5, 6, 25
2	e/a	P	e, a	7, 8, 9
3	ka	P	ka, ko	23
4	ke	P	ke, ku	10, 12
5	key	P	key, kkey	15
6	keyss	P	keyss, kus	11
7	kka	P	ka, kka, kyo	14, 22, 30
8	ko	P	ko, kko	13, 16
9	–	P	kkwu	17
10	l/ul	P	l/ul, lla/ulla	14, 15, 25
11	la	P	la, layi	8, 12, 28
12	lye/ulye	P	lla/ulla	16
13	ma/uma	P	ma/uma	17
14	mye/umye	P	mye/umye, mo/umo, mu/umu	18, 19, 20
15	n/un	P	n/un, ng/ung	10, 19, 20, 24, 26, 30
16	na	P	na, no	23
17	ng	P	ng	2
18	ni/uni	P	i/ui	21, 22
19	nun	P	nun, nung, ning	25, 26, 30
20	ta	P	ta, tta, teyi, te	27, 31
21	te	P	te	28
22	tey	P	tey	26
23	tu	P	tu	10
24	yo	P	yey	32
25	ey	N	ey	1
26	hanth	N	hanth, cath	1
27	lo/ulo	N	lo/ulo	3
28	uy	N	u	4
29	ila/la	X	ikha/kha	2
30	man	X	man	6
31	se	X	se, ka, kka	3, 9, 20

Следующие таблицы содержат именные и предикативные показатели, вошедшие в **контрольный список замен**. Показатели даны в алфавитном порядке по варианту в стандартном языке, со сплошной нумерацией (1–32).

Таблицы устроены следующим образом. В левом столбце дана информация о стандартном партнере, в правом — о диалектном. В **первой** строке указан графический вид каждого показателя в Йельской транслитерации, с разделением графических слогов дефисами. Во **второй** строке указывается членение данного показателя на атомарные формативы, принятое в настоящей работе, а также информация о наличии вариантов. Знак // означает дублетность: варианты равноправны и не находятся в дополнительном распределении, например, =nun=kyo//=nung=kyo. Запись через косую черту означает, что варианты распределены морфонологически, а именно по сингармонизму или по CVC-согласованию⁷, например, =n=tong/=un=tong; =e=la/=a=la. В случае CVC-согласования первым дается тот вариант, который следует после V-конечной основы. В прочих случаях варианты записаны через запятую, например, =sim=te, =ni=te. В **третьей** строке приводятся иллюстрации — словоформы из текста «Принц». Индекс, указывающий на порядковый номер словоформы в тексте «Принц», приводится в круглых скобках. В **четвертой** строке указывается количество употреблений в тексте «Принц» стандартного и диалектного партнеров, на основании чего можно сделать вывод о тотальности или randomness данной замены. Если показатель отмечен малое количество раз, то в таких случаях точное число вхождений указано в квадратных скобках.

Следующие две строки опциональны. Для тех показателей, к которым применим вопрос о композициональности, указаны соответствия кёнсанских атомарных формативов стандартным по таблице «Атомарные формативы».

Далее следуют примечания в свободной форме. Здесь помещаются сноски на использованные лингвистические работы по кёнсанскому диалекту, в которых отмечен данный кёнсанский показатель: словарь [Jeong, 2007], обзорную работу по диалектам [Lee, Ramsey, 2000], словарь [Ogura, 2009].

Задача работы состоит в фиксации отличий диалекта от стандарта, и поэтому, если для некоторого стандартного показателя нет особого партнера в кёнсанском диалекте, т. е. в обоих диалектах

⁷ Если показатель имеет два аллоформа, распределенные по CVC-согласованию, то один аллоформ присоединяется после основы, оканчивающейся на гласную (V-конечная основа), а другой — после основы, оканчивающейся на согласную (C-конечная основа).

используются тождественные показатели, то такой показатель не входит в контрольный список.

1. Замена «С. 한테 — К. 자테»

Датив при одушевленных именах.

-han-they	-ca-they
=hanth=ey	=cath=ey
(214) 열라들한테 el-la-tul- han-they <i>ребенок</i>	(392) 으른들자테 u-lun-tul- ca-they <i>взрослый</i>
>60	>20
Замена композициональна. См. табл. «Атомарные формативы», строки 25, 26.	
В [Jeong, с. 532] отмечен кёнсанский вариант датива 인테 in-tey. В «Принце» не встречается.	

2. Замена «С. 랑/이랑 — К. 칸г/이칸»

Комитатив.

-lang / -i-lang	-khang / -i-khang
=la=ng / =ila=ng	=kha=ng / =ikha=ng
(5488) 기랑 ki- lang <i>факт</i> (7224) 꽃이랑 kko-ch- i-lang <i>цветок</i>	(842) 종이칸г cong- i-khang <i>бумага</i> (8089) 미구들이칸г mi-kwu-tul- i-khang <i>лисы</i>
<10	>30
Замена композициональна. См. табл. «Атомарные формативы», строки 17, 29.	
В «Принце» часто нарушаются правила дистрибуции варианта (V) khang. Например: (7937) 처자들칸г checha-tul-khang <i>женщина</i> , (6529) 중국칸г cwungkwuk-khang <i>Китай</i> . При этом вариант ikhang во всех случаях правило не нарушает.	
[Jeong, с. 636].	

3. Замена «С. 로/으로 — К. 로까/으로까»

Инструменталь.

-lo / -u-lo	-lo-kka / -u-lo-kka
=lo / =ulo	=lo=kka / =ulo=kka
(443) 중심으로 cwung-sim- u-lo <i>центр</i>	(623) 물로까 mwul- lo-kka <i>вода</i>
>100	[1]
Можно было бы установить другое партнерство, а именно говорить о замене «ulo=se — ulo=kka». Последняя показывает композициональность. Партнерство атомарных формативов se — kka подтверждает такая замена: e=se / a=se — e=ka / a=ka, см. строка 31 в табл. «Атомарные формативы».	
В [Jeong, с. 254] отмечен кёнсанский вариант 로 lo для стандартной частицы акузатива 를 lul. В «Принце» не встречается.	

4. Замена «С. 의 — К. 으»

Генитив.

-уу	-u
=уу	=u
(7893) 마음의 ma-um- уу <i>душа</i>	(22) 나므 na-mu <i>чужой</i>
>10	[1]
Отсутствие употреблений генитива объясняется, по-видимому, частым опущением падежных частиц в «Принце». В [Jeong, с. 470, 520] отмечены кёнсанские варианты генитива (V)으/(C)어 u/e. В «Принце» не встретились.	

5. Замена «С. -지 — К. -제»

Финитное модальное окончание, запрос на согласие собеседника или подтверждение согласия с ним.

-ci	-cey
=ci	=cey
(796) 물았지 mwul-ass- ci <i>спрашивать</i>	(81) 알제 al- cey <i>знать</i>
(631) 잤지 cass- ci <i>спать</i>	(10063) 보겠제 po-keyss- cey <i>смотреть</i>
>90	>30
В [Jeong, с. 551, 553] указаны два кёнсанских варианта: 제-say, 제어-say-i.	

6. Замена «С. -지만 — К. -디, -띠»

Противительное деепричастие.

-ci-man	-ti, -tti
=ci=man	=ti, =tti
(4408) 했지만 hayss- ci-man <i>делать</i>	(1170) 있다 iss- ti <i>иметься</i>
	(9170) 감띠 kam- tti <i>закрывать</i>
>40	<20

7. Замена «С. -어/-아 — К. -어, -아»

Так называемая «вторая основа» или инфинитив.

-e /-a	-e, -a
=e / =a	=e, =a
(10333) 삼아 sam- a <i>считать</i>	(10669) 쓰아 ssu- a <i>надевать</i>
(1016) 들어 tul- e <i>входить</i>	(412) 누마 nwup- a <i>ложиться</i>
Подсчет затруднителен. Форматив =e, =a входит только в производные цепочки более 200 раз.	

В стандартном языке алломорфы *-e /-a* распределены по сингармонизму. Как известно, в современном разговорном языке нарушение сингармонизма (в пользу *e*-начальных вариантов) получает все более широкое распространение. Однако в кёнсанском диалекте ситуация складывается по-другому. Там более распространены *a*-начальные варианты, но морфонологическое распределение разрушено, и четкого распределения для текста «Принца» не обнаружено. Кроме того, наблюдается беспорядочное устранение зияния, если основа кончалась на гласную, ср. например: *pakkwu=a > pakka* *менять*, *ttwi=e > tti* *прыгать*, *po=a > po* *смотреть*.

8. Замена «С. -어 라/-아라 — К. -어 래이, -아 래이»

Повелительное окончание книжного стиля.

<i>-e-la / -a-la</i>	<i>-e-lay-i, -a-lay-i</i>
<i>=e=la / =a=la</i>	<i>=e=layi, =a=layi</i>
(9360) <i>봐라 pwa-la</i> <i>смотреть</i>	(5686) <i>가래이 ka-lay-i</i> <i>идти</i>
>15	>10
Замена композициональна. См. табл. «Атомарные формативы», строки 2, 11.	
Морфонологическое распределение разрушено, четкого распределения для текста «Принца» не обнаружено.	
В [Jeong, с. 253] отмечены два окончания императива, <i>래-lay</i> и <i>래이-lay-i</i> .	

9. Замена «С. -어서/-아서 — К. -어가, -아가»

Деепричастие предшествования и причины.

<i>-e-se / -a-se</i>	<i>-e-ka, -a-ka</i>
<i>=e=se / =a=se</i>	<i>=e=ka, =a=ka</i>
(1192) <i>같이서 kath-a-se</i> <i>похожий</i>	(332) <i>틀어가 thul-e-ka</i> <i>сворачиваться</i>
<10	>110
Замена композициональна. См. табл. «Атомарные формативы», строки 2, 31.	
Морфонологическое распределение вариантов разрушено, четкого распределения для текста «Принца» не обнаружено.	
В словаре [Jeong] это окончание не отмечено.	

10. Замена «С. -거든 — К. -그등»

Модальное финитное окончание. Новая для собеседника информация подается как причина или объяснение.

<i>-ke-tun</i>	<i>-ku-tung</i>
<i>=ke=tu=n</i>	<i>=ku=tu=ng</i>
(10637) <i>아니었거든 a-ni-ess-ke-tun</i> <i>не быть</i>	(9964) <i>같았그등 kath-ass-ku-tung</i> <i>похожий</i>

<10	<10
Замена композициональна. См. табл. «Атомарные формативы», строки 4, 23, 15.	

11. Замена «С. -겠- — К. -긔-»

Суффикс. Выражает предположение или будущее время.

-keyss-	-kus-
=keyss=	=kus=
(427) 아이 겠나 ai- keyss -na <i>не быть</i> (563) 있 겠노 iss- keyss -no <i>иметься</i>	(595) 있긔나 iss- kus -na <i>иметься</i> (6678) 낫긔다 nas- kus -ta <i>улучшаться</i>
>60	>20
Большинство употреблений суффикса =kus= отмечено в комбинации с окончанием =na.	
В словаре [Jeong] не отмечено никаких вариантов этого суффикса.	

12. Замена «С. -거라 — К. -그래이»

Финитное повелительное окончание книжного стиля.

-ke-la	-ku-lay-i
=ke=la	=ku=lai
Стандартная форма отсутствует в тексте	(8188) 있그래이 iss- ku-lay-i <i>иметься</i>
нет	<10
Замена композициональна. См. табл. «Атомарные формативы», строки 4, 11.	
В стандартном языке окончание =ke=la сочетается только с ограниченным числом предикативов, главным образом с глаголом ка- <i>уходить, идти</i> и его производными. В «Принце» также, кроме глагола ка-, это окончание встретилось с глаголами <i>mal-ne</i> <i>делать, запрещать</i> и <i>iss-</i> <i>находиться</i> .	
[Jeong, с. 84].	

13. Замена «С. -고 — К. -꼬»

Соединительное деепричастие.

-ko	-kko
=ko	=kko
(65) 시고 si- ko <i>сильный</i>	(7698) 엄꼬 em- kko <i>отсутствовать</i>
>200	<20
К. =kko в основном следует после основ на согласную. Заметим, что в «Принце» в качестве последнего форматива в производных окончаниях регулярно используется =kko.	

14. Замена «С. -르 까/-을까 — К. -르 랑가/-을랑가»

Вопросительное окончание. Возможно в качестве окончания главного и придаточного предложения.

l-kka /-ul-kka	l-lang-ka / -ul-lang-ka
=l=kka / =ul=kka	=lla=ng=ka / =ulla=ng=ka
(10783) 목았을까 mwuk-ass- ul-kka <i>есть</i>	(626) 버틸랑가 pe-thil- lang-ka <i>про-держаться</i>
<10	[3]
Данная пара не показывает простой композициональности.	

15. Замена «С. -르 게 / -을 게 — К. -르 께 / -을 께, -께»

Модальное финитное окончание. Означает обещание, высказанное от первого лица.

l-key / -ul-key	l-kkey / -ul-kkey, -kkey
=l=key / =ul=key	l=kkey / =ul=kkey, =kkey
Стандартная форма отсутствует в тексте	(2961) 그레줄께 ku-leu-cul- kkey <i>нарисовать</i> (1299) 주께 cwu- kke <i>удать</i>
нет	[4]
Замена композициональна. См. табл. «Атомарные формативы», строки 5, 10.	
Распределение вариантов l=kkey/=ul=kkey и =kkey не установлено. Заметим, что в кёнсанском диалекте есть несколько окончаний, варианты которых различаются наличием/отсутствием формативов n/un, l/ul. Ср. вопросительные цепочки «С. =un=ka — К. =ka».	
[Ogura, с. 514]. [Jeong, с. 249] — (으)르끼 (u)l-kki. [Jeong, с. 128] — 끼-kki.	

16. Замена «С. -려고 / -으려고 — К. -르 라꼬 / -을라꼬»

Деепричастие намерения.

-lye-ko / -u-lye-ko	l-la-kko / -ul-la-kko
=lye=ko / =ulye=ko	=lla=kko / =ulla=kko
Стандартная форма отсутствует в тексте	(302) 고칠라꼬 ko-chil- la-kko <i>исправлять</i>
нет	>30
Замена композициональна. См. табл. «Атомарные формативы», строки 12, 8.	
[Jeong, с. 250].	

17. Замена «С. -마 / -으마 — К. -르꾸마 / -을꾸마»

Финитное модальное окончание со значением обещания.

-ma / -u-ma	l-kkwu-ma / -ul-kkwu-ma
=ma / =uma	=l=kkwu=ma / =ul=kkwu=ma
(349) 보마 po- ma <i>смотреть</i>	(1297) 줄꾸마 cwul- kku-ma <i>давать</i>
>10	>10
[Jeong, с. 120] — (으)꾸마 -(u)kkwu-ma.	

18. Замена «С. -며 / -으며 — К. -모 / -으모»

Соединительное деепричастие.

-mye / -u-mye	-mo / -u-mo
=mye / =umye	=mo / =umo
Стандартная форма отсутствует в тексте	(6) 거르모 ke-lu- mo <i>пропускать</i> (1309) 묶으모 mwukk- u-mo <i>связывать</i>
нет	>100
[Jeong, с. 267] — (으)매 -(u)may.	

19. Замена «С. -면/-으면 — К. -몬/-으몬, -믄/-으믄, -모/-으모»

Условное деепричастие.

-myen/-u-myen	-mon/-u-mon, -mun/-u-mun, -mo/-u-mo
=mye=n/=umye=n	=mo=n/=umo=n, =mu=n/=umu=n, =mo/=umo
(98) 타면 tha- myen <i>садиться</i> (1675) 했으면 hayss- u-myen <i>делать</i>	(1567) 이라몬 i-la- mon <i>такой</i> (3368) 생각하몬 sayng-kak-ha- mun <i>думать</i> (6174) 발견했으믄 pal-kyen-hayss- u-mun <i>обнаруживать</i> (487) 보모 po- mo <i>смотреть</i>
>10	>40
Первые два варианта композициональны: формативы =mo и =mu — регулярные партнеры стандартного форматива =mye. См. табл. «Атомарные формативы», строки 14, 15.	
Кёнсанский форматив -mo / -u-mo выступает то в функции условного деепричастия (станд. -myen / -u-myen), то в функции соединительного деепричастия (станд. -mye / -u-mye). Распределение диалектных вариантов не установлено.	
[Jeong, с. 274] — (으)며 -(u)me.	

20. Замена «С. -면서/-으면서 — К. -믄서/-으믄서, -몬서/-으몬서»

Деепричастие одновременности.

-myen-se / -u-myen-se	-mun-se / -u-mun-se, -mon-se/-u-mon-se
=mye=n=se/=umye=n=se	=mu=n=se / =umu=n=se, =mo=n=se/=umo=n=se
(2280) 지나가면서 ci-na-ka-myen-se <i>выходить</i>	(7197) 걸으르서 kel-u-mun-se <i>вешать</i> (3144) 하몬서 ha-mon-se <i>делать</i>
[2]	>20
Данная пара показывает композициональность. См. табл. «Атомарные формативы», строки 14, 15, 31.	
Распределение вариантов не установлено. [Jeong, с. 271] — (으)맨서 -(u)mayn-se.	

21. Замена «С. -니/-으니 — К. -이/-으이»

Деепричастие предпосылки.

-ni/-u-ni	-i/-u-i
=ni/=uni	=i/=ui
Стандартные формы отсутствуют в тексте	(8988) 모르이 mo-lu-i <i>не знает</i>
нет	>40
Падение n перед i в некоторых формативах можно рассматривать как обычную для кёнсанского диалекта сегментную девиацию. Ср. также замену 22. [Jeong, с. 522].	

22. Замена «С. -니까 /-으니까 — К. -이까/-으이까»

Деепричастие предпосылки.

-ni-kka / -u-ni-kka	-i-kka / -u-i-kka
=ni=kka / =uni=kka	=i=kka / =ui=kka
(7899) 없으니까 eps-u-ni-kka <i>отсутствовать</i>	(379) 보이까 po-i-kka <i>смотрит</i>
<20	<10
Данная пара показывает композициональность, см. табл. «Атомарные формативы», строки 18, 7.	
[Jeong, с. 523] — (으)이까 (u)i-kka, (으)이까내 (u)i-kka-nay.	

23. Замена «С. -나, -는가/-은가 — К. -나, -노 или -가, -고»

Вопросительные финитные окончания.

-na, -n-ka/-un-ka	-na, -no или -ka, -ko
Verb: =na, Adj, Copul: =n=ka/=un=ka	Verb, Adj: =na, =no Copul: =ka, =ko

(2835) 되나 toy- na <i>становиться</i> (2357) 아침인가 a-chim-i- n-ka <i>было</i> <i>утро</i>	(23) 아이가 ai- ka <i>не быть</i> (127) 부끄럽나 pwukkulep- na <i>смущенный</i> (400) 무섭노 mwusep- no <i>страшный</i> (2513) 있노 iss- no <i>иметься</i> (8542) 아이고 ai- ko <i>не быть</i>
Verb: =na — <60 Adj, Copul: =n=ka/=un=ka — <10	>110
[Jeong, с. 130]; [Ogura, с. 491]; [Ramsey, с. 333–335].	

Распределение альтернативных вариантов в кёнсанском диалекте, повторяющее распределение в средне-корейском языке, — семантико-синтаксическое:

	Verb, Adj	Copul
Общий вопрос	=na	=ka
Специальный вопрос	=no	=ko

Возникает проблема, как трактовать глагольные словоформы с окончанием =na: их можно считать и за стандартные, и за диалектные.

24. Замена «С. -ㄴ/-은 — К. -ㅇ/-음»

Окончание причастия прошедшего времени при глаголах и определительной формы прилагательного.

n/-un	ng/-ung
=n/=un	=ng/=ung
(10474) 작은 sak- un <i>маленький</i>	(508) 싶음 siph- ung <i>хотеть</i>
>200	>50
К. =ng/=ung чаще всего встречается перед служебным именем 기 ki <i>факт</i> . Сегментная девиация n→ng в позиции перед k происходит не только в служебных формативах, но и в корнях, ср. кёнс. 칭구 ching-kwu <i>друз</i> для станд. 친구 chin-kwu.	

25. Замена «С. -는지, -ㄴ지/-은지, -ㄴ지/-을지 — К. -는동, -ㄴ동/-은동, -ㄴ동/-을동»

Окончание придаточного вопросительного предложения при глаголах мыслительной деятельности.

-nun-ci, n-ci/-un-ci, l-ci/-ul-ci	-nun-tong, n-tong/-un-tong, l-tong/-ul-tong
=nun=ci, =n=ci/=un=ci, =l=ci/=ul=ci	=nun=tong, =n=tong/=un=tong, =l=tong/=ul=tong

(1079) 왔는지 wass- nun-ci <i>при-ходить</i>	(9730) 시작됐는동 si-cak-twayss- nun-tong <i>начинаться</i> (1785) 힘든동 him-tun- tong <i>трудный</i>
>20	>10
Замена композициональна. См. табл. «Атомарные формативы», строки 1, 10, 15, 19.	
Распределение вариантов: в настоящем времени при глаголах =nun=tong, при прилагательных n-tong/-un-tong; в будущем времени l-tong/-ul-tong.	
[Jeong, с. 131]; [Ramsey, с. 334].	

26. Замена «С. -는데, -는데 / -은데 — К. -능데, -오데 / -응데»

Деепричастие оформляет придаточное предложение, вводящее предварительные сведения.

-nun-tey, -n-tey / -un-tey	-nung-tey, -ng-tey / -ung-tey
=nun=tey, =n=tey / =un=tey	=nung=tey, =ng=tey / =ung=tey
(323) 읽았는데 ilk-ass- nun-tey <i>читать</i>	(545) 보는데 po- nung-tey <i>смотреть</i>
>70	>40
Данная пара показывает композициональность, см. табл. «Атомарные формативы», строки 15, 19 и 22.	
Распределение аллоформов в диалекте такое же, как в стандарте.	

27. Замена «С. -다 — К. -데이, -따»

Утвердительное окончание книжного стиля.

-ta	-tey-i, -tta
=ta	=teyi, =tta
(5944) 물었다 mwul- ass-ta <i>спрашивать</i>	(8294) 있데이 iss- tey-i <i>иметься</i> (297) 없따 em- tta <i>отсутствовать</i> (6840) 외롭데이 oy-lop- tey-i <i>одинокий</i>
>100	>230
К. =tta только после основ на согласную и суффикса прошедшего времени. К. =teyi — после любых основ и суффиксов, в том числе после глагольных основ в составе окончания =n=tey-i / nun=tey-i.	
[Ramsey, с. 334]; [Ogura, с. 513]; [Jeong] — 다이 ta-i (с. 169), 대 tay (с. 177), 데이 tay-i (с. 181).	

28. Замена «С. -더라 — К. -더 레이»

Эвиденциальное финитное утвердительное окончание книжного стиля.

-te-la	-te-lay-i
=te=la	=te=layi
(3423) 이바구하더라 i-pa-kwu-ha-te-la <i>разговаривать</i>	(2695) 화났더레이 hwa-nass-te-lay-i <i>злиться</i>
<10	[1]
Замена композициональна. См. табл. «Атомарные формативы», строки 11, 21.	
[Jeong, с. 205] — 드라tu-la.	

29. Замена «С. -십시오 / -으십시오 — К. -이소»

Повелительное финитное окончание вежливого стиля.

-sip-si-o/-u-sip-si-o	-i-so
=si=p=si=o/=usi=p=si=o	=i=so
Стандартная форма отсутствует в тексте	(3469) 용서하이소 yong-se-ha-i-so <i>простить</i> (3471) 행복하이소 hayng-pok-ha-i-so <i>счастливы</i>
нет	<10
[Ogura, с. 580]; [Ramsey, с. 334]; [Jeong, с. 528].	

30. Замена «С. -바니까/-습니까 — К. -녕교//-는교//-능교, -(으)ㄴ교//-(으)ㅇ교»

Вопросительное финитное окончание формально-вежливого стиля.

p-ni-kka /-sup-ni-kka	-ning-kyo// -nun-kyo// -nung-kyo, n-kyo/-un-kyo // ng-kyo/-ung-kyo
=p=ni=kka / =sup=ni=kka	=ning=kyo// =nun=kyo// =nung=kyo, =n=kyo/=un=kyo // =ng=kyo / =ung=kyo
Стандартная форма отсутствует в тексте	(4504) 안녕하신교 an-nyeng-ha-sin-kyo <i>Здравствуйте!</i>
нет	>70
В «Принце» варианты n-kyo/-un-kyo // ng-kyo/-ung-kyo отмечены в основном при связках (>30) и в составе окончаний <i>잠은교</i> -canh-un-kyo [6], <i>잠응교</i> -canh-ung-kyo [2].	
В текстовых иллюстрациях [Ramsey, с. 334] приведена форма [kanikʰə] со стандартным эквивалентом ka=si=p=ni=kka. Цепочка ni=kke в функции вопросительного окончания вежливого стиля в изучаемом тексте не встретилась.	
[Jeong, с. 131, 165] — 니기요 n-ki-yo, 닌기요 nin-ki-yo.	

31. Замена «С. -니 니다 / -습니다 — К. -심더, -니더»

Утвердительное финитное окончание формально-вежливого стиля.

p-ni-ta / -sup-ni-ta	-sim-te, -ni-te
=p=ni=ta / =sup=ni=ta	=sim=te, =ni=te
Стандартная форма отсутствует в тексте	(4331) 없심더 eps- sim-te не быть (2363) 좋아하니더 coh-a-ha- ni-te нравиться
нет	>10
Окончание =sim=te встретилось только после основ на согласную. Четкое распределение между =sim=te, =ni=te для текста «Принца» не обнаружено.	
[Ogura, с. 529]; [Ramsey, с. 334]. [Jeong, с. 163] — Verb: 니더 ni-te, Adj: (으)니더 (u)ni-te.	

32. Замена «С. -요 — К. -예»

Частица вежливости.

-yo	-yeu
=yo	=yeu
(6229) 꼬매하고요 cco-may-ha-ko- yo <i>маленький</i> (4223) 장관요 cang-kwan- yo <i>министр</i>	(4325) 알아예 al-a- yeu <i>знать</i> (3165) 아름답네예 a-lum-tap-neu- yeu <i>красивый</i>
>10	>70
[Ogura, с. 568].	

Заключение

Оказалось, что композиционных показателей в тексте значительно больше, чем некомпозиционных. А именно: композиционных — 14 (замены 1, 2, 8, 9, 10, 12, 15, 16, 19, 20, 22, 25, 26, 28); композиционных тривиальным образом — показатели-партнеры состоят из одного формата — 12 (замены 3, 4, 5, 7, 11, 13, 18, 21, 23, 24, 27, 32); не композиционных — 6 (замены 6, 14, 17, 29, 30, 31).

Важно, что и среди композиционных показателей не все могут быть представлены как то или иное сегментное соответствие своего сеульского аналога. Это говорит о том, что в кёнсанском диалекте арсенал показателей претерпел существенную деформацию, и его нельзя трактовать как простое этимологическое соответствие арсенала показателей сеульского.

Большая часть изученных замен — это девиации, т. е. специфические кёнсанские формы сосуществуют с сеульскими. Около 30%

замен оказались тотальными; что может быть свидетельством того, что, хотя некоторые показатели составляют специфическую норму для кёнсанского, в целом кёнсанский диалект представляет собой диалект смешанного типа (так называемый «гибридный» диалект), в котором диалектные формы оказались частично вытеснены литературными, а частично сосуществуют с ними.

Обычно в таких смешанных идиомах количественное распределение диалектных и литературных форм разнится от стиля к стилю, от сферы употребления и т. д. Изученный текст в этом смысле монолитен, так как принадлежит к одному и тому же стилю и написан одним лицом.

Образцы разбора

Ниже приведены три предложения из первой главы кёнсанского текста «Маленького принца». Разбор текста дан в таблицах. В первой строке — корейский текст в графике так, как соответствующая форма записана в кёнсанском оригинале. Во второй строке — морфологическая запись, т. е. словарная основа отделена в явном виде от цепочки сопровождающих ее служебных формативов, разделенных символом =. Помещенная в таблицы морфологическая запись создана автором настоящей работы. В третьей строке — грамматическая интерпретация формы. Для словоформ, специфических для кёнсанского диалекта, приводится форма, ожидаемая для стандарта (она набрана курсивом). В последней строке указаны русские переводные эквиваленты для кёнсанских лексических основ. Под табличкой могут быть комментарии, формулируемые в свободной форме.

1.	그림	자랑이	너무	하고	싶아가	으른들자데
2.	kulim	calang=i	nemwu	ha=ko	siph=a=ka ¹	ulun=tul=cath=ey ²
					<i>siph=e=se</i>	<i>elun=tul=hanth=ey</i>
3.	N=∅	N=Nom	N	P=&	P=Ger	N=Pl Dat
4.	картина	хвастовство	очень	делать	хотеть	взрослый
¹ Нарушен сингармонизм. ² Сегментная девиация: u↔e: C. elun — K. ulun						

1.	비주교	안	무섭닝교라고	물으니까	모자가
2.	pi=e+cwu=ko ¹	an	mwusep=ning=kyo+la=ko	mwul=uni=kka	moca=ka
			<i>mwusep=sup=ni=kka+la=ko</i>		
3.	P=Inf + P=&	N	P=Fin pcl	P=Ger	N=Nom
4.	показывать	не	страшный	спрашивать	шляпа
¹ Отклонение в обработке швов mрhpi=e Inf — graf. pi в конструкции бенифактива					

1.	머가	무섭노	가능기라.
2.	me=ka	mwusep=no	kha=nung+ki+(∅)=la
	<i>mwe=ka¹</i>	<i>mwusew=unya</i>	<i>ko ha=nun+ke+(∅)=ta</i>
3.	N=Nom	P=Quest.Fin	P=Part.Prae + N=∅ + Copul=Fin
4.	что	страшный	говорить
¹ me — результат сегментной девиации «удаление w»			
Я очень хотел похвастаться картинкой и показал ее взрослым. — Разве шляпа страшная? — спросили у меня.			

1.	나는	모자	기린	계	아이고	코끼리
2.	na=nun	moca	kili=n	key	a.i=ko	kho#kkili
			<i>kuli=n</i>		<i>an.i=ko</i>	
3.	N=Top	N=∅	P=Part.Past	N=Nom	Neg Copul=&	N=∅
4.	я	шляпа	рисовать	факт	не быть	слон

1.	묵아가	소화시킬라꼬	누바
2.	mwuk=a=ka	sohwa#sikhi=l=la=kko	nwup=a
	<i>mwuk=e=se</i>	<i>sohwa#sikhi=lye=ko</i>	<i>nwuw=e</i>
3.	P=Ger	P=Ger	P=Inf
4.	съесть	переваривать	лежать

1.	있는	뱀	기린긴데.
2.	iss=nun	paym	kili=n+ki+(∅)=n=tey
			<i>kuli=n+ke+(∅)=n=tey</i>
3.	P=Past.Prae	N=∅	P=Part.Past + N=∅ + Copul=Fin
4.	иметься	змея	рисовать
А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона.			

1.	안되겠다	싫아가	다시	기러뿌짜나.
2.	antoy=keyss=ta	siph=a=ka	tasi	kili=e+ppwu=ss=ccana
		<i>siph=e=se</i>		<i>kuli=e+pw=ass=c.an.h=a</i>
3.	Neg P=FutFin	P=Ger	N=∅	P=Past Fin
4.	не становится	хотеть	снова	рисовать
Я думал, что они не поймут, поэтому нарисовал снова.				

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булаев Д.Н. Грамматическое описание кёнсанского диалекта корейского языка на материале перевода произведения «Маленький принц»: ВКР студента 4 курса, бакалавриат, направление 45.03.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика». М.: РГГУ, 2023.
2. Мазур Ю.Н. Заметки по корейской диалектологии // Корейский язык: Сб. статей. М.: ИВЛ, 1961. С. 202–238.
3. Поливанова А.К. Старославянский язык: Грамматика. Словари. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013.
4. King Ross. Dialectal Variation in Korean. // Sohn, Ho-min (eds), Korean Language in Culture and Society. KLEAR Textbooks in Korean Language. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006.
5. Lee Iksop, Ramsey S.R. The Korean Language. NY: SUNY press, 2000.
6. Martin S.E. A Reference Grammar of Korean: A Complete Guide to the Grammar and History of the Korean Language. Tokyo: Charles E. Tuttle Publishing Company, 1992.
7. Yeon Jaehoon. Korean dialects: a general survey. // Tranter, Nicholas (ed.) The Languages of Japan and Korea. Abingdon and New York: Routledge. 2012. 168–185 p.
8. Чон Сокхо. Кёнбук тоннамбу панён саджон — Ёнчхон, Кёнджу, Пхохан-ыль чунсим-ыро [Диалектный словарь юго-восточной части провинции Кёнсан-Пукто — на основе диалектов г. Йончхон, г. Кёнджу, г. Пхохан]. Сеул: Кыллурим, 2007.
9. Чхве Хёнэ. Эрин ванджа. Кёнсандо сатхури какэк [Маленький принц. Переложение на кёнсанский диалект]. Пхохан: Ипхап, 2021.
10. Огура Симпэй. Чосон-о панён саджон [Словарь диалектов Кореи]. Переиздание под ред. Ли Сангю, Ли Сунхён. Сеул: История культуры Кореи, 2009.

REFERENCES

1. Bulaev D.N. Grammatical description of kyonsansong dialect of Korean language on the material of translation of the work «The Little Prince»: VKR student of 4th course, Bachelor's program, direction 45.03.03 «Fundamental and Applied Linguistics». M.: RSUH, 2023. (Bulaev D.N. The Grammar of Kyongsang adaptation of «The Little Prince» by A. de Saint-Exupery: bachelor's thesis in Fundamental and Applied Linguistics. M.: RSUH, 2023.)
2. Mazur Y.N. Notes on Korean Dialectology // The Korean Language. M.: Oriental Literature, 1961. P. 202–238. (Mazur Y.N. Notes on Korean Dialectology // The Korean Language. M.: Oriental Literature, 1961. P. 202–238.)
3. Polivanova A.K. Old Church Slavonic. Grammar and Dictionaries. Moscow: Dmitrii Pozharskii University, 2013. (Polivanova A.K. Old Church Slavonic. Grammar and Dictionaries. Moscow: Dmitrii Pozharskii University, 2013)
4. King Ross. Dialectal Variation in Korean // Sohn, Ho-min (eds), Korean Language in Culture and Society. KLEAR Textbooks in Korean Language. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006.
5. Lee Iksop, Ramsey S.R. The Korean Language. NY: SUNY press, 2000.
6. Martin S.E. A Reference Grammar of Korean: A Complete Guide to the Grammar and History of the Korean Language. Tokyo: Charles E. Tuttle Publishing Company, 1992.
7. Yeon Jaehoon. Korean dialects: a general survey // Tranter, Nicholas (ed.) The Languages of Japan and Korea. Abingdon and New York: Routledge. 2012. 168–185 p.

8. *Chōng Sōk-Ho*. Kyōng-buk tong-nambu pangōn sajōn — Yōngch'ōn, Kyōngju, P'ohang-ul chungsim-ūro (The Dictionary of Dialects of South-eastern Part of North Kyōngsang Province — on the Base of Dialects of cities of Yōngch'ōn, Kyōngju, P'ohang). Seoul: Küllurim, 2007.
9. *Ch'oe Hyōn-Ae*. Aerin wangja. Kyōngsangdo sat'uri kaksae (The Little Prince. Translated into Kyōngsang dialect). P'ohang: Ip'ap, 2021.
10. *Ogura Shinpei*. Chosōn-ō pangōn sajōn (The Dictionary of Korean Dialects). Revised edition, eds. Lee Sang-Kyu, Lee Sun-Hyōng. Seoul: Hanguk Munhwasa, 2009.

Статья поступила в редакцию 21.07.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 26.10.2023.

The article was submitted 21.07.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 26.10.2023.

ОБ АВТОРЕ

Бречалова Евгения Владимировна — к.фил.н., доцент кафедры восточных языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; evbrechalova@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Brechalova — PhD. in Linguistics, lecturer at the Dept. of Oriental Languages of Institute of Linguistics of Russian State University for the Humanities; evbrechalova@gmail.com

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-7

ГЛАГОЛ *КУРЭРУ* КАК ПРИМЕР ЭНАНТИОСЕМИИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ. АНАЛИЗ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСА ИНФОРМАНТОВ

Н. Крнета, Н.Г. Румак

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; krneta@iaas.msu.ru, rumakng@iaas.msu.ru

Аннотация: В русле исследований, посвященных явлению энантиосемии в разных языках мира, в статье рассматривается внутренняя антонимия глагола *курэру* «давать» на примерах из литературы (в том числе из корпусов японского языка). Это первое исследование в отечественной японистике, рассматривающее семантику лексической единицы японского языка с точки зрения понятия энантиосемии. На основании анализа употребления глагола в качестве вспомогательного выдвигается гипотеза о семантическом переходе, который приводит к одновременному существованию у данного глагола benefактивного и malefактивного значений, а также разнонаправленных векторов осуществления действия, на которое указывает этот глагол («снаружи внутрь» и «изнутри наружу» или «от 2-го (3-го) лица к 1-му» и «от 1-го лица ко 2-му (3-му)»). Приведены результаты опроса информантов (57 человек в возрасте от 18 до 45 лет и старше), подтверждающие существование антонимичных значений и разнонаправленных векторов осуществления действий в зависимости от семантики смыслового глагола и контекста, в том числе грамматического.

Ключевые слова: вспомогательный глагол *курэру*, benefактивное значение, корпусные данные, malefактивное значение, энантиосемия, японский язык

Для цитирования: Крнета Н., Румак Н.Г. Глагол *курэру* как пример энантиосемии в японском языке. Анализ корпусных данных и результатов опроса информантов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 3. С. 109–130. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-7.

***KURERU* VERB AS AN EXAMPLE OF ENANTIOSEMY IN JAPANESE LANGUAGE. ANALYSIS OF CORPUS DATA AND RESULTS OF INFORMANT SURVEY**

Natalia Krneta, Natalia G. Rumak

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; krneta@iaas.msu.ru, rumakng@iaas.msu.ru

Abstract: Joining research of the phenomenon of enantiosemymy (auto-antonymy) in different languages of the world, the article deals with examples from fictional literature (including those found in Japanese language corpus), where one can observe auto-antonymy in the meaning of the verb *kureru* “give”. This is the first work exploring semantics of a Japanese lexeme from the point of view of enantiosemymy. Based on analysis of usage of this verb as auxiliary we suggest there is a semantic shift, which leads to simultaneously existing benefactive and malefactive meaning, and also differently directed vectors of the act described by the verb (either “from within to outside” vs “inside from the outside” or “from the second or third person to the first person” vs “from the first person to the second or third person”). Results of the informant survey (60 people, aged from 18 to 45 and older) confirm existence of antonymous meanings and differently directed vectors of the act, depending on the semantics of the main verb and context, including grammatical context.

Key words: auxiliary verb *kureru*, benefactive meaning, corpus data, Japanese language, malefactive meaning, enantiosemymy

For citation: Krneta N., Rumak N.G. *Kureru* verb as an example of enantiosemymy in Japanese language. Analysis of corpus data and results of informant survey. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2023, Vol. 67, No. 3, pp. 109–130. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-7 (In Russ.)

Введение

Считается, что термин «энантиосемия» впервые ввел В.И. Шерцль в 1883 г. в работе «О словах с противоположным значением (или о так называемой энантиосемии)», указав на «явление, где одно и то же слово вмещает в себя два прямо противоположных друг другу значения»¹.

У. В. Хохлова в своей обзорной работе² в качестве основной причины возникновения энантиосемии указывает на «неопределенное содержание древних корней», (на сочетание антонимичных значений в одной лексеме в древнеяпонском языке указывает и Н.А. Сыромятников³). Считается, что эта неопределенность приводит к расхождению значений при параллельном развитии этимологически родственных слов (становясь источником синхронной межъязыковой энантиосемии), к развитию нейтрального значения слова и его распаду на два (становясь источником диахронической внутри- и межъ-

¹ Шерцль В.И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // Философские записки. 1883. № 5. С. 1.

² Хохлова У.В. Явление энантиосемии как актуальная проблема современной лингвистики. Социокультурная среда и ее развитие в условиях глобализации современного общества: Материалы V Международных социально-педагогических чтений им. Б.И. Лившица. 2013. С. 99–107.

³ Сыромятников Н.А. Древнеяпонский язык. М.: Восточная литература, 2002. С. 72.

языковой энантиосемии), к появлению противоположных значений из единого нейтрального значения.

А. Шмелёв обобщенно называет упомянутые изменения семантическими сдвигами или семантическими переходами. При таких переходах «значение лингвистической единицы идет по двум различным путям, в результате чего формируются два противоположных значения». Он также считает энантиосемию универсальным языковым процессом, утверждая, что по крайней мере частично этот феномен должен иметь «регулярные источники и межъязыковые параллели»⁴.

В данной работе мы рассмотрим подробнее значения глагола *курэру* «давать», который прежде исследовали как пример окказиональной энантиосемии в иронических высказываниях. Словарь Дэджитару Дайдзисэн⁵ дает для этой лексемы две пары противоположных значений: 1) совершение действия в интересах говорящего vs совершение действия говорящим в пользу третьего лица; 2) совершение благоприятного действия vs совершение действия, наносящего ущерб.

Бенефактивным функциям глагола *курэру* посвящено немало работ, например, они упоминаются в грамматиках И.В. Головнина⁶ и В.М. Алпатова, П.М. Аркадьева, В.И. Подлесской⁷, рассматриваются в статьях Ю. Ямамото⁸ и др. Я. Обана⁹ изучает семантику *курэру*, подвергая сомнению наличие у него имплицитного значения бенефактивности.

В настоящей статье мы рассматриваем конструкции с глаголом *курэру* «давать» в качестве вспомогательного, предполагая наличие семантического перехода, который и привел к появлению внутренней

⁴ *Shmelev A.* Semantic shifts as sources of enantiosemy. In Paivi Juvonen, Maria Koptjevskaya-Tamm (eds.), *The Lexical Typology of Semantic Shifts*, 2016. Walter de Gruyter GmbH & Co KG. 67–93.

⁵ *Dejitaru Daijisen.* URL: <https://dictionary.goo.ne.jp/word/%E3%81%8F%E3%82%8C%E3%82%8B/> (дата доступа: 07.07.2023).

⁶ *Головнин И.В.* Грамматика современного японского языка. М.: Издательство МГУ, 1986. 315 с.

⁷ *Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И.* Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1. Киров: Наталис, 2008. 560 с.

⁸ *Yamamoto Yu.* -Te kureru-no kino:-ni tsuite. *Taijin cho:setsuteki-na kino:-ni chu:moku shite.* Gengo to bunka. Nagoya University Department of International Language and Cultural Studies, 2002, 3, pp. 127–144.

⁹ *Obana Ya.* Jujuhyo:gen ‘kureru’ o tsukatta hiniku/hihan hyo:gen ni suite: ‘kureru’ no onkeisei o saiko: suru [Ироничные/критические выражения с использованием бенефактивного выражения «курэру»: о пересмотре положительного значения «курэру»]. Gengo to bunka. Kwansai Gakuin University kiyo:-ronbun, 2017, 20, 1–15.

антонимии в его значении. Для этого анализируются примеры из художественной литературы, а также результаты опроса информантов.

Внутренняя антонимия в значении глагола *курэру*

Бенефактивный глагол *курэру* «делать что-либо в интересах первого лица» в иронических высказываниях приобретает противоположное значение «делать что-либо плохое для первого лица», т. е. образует малефактивные конструкции, например:

*Ёку мо ватаси-но као-ни доро-о нуттэ курэта на*¹⁰ «Как ты мог запятнать моё имя!» (букв. «здорово ты мне лицо грязью измазал», перевод наш).

Однако в некоторых случаях ирония в высказываниях отсутствует, при этом действие второго или третьего лица явно неблагоприятно для первого, что видно, в том числе, из употребления формы отрицательного повелительного наклонения, а в отдельных примерах — также из отрицательных коннотаций в значении смыслового глагола:

*Амари фудзакэтэ курэру на ё, Ацубуса*¹¹ «Ты изрядно повеселил меня, Ацубуса (букв. Хватит шутить, Ацубуса)»¹².

О возникновении малефактивного значения у конструкций со вспомогательным глаголом *курэру* в зависимости от контекста пишет и Ю. Ямамото¹³.

При этом практически любой из приведенных выше примеров, в зависимости от контекста, можно представить и в прямом значении бенефактивности (пример сконструирован авторами):

(Ара, коно хито-га хадзимэтэ) фудзакэтэ курэта (ё). «(Ах, он впервые) пошутил (и мы рады).

Встречаются и конструкции, не содержащие явной положительной или отрицательной оценки действия второго или третьего лица:

Корэ идзё: фурэтэ курэру на «больше не касайся (этого вопроса)»¹⁴ (перевод наш).

¹⁰ Makoto S., Nagakawa N. Kanojo to kanojo no neko [Она и её кот], Tokyo: Kanzen. 2017. P. 204.

¹¹ Abe T. Karasu wa aruji o erabanai [Ворон хозяина не выбирает]. Tokyo: Bungeishunju, 2013. P. 102.

¹² Абэ Т. Ворон хозяина не выбирает. М.: АСТ, 2022. С. 103.

¹³ Yamamoto Yu. -Te kureru-no kino:-ni tsuite. Taijin cho:setsuteki-na kino:-ni chu:moku shite [О функциях «-тэ курэру». Акцентируя внимание на функциях регулирования межличностных отношений]. Gengo to bunka. Nagoya University Department of International Language and Cultural Studies, 2002. 3, 127–144.

¹⁴ Abe T. Ku:kan no karasu [Ворон из пустого гроба]. Tokyo: Bungeishunju, 2016. P. 245.

Ю. Ямамото рассматривает подобные примеры как попытку «снизить психологический груз» собеседника¹⁵.

Примечательно также употребление глагола *курэру* в форме 5-й основы *курэё*: В «Словаре грамматических конструкций японского языка» указывается, что эта форма употребляется для обозначения намерения говорящего (т. е. 1-го лица) выполнить какие-то действия либо для приглашения слушающего принять участие в этих действиях вместе с говорящим¹⁶.

О-маэ-га хонки-дэ оситэ курэё:-то сита но ва вакатта кара...¹⁷
«Мы знаем, что ты очень старался»¹⁸.

При изучении конструкции с глаголом *курэру* в неблагоприятном либо нейтральном для говорящего значении на материале нескольких художественных произведений, а также данных корпусов Сёнагон¹⁹ и Тюнагон²⁰ мы пришли к выводу, что она чаще встречается либо в текстах начала — середины XX в., либо в текстах, стилизованных под старину (см., например, приведенные выше примеры из фэнтези-цикла «Ятагарасу», где действие происходит в вымышленной стране, напоминающей средневековую Японию). Мы предполагаем, что малефактивное или нейтральное значения в современном японском языке воспринимаются как устаревшие, постепенно сдвигаясь на периферию употребления в речи.

Бенефактивность и векторность в значении *курэру*

В отечественной и зарубежной лингвистике глагол *курэру*, как правило, рассматривается как участник «бенефактивных конструкций» — т. е. тех, которые обозначают «действие в интересах некоторого лица»²¹. При этом также обязательно указывается направление действия. В российской лингвистике для этого традиционно употре-

¹⁵ *Yamamoto Yu.* -Te kureru-no kino:-ni tsuite. Taijin cho:setsuteki-na kino:-ni chu:moku shite [О функциях «-тэ курэру». Акцентируя внимание на функциях регулирования межличностных отношений]. *Gengo to bunka. Nagoya University Department of International Language and Cultural Studies*, 2002. 3, 127–144. P. 137.

¹⁶ *Sunagawa Yu., Komada S., Shimoda M., Suzuki M., Tsutsui S., Hasunuma A., Bekesh A. Morimoto J.* Kyooshi to gakushuu-sha no tame no Nihongo bunkei jiten [Словарь грамматических моделей японского языка для преподавателей и студентов]. Tokyo: Kuroshio-Shuppan, 2004 (2nd ed.). P. 609.

¹⁷ *Abe T.* Ku:kan no karasu [Ворон из пустого гроба]. Tokyo: Bungeishunju, 2016. P. 63.

¹⁸ *Абэ Т.* Ворон из пустого гроба. Москва: АСТ, 2023, 352 с. С. 65.

¹⁹ <https://shonagon.ninjal.ac.jp/> (дата обращения: 18.09.2022).

²⁰ <https://chunagon.ninjal.ac.jp/> (дата обращения: 18.09.2022).

²¹ *Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И.* Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1. Киров: Наталис, 2008. С. 336.

бляются обозначения лиц: от 2-го/3-го к 1-му лицу, в японской — движение от «чужого» к «своему». Кроме этого, присутствует указание на разницу в статусе говорящего и деятеля.

В.М. Алпатов указывает, что глагол *курэру* среди прочих бенефактивных глаголов выделяет следующее сочетание признаков (точка зрения, «свой» vs «чужой», «высший» vs «равный» vs «низший»): «тот, кого говорящий считает не выше себя или «своего» в иерархии, дает нечто говорящему или тому, кто «свой» для говорящего»²². Указывается также, что собственно бенефактивная функция сводится к тому, чтобы информировать об иерархическом соотношении участников ситуации и локуторов по признакам «свой vs чужой» и «высший vs равный vs низший»²³.

Я. Обана предполагает, что в лексеме *курэру* изначально не содержится значения бенефактивности, а есть лишь вектор направленности действия, присущий этому глаголу с древности, причем не «от чужого к своему», а «от высшего к низшему», что и позволяет менять значение на противоположное, всё же остальное — *хандан*²⁴, т. е. оценка говорящего (ср. «точка зрения» у В.М. Алпатова).

Можно предположить, что любое действие «вышестоящего лица», направленное «вниз», по своей природе представляется «благодеянием», даже если фактически неблагоприятно для реципиента. Следовательно, сохранение у *курэру* значения «от высшего к низшему» при обозначении действий первого лица является для носителя японской культуры непривычной, ненормальной ситуацией и воспринимается (*хандан*) как нарушение естественного порядка вещей, т. е. приобретает негативное значение. Я. Обана в своей работе приводит следующий пример употребления глагола *курэру*, относящийся к действиям 1-го лица²⁵ (перевод наш):

Сонна таномигото котоваттэ курэру ва. «Такую просьбу я выполнить (для вас) отказываюсь».

Ю. Ямамото утверждает, что в подобных конструкциях сохраняется значение малефактивности, и что подобные примеры не только ясно указывают направленность действия, но также и демонстри-

²² Там же. С. 337.

²³ Там же. С. 341.

²⁴ *Obana Ya.* Jujūhyo:gen 'kureru' o tsukatta hiniku/hihan hyo:gen ni suite: 'kureru' no onkeisei o saiko: suru [Ироничные/критические выражения с использованием бенефактивного выражения «курэру»: о пересмотре положительного значения «курэру»]. *Gengo to bunka. Kwansai Gakuin University kiyō:ronbun*, 2017, 20, 1–15.

²⁵ Там же. С. 12.

руют противодействие говорящего, некий вызов по отношению к собеседнику²⁶ (перевод наш):

Омаэ-о гяфун-то ивасэтэ курэру. «Заставлю тебя прикусить язык».

Мы, однако, полагаем, что подобные расхождения как раз и являются проявлением внутренней антонимии глагола *курэру*, и «оценка» или «суждение», или «точка зрения» — часть прагматического значения лексической единицы. Даже если в древности (*кодай* у Ю. Ямамото) глагол *курэру* и указывал лишь на вектор совершения действия (от «высшего к низшему»), низкая частотность употребления его в этом значении в современном языке позволяет предположить деривацию значения к вектору «чужой — свой» и усиление положительной оценки действий, описываемых этим глаголом (в т. ч. в качестве вспомогательного). Возможно, в будущем значение бенефактивности окончательно утвердится в семантическом ядре лексемы *курэру*, и существующее уже сейчас на периферии значение «делать что-либо плохое» окончательно устареет и выйдет из употребления.

Проведенное исследование и полученные результаты

Для выяснения восприятия значений вспомогательного глагола *курэру* носителями языка, был проведен опрос информантов. Опрос в форме анкеты «*Курэру*»-но *цукаиката-ни цуйтэ* (Об использовании «*курэру*») был проведен на платформе docs.google.com в мае 2023 г. В опросе участвовало 57 носителей языка. Учитывая относительно небольшое число опрошенных, общие ответы, доля которых в общем числе составляет менее 2% (т. е. один ответивший), будут рассматриваться как индивидуальная речевая особенность. Тем не менее, в тех случаях, когда информант давал особый развернутый ответ, который является явным отклонением, данный ответ был проанализирован с точки зрения существующих теорий, касающихся функционирования и значения глагола *курэру*.

Все опрошенные были разделены на три возрастные категории: 17–23 лет (35 человек), 24–44 года (14 человек) и старше 45 лет (8 человек). Среди опрошенных 29 мужчин и 31 женщина. Большинство опрошенных являются учащимися старшей школы и университета (37 человек). Меньшее число преподавателей (11 человек), а также

²⁶ Yamamoto Yu. -Te kureru-no kino:-ni tsuite. Taijin cho:setsuteki-na kino:-ni chu:moku shite [О функциях «-тэ курэру». Акцентируя внимание на функциях регулирования межличностных отношений]. Gengo to bunka. Nagoya University Department of International Language and Cultural Studies, 2002. 3, 127–144. С. 136.

служащих и индивидуальных предпринимателей (7 человек). Незначительно число неработающих (2 человека).

Информантам предлагались для оценки конструкции глагола *курэру* с тринадцатью глаголами. Примеры были разбиты на три группы. В первой группе оцениваемый пример имеет форму «основной глагол в деепричастной форме на *-тэ* + *курэру* (как вспомогательный глагол)» (без контекста), во второй группе глагол *курэру* стоит в минимальном контексте (предложение либо синтаксема, примеры сконструированы авторами статьи), а третья группа содержит примеры, обнаруженные в корпусах, статьях или в литературе (предложения). Число примеров по группам отличается, т.к. в случае некоторых глаголов даны несколько примеров-предложений на один глагол, для рассмотрения восприятия конструкций с глаголом *курэру* и одним и тем же глаголом в контекстах с выражено «положительным» или «негативным» характером. Информантов просили определить «вектор» действия (направлено ли действие от 1-го к 3-му лицу, т.е. «изнутри наружу», или наоборот) и дать оценку действию (т.е. определить бенефактивность, малефактивность или нейтральность конструкции). Также предлагались ответы «возможно и то, и другое» (т.е. допускающая возможность изменения вектора направленности действия), «затрудняюсь ответить» и «конструкция звучит неестественно/такое употребление невозможно». Ответы представлены в виде гистограмм.

Ответы

Первая группа примеров приведена в Таблице 1.

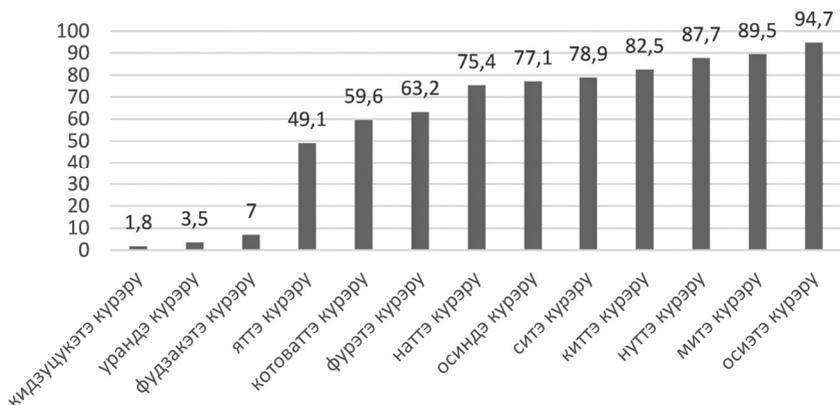
Таблица 1

глагол в деепричастной форме на <i>-тэ</i> + <i>курэру</i>	перевод
нуттэ курэру	<i>нуру</i> — намазать
ситэ курэру	<i>суру</i> — сделать
яттэ курэру	<i>яру</i> — сделать
фудзакэтэ курэру	<i>фудзакэру</i> — шутить, балагурить; баловаться
киттэ курэру	<i>киру</i> — отрезать
кидзуцукэтэ курэру	<i>кидзуцукэру</i> — ранить; повредить; нанести ущерб
урандэ курэру	<i>ураму</i> — возненавидеть
митэ курэру	<i>миру</i> — посмотреть
осиндэ курэру	осиму — жалеть
фурэтэ курэру	<i>фурэру</i> — коснуться

глагол в деепричастной форме на <i>-тэ + курэру</i>	перевод
осиэтэ курэру	<i>осиэру</i> — объяснить
наттэ курэру	<i>нару</i> — статья
котоваттэ курэру	<i>котовару</i> — оказаться

Гистограмма 1

третье лицо совершает нечто хорошее по отношению к говорящему

Гистограмма 2

третье лицо совершает нечто нехорошее по отношению к говорящему

На основе гистограмм можно утверждать, что минимальным контекстом для оценки конструкции является семантика основного глагола и вероятность его употребления в бенефактивных конструкциях: очевидно, информантам легче представить положительную коннотацию по отношению к конструкции *осиэтэ курэру* «объяснить (мне, для меня)» (94,7% ответивших), чем *урандэ курэру* «возненавидеть (для меня, меня)» (3,5%). В сочетании глагола, означающего отрицательные (возненавидеть, ранить) или неоднозначные с точки зрения японского менталитета и культуры (балагурить, отказать) эмоции и действия с глаголом *курэру* у последнего превалирует его значение направления действия от третьего лица к первому, а вся конструкция передает значение малефактивности.

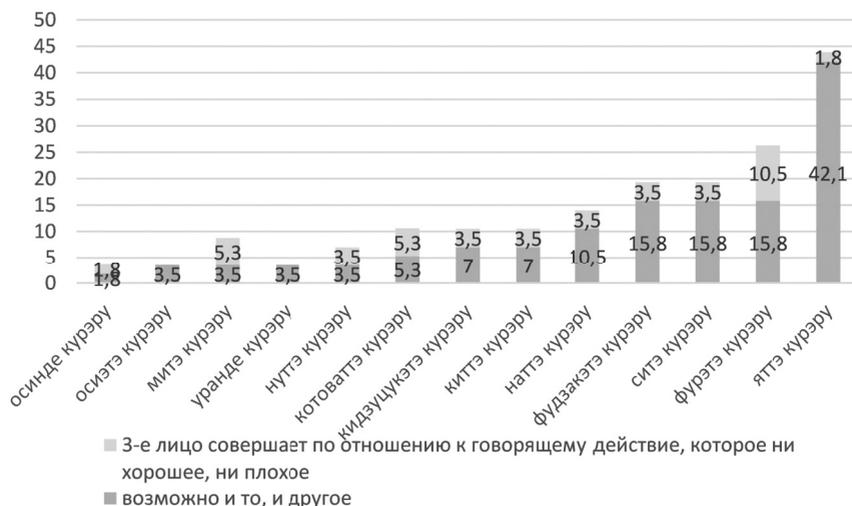
Гистограмма 3

Восприятие глагола *курэру* как имеющего преимущественно бенефактивное значение затрудняет для современных японцев его использование с глаголами с «негативным» значением, что подтверждается количеством информантов, отметивших «неестественность» подобных сочетаний или затрудняющихся ответить на вопрос. Вызывали трудности при определении оттенка значения (бенефактивности или малефактивности) или воспринимались как неестественные также конструкции с глаголами, чье значение не имеет выраженного положительного или отрицательного характера (напр., намазать, делать (*яру*), коснуться, стать). Особое внимание привлекает конструкция с глаголом *осиму* «жалеть», которая боль-

шинством опрошенных воспринимается как бенефактивная, но тем не менее вызывает трудности у почти 20% информантов. Это может быть связано с многозначностью основного глагола, что затрудняет однозначную оценку конструкции *осиндэ курэру* вне контекста.

Гистограмма 4

Большинство глаголов, которые в сочетании с глаголом *курэру*, по мнению информантов, могут иметь как бенефактивное, так и малефактивное значение в зависимости от контекста, не означают «положительное» или «негативное» действие. Исключением является *фүдзакэру*, но его неоднозначное восприятие может объясняться его многозначностью. Небольшое число информантов отметило данные конструкции как «нейтральные» (ни положительные, ни негативные). Среди этих ответивших 81% моложе 34 лет, что свидетельствует о восприятии глагола *курэру* среди определенной части молодежи как преимущественно определяющего направленность, а не характер действия.

7 информантов обозначили вектор направленности действия от 1-го лица к 3-му лицу. Шестеро из них — девушки-учащиеся в возрасте 18–23 лет, один — мужчина — студент, в возрастной группе 24–44 года. Вектор действия не был связан с оценкой, т. е. действия оценивались как бенефактивные, так и малефактивные, и нейтральные, в зависимости от семантики основного глагола. Хотя ответы с вектором действия, обратным по сравнению с общепринятым, и являются немногочисленными, их не следует игнорировать, учитывая, что они являются явным отклонением и встречаются в группе

информантов, большинство из которых имеют общие признаки пола и возраста. Предварительно такое явление можно трактовать как особенность молодежного женского языка, но для более точного анализа требуются дальнейшие исследования с большим числом информантов всех возрастных групп.

В следующей группе примеров (Таблица 2) контекст использования тех же выражений с *курэру* расширен. Примеры сконструированы авторами статьи.

Таблица 2

№	Пример	Перевод
1	<i>Коно кури:му, нуттэ курэру?</i>	«Не намажешь этот крем?»
2	<i>Кино: ситэ курэти сигото ва до: датта?</i>	«Как работа, которую вчера сделал?»
3	<i>Ёку яттэ курэти. Аригато:.</i>	«Отлично поработал. Спасибо»
4	<i>Ёку мо яттэ курэти на:.</i>	«Ну, спасибо» (букв. «Отлично сделано, да уж»)
5	<i>Ара, конохито га хадзимэтэ фудзакэ-тэ курэти ё.</i>	«Ах, он впервые пошутил»
6	<i>Ватаси-о маморо: то ситэ анохито-о кидзуцукэтэ курэти нэ.</i>	«Пытаясь защитить меня, (ты) обидел его»
7	<i>Анохито га ватаси-ни хидой кото-о сита кара, урандэ курэти но?</i>	«Он плохо поступил со мной, и ты поэтому возненавидел его?»
8	<i>Дзикан-о осиндэ курэру хито.</i>	«Человек, жалеющий (ценящий) время»
9	<i>Ано тимпира-ни сасоварэтэ мо, кото-ваттэ курэти но нэ.</i>	«Хоть тот бандит и заманивал тебя, ты ведь отказался, правда?»
10	<i>Ками-га нагаку натта кара, киттэ курэру?</i>	«Волосы отросли, не подрежешь/пострижешь?»
11	<i>Аси-га итакутэ икэнай кара, соко-э иттэ митэ курэру?</i>	«Ноги болят, я не могу туда сходить, не сходишь посмотреть?»
12	<i>Ватаси ва тётто ковай кара, кайгидэ коно мондай-ни фурэтэ курэру?</i>	«Я побаиваюсь, можешь поднять этот вопрос на собрании?»
13	<i>Ситтэ иру даро:? Оситэ курэ.</i>	«Ты ведь знаешь! Расскажи!»
14	<i>Томодати-ни наттэ курэ.</i>	«Стань моим другом»

Ответы в данной группе примеров имеют два вида: 1) 3-е лицо/1-е лицо совершает нечто хорошее/нехорошее по отношению к 3-му лицу/1-му лицу; 2) 3-е лицо/1-е лицо просит совершить/не совершать нечто хорошее/нехорошее по отношению к 3-му лицу/1-му лицу. Поскольку нас интересует вектор направленности действия (от кого-л.

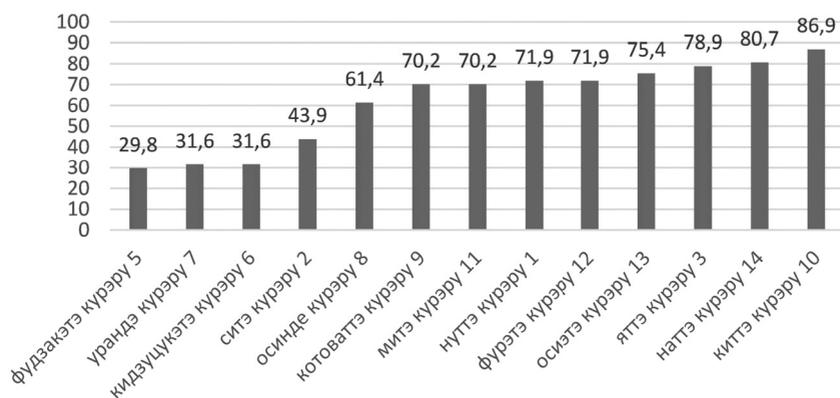
к 1-му лицу или наоборот) и бенефактивность или малефактивность действия, то ответы обоих видов рассматриваются вместе, так как эти две особенности ответов для них общие. По этой же причине не выделены в отдельную группу ответы, где лицом, на которое направлена просьба, является собеседник, т.е. 2-е лицо. 2-е лицо тоже указывает на направленность вектора «снаружи» — «внутри», поэтому для упрощения репрезентации ответов 3-е лицо и собеседник объединены в одну группу «3-е лицо». Идентичный подход применялся и при обработке ответов на примеры третьей группы.

Полученные результаты представлены в виде гистограмм.

Для упрощения презентации и восприятия данных в гистограммах примеры приведены в сокращенном виде (только сочетание глагол+*тэ+курэру*). В гистограмме рядом с каждым сочетанием стоит порядковый номер данного примера из таблицы.

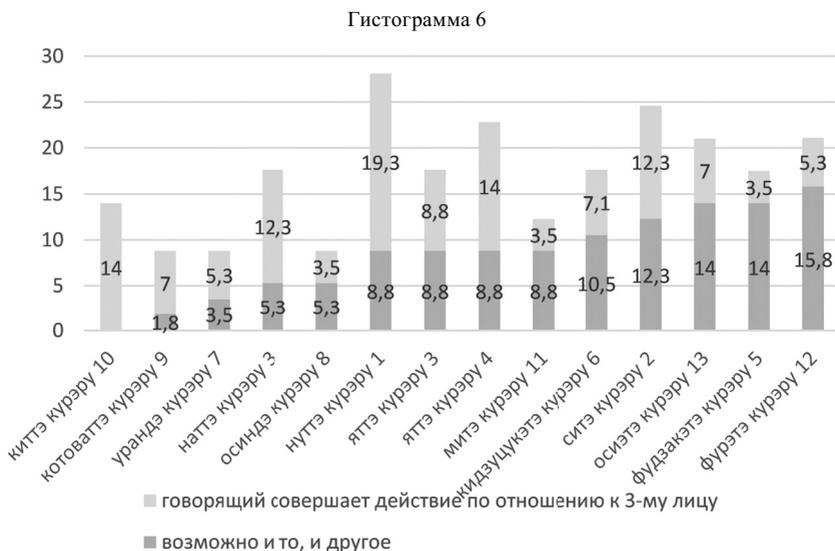
Гистограмма 5

третье лицо совершает нечто хорошее по отношению к говорящему

В более широком контексте характер фразы влияет на восприятие и оценку действия, выраженного сочетанием глагол = *тэ + курэру*. Сочетания с глаголами *фудзакэру*, *ураму*, *кидзуцкэру*, которые изолированно рассматривались подавляющим большинством информантов как выражающие «негативное» воздействие, в контексте получили положительную оценку в среднем трети опрошенных. 73,7% информантов дали ответ «3-е лицо совершает нечто нехорошее по отношению к 1-му лицу» на фразу № 4, которая имеет очевидный «негативный» характер (упрек, обида). 3,5% информантов дали ответ «3-е лицо совершает нечто нехорошее по отношению к 1-му

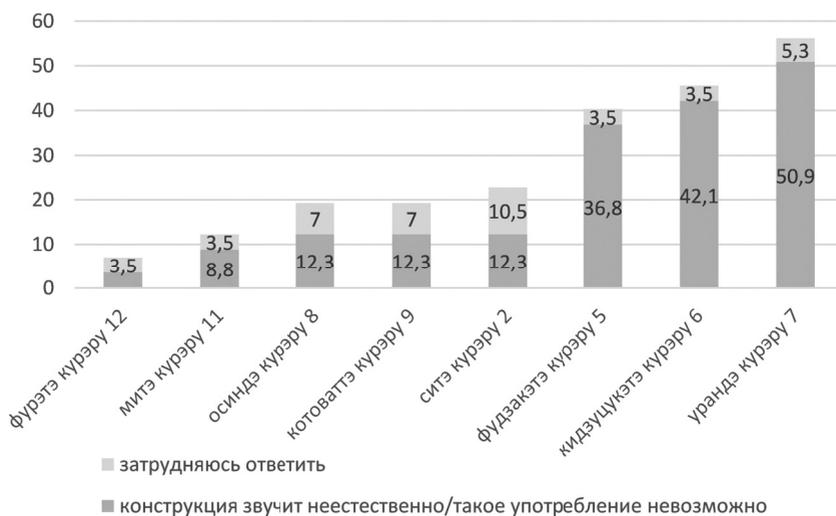
лицу» в примере с сочетанием *кидзуцукэтэ курэру* (№ 6), что можно объяснить влиянием семантики глагола *кидзуцукэру*, позволяющей трактовать неоднозначно подобные фразы.

Контекст также влияет и на направленность действия. Если изолированные сочетания с *+тэ+курэру* были однозначно оценены как направленные на 3-е лицо лишь единичными опрошенными, то в контексте таких ответов намного больше, что указывает на неоднозначность глагола *курэру* как показателя вектора действия, и зависимость этой его функции от контекста. В то же время общий смысл предложения или синтаксемы уточняет и сужает возможные варианты использования *курэру*, что отражается в меньшем числе ответов «возможно и то, и другое» в случае глаголов большой сочетаемости, таких как *яру*, *суру*, *нару*.

Несмотря на контекст, большинству опрошенных кажутся неестественными конструкции *фудзакэтэ курэру*, *кидзуцукэтэ курэру* и *урандэ курэру* (36,8, 42,1 и 50,9% соответственно), однако количество таких ответов несколько меньше, чем в Гистограмме 3, а около трети опрошенных в каждом случае (27,3, 31,6 и 31,6%) также допускает теперь значение «3-е лицо совершает по отношению к 1-му лицу нечто хорошее», т. е. и в этих случаях влияние расширенного контекста очевидно. Влияние контекста на восприятие характера совершаемого действия видно и по количеству ответов «совершаемое действие является ни хорошим, ни плохим». Если в случае

Гистограмма 7

с сочетаниями глагол+*тэ*+*курэру* подобные ответы составляют заметное количество (см. Гистограмму 4), то при контекстуальном использовании таких сочетаний такие ответы единичны, что может служить подтверждением нашего предположения о постепенном устаревании подобного восприятия этих конструкций.

Явные изменения в оценках подтверждают влияние контекста, хотя не везде полученные ответы совпадают с ожидаемыми. Это можно объяснить недостаточностью контекста на уровне фразы.

Далее информантам были предложены для оценки те же примеры в том виде, в котором они встретились в художественной литературе (включая примеры из корпусов) либо приведены в изученных статьях (см. Таблицу 3).

Сравнивая гистограммы 8 и 9, можно отметить, что первоочередное значение имеет контекст и общий характер высказывания, а семантика основного глагола отходит на второй план. В большинстве примеров с малефактивным значением основная функция *курэру* заключается в указании на направленность действия. Тем не менее, пример № 3, который не обладает выражено отрицательной коннотацией, но по оформлению указывает на совершение действия 1-м лицом по отношению к собеседнику, большинством опрошенных (63,2%) оценивается как «негативный», что в некоторой степени подтверждает предположение о возникновении малефактивности при

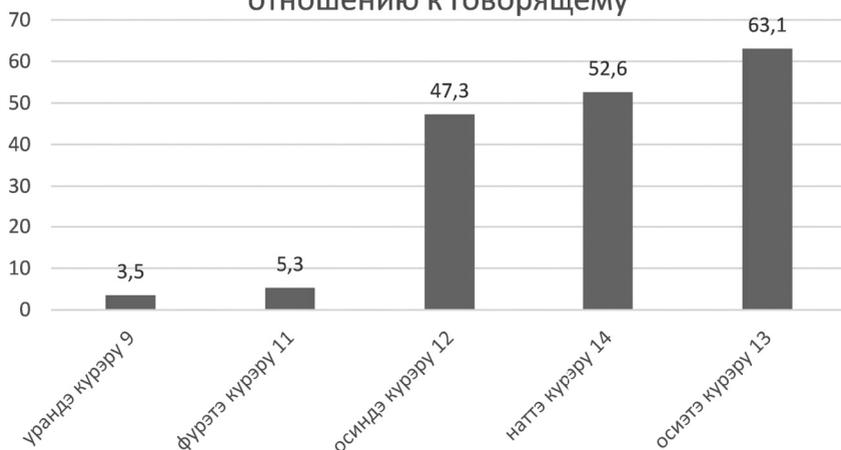
№	Пример	Перевод
1	<i>Ёку мо ватаси-но као-ни доро-о нуттэ курэ́та на.</i>	«Как ты мог запятнать мое имя!»
2	<i>Аната-га дамэ-ни ситтэ курэ́та ото:то-но сэйсо: дэс ва.</i>	«(Это) парадный наряд моего брата, который ты порвал. Удружил, нечего сказать».
3	<i>Сорэ, ко: ситтэ курэ́ру ва.</i>	«Это я (вам) сделаю так».
4	<i>Ватаси-га итара, той цукамаэтэ, дэбахо:тё:-дэ яцусаки-ни ситтэ курэ́ру но да.</i>	«Если бы там был я, я бы сразу его поймал и порубил на куски огромным ножом».
5	<i>Ёку мо яттэ курэ́та наа, кусо коронааа!</i>	«Ну, спасибо тебе, проклятая корона!!!»
6	Амари фудзакэтэ курэ́ру на.	«Ты изрядно повеселил меня (букв. Хватит шутить)».
7	<i>Коно ито-га най то абунай кара, омосирохамбун-ни киттэ курэ́ру на.</i>	«Без этой нити [мне будет] опасно, поэтому не надо перерезать ее из любопытства».
8	Кидзуцукэтэ курэ́ру на.	«Не обижай».
9	Урандэ курэ́ру на.	«Не держи зла».
10	<i>Кэсситэ миттэ курэ́ру на.</i>	«Ни в коем случае не смотри».
11	<i>Корэ идзё: фурэтэ курэ́ру на.</i>	«Больше не касайся [этого вопроса]».
12	Осиндэ курэ́ру нара...	«Если уж жалеешь об этом...»
13	<i>Омаэ-га хонки-дэ оситтэ курэ́ё: то сита но ва вакатта.</i>	«Мы знаем, что ты очень старался».
14	<i>Дзibun кара ватаси-но синка-то наттэ курэ́ё: то суру моно ва сукунай.</i>	«Очень немного тех, кто сам вызвался служить мне»
15	<i>Сонна таномигото, котоваттэ курэ́ру ва.</i>	«Такую просьбу я выполнить (для вас) отказываюсь».

смене вектора действия. Сказуемые в примерах 6–11 стоят в форме отрицательного повелительного наклонения (запрета), которое создается добавлением частицы *на* к третьей (инфинитивной) форме глагола. Таким образом грамматическое оформление (в частности, грубая запретительная форма на «-на») также может рассматриваться в качестве контекста. Примеры с этой формой получили преобладающую оценку как описывающие малефактивное действие.

На восприятие вектора действия в описываемых примерах влияет и наличие заключительно-модальной эмфатической частицы *ва* и подлежащего 1-го лица (*ватаси*). В то же время использование

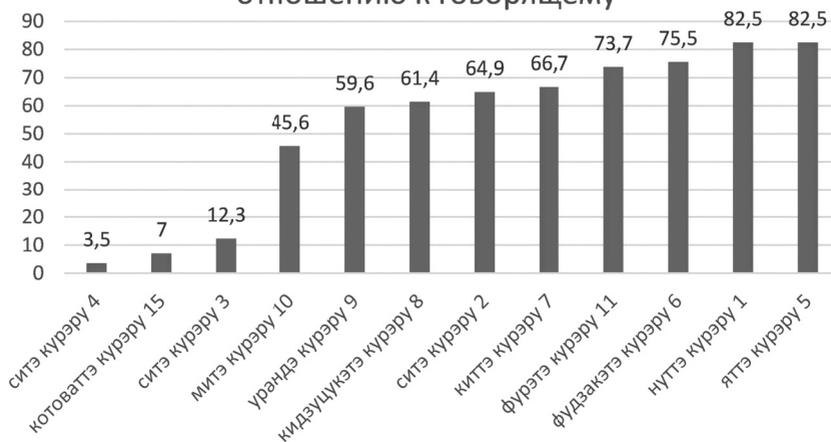
Гистограмма 8

третье лицо совершает нечто хорошее по отношению к говорящему

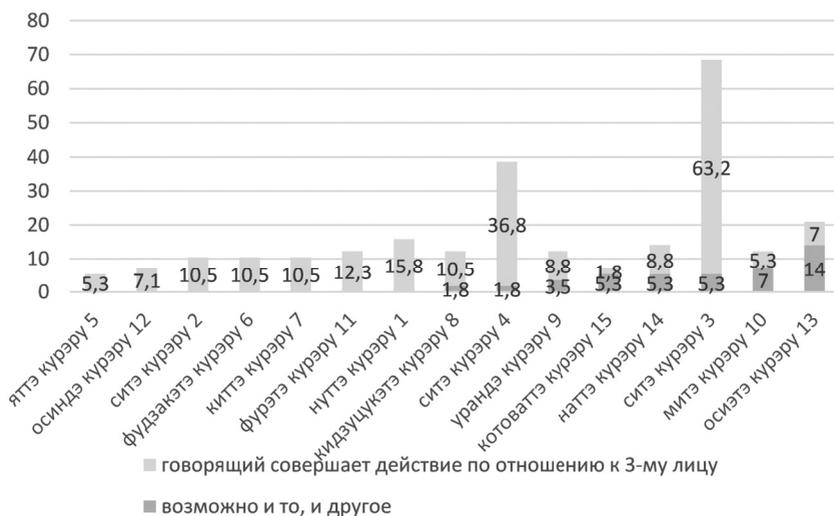
Гистограмма 9

третье лицо совершает нечто нехорошее по отношению к говорящему

сочетаний с *курэру* в запретительных конструкциях и в предложениях с четко выраженным деятелем — 1-м лицом, наряду с сочетаниями с глаголами, потенциально имеющими отрицательные коннотации (*ураму*, *кидзуцукэру*, *фудзакэру*), воспринимаются как

Гистограмма 10

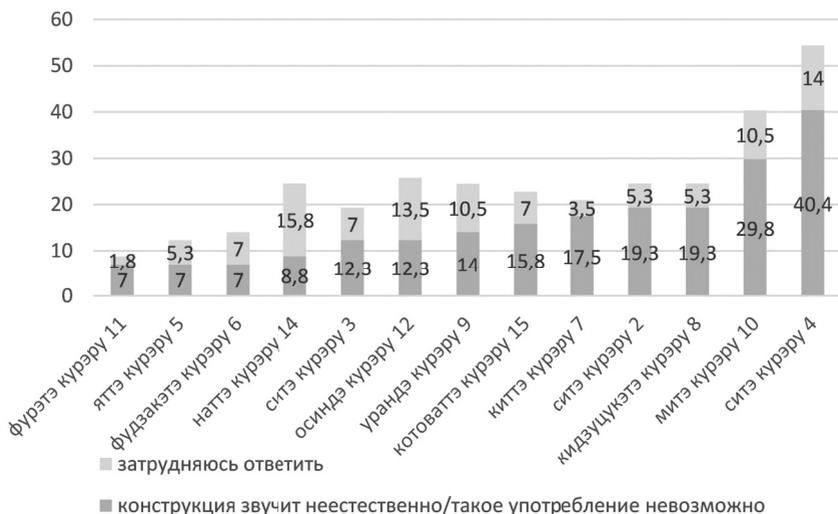

неестественные либо вызывают непонимание у большого количества информантов.

Исходя из полученных результатов опроса, можно сделать вывод, что даже без контекста носители японского языка склонны оценивать конструкции с не имеющими явных положительных или отрицательных коннотаций глаголами (*нуру* «намазывать», *суру* «делать», *киру* «резать», *миру* «смотреть», *осиэру* «объяснять») скорее как положительные (свыше 70% ответов), в то время как употребление глаголу *курэру* с глаголами, не имеющими явных положительных коннотаций (*фудзакэру* «шутить», *кидзуцукэру* «ранить, обижать», *ураму* «ненавидеть»), без контекста оценивается скорее как неестественное (35–61%). Отсюда можно сделать вывод о преобладающем восприятии глагола *курэру*, как обеспечивающего положительные коннотации («действие совершается одним лицом в интересах другого»).

При этом расширение контекста не всегда интерпретируется информантами однозначно: например, для глаголов *нуру*, *суру*, *миру* и *осиэру* количество ответов, интерпретирующих конструкцию как положительную, снижается, а для глагола *киру* и *яру* «делать» — повышается. Напротив, для *фудзакэру*, *кидзуцукэру* и *ураму* появляются ответы, воспринимающие конструкции с этими глаголами скорее положительно. Как уже отмечалось выше, это может быть связано с тем, что рассматриваемые примеры сконструированы авторами

Гистограмма 11

статьи, не являющимся носителями языка. Примеры же с этими глаголами, созданные носителями языка, несмотря на разброс мнений (необходимо отметить, что приведенные фразы довольно короткие, т. е. контекст ограничен), позволяют увереннее интерпретировать конструкции с глаголом *курэру* как малефактивные в соответствующих случаях (в большинстве случаев — более 55% ответов). Таким образом, кроме семантики основного глагола на восприятие оказывает влияние более широкий контекст, не ниже уровня фразы.

Заклучение

Проанализировав примеры употребления глагола *курэру* в качестве вспомогательного, мы обнаружили некоторое количество случаев, в котором этот глагол не имеет бенефактивного значения, т. е. не описывает «действия, совершаемые одним лицом в интересах другого». В некоторых примерах значение оказалось нейтральным (сохранился только вектор направленности от «чужого» к «своему» или от 2-го (3-го) лица к 1-му) или даже негативным, в других примерах вместе с изменением вектора (от «своего» к «чужому» или от 1-го лица ко 2-му (3-му)) изменилось и значение — с бенефактивного на малефактивное.

Если изначально значение этой лексемы действительно содержало лишь направленность от «высшего» («равного») к «низшему»

(«равному»), можно предположить, что в процессе употребления единицы, в диахроническом аспекте векторное значение «от высшего к низшему» слилось с бенефактивным значением, которое изначально не было обязательным, а при смене вектора «чужой-свой» на «свой-чужой» сменилось на отрицательное значение, которое впоследствии, наоборот, распространилось на вектор «чужой-свой». Таким образом, налицо семантический переход, который и привел к существованию двух антонимичных значений внутри одной лексической единицы. Небольшое количество подобных примеров, а также тот факт, что большая их часть относится либо к литературе начала XX в., либо к современным стилизациям, подтверждают постепенное исчезновение негативных коннотаций у глагола *курэру* и возможности использования этого глагола при обозначениях действия 1-го лица (действий «своего», направленных на «чужого»).

Гипотезу о выпадении малефактивного значения или конструкций с измененным вектором действия из привычной парадигмы подтверждает также разброс мнений информантов, указывающий на отсутствие однозначного восприятия подобных конструкций. По результатам опроса информантов можно также достаточно уверенно утверждать, что на восприятие конструкции как бенефактивной/малефактивной в большой степени влияет контекст (в том числе, грамматический), а также — частично — семантика основного глагола.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абэ Т.* Ворон хозяина не выбирает. М.: АСТ, 2022. 384 с.
2. *Абэ Т.* Ворон из пустого гроба. М.: АСТ, 2023, 352 с.
3. *Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И.* Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1. Киров: Наталис, 2008. 560 с.
4. *Головин И.В.* Грамматика современного японского языка. М.: Издательство МГУ, 1986. 315 с.
5. *Сыромятников Н.А.* Древнеяпонский язык. М.: Восточная литература, 2002. 175 с.
6. *Хохлова У.В.* Явление энантиосемии как актуальная проблема современной лингвистики // Социокультурная среда и ее развитие в условиях глобализации современного общества: Материалы V Международных социально-педагогических чтений им. Б.И. Лившица. 2013. С. 99–107.
7. *Шерцль В.И.* О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // Философские записки. 1883. № 5. С. 1–39.
8. *Shmelev A.* Semantic shifts as sources of enantiosemy. In Paivi Juvonen, Maria Koptjevskaya-Tamm (eds.), *The Lexical Typology of Semantic Shifts*, 2016. Walter de Gruyter GmbH & Co KG. 67–93.
9. *Abe T.* Karasu wa aruji o erabanai [Ворон хозяина не выбирает]. Tokyo: Bungeishunju, 2013. 346 p.
10. *Abe T.* Ku:kan no karasu [Ворон из пустого гроба]. Tokyo: Bungeishunju, 2016. 367 p.

11. *Dejitaru Daijisen* [Электронный толковый словарь японского языка]. URL: <https://dictionary.goo.ne.jp/word/%E3%81%8F%E3%82%8C%E3%82%8B/> (дата доступа: 07.07.2023).
12. *Makoto S., Nagakawa N.* Kanojo to kanojo no neko [Она и её кот], Tokyo: Kanzen, 2017. 223 p.
13. *Obana Ya.* Jujuhyo:gen 'kureru' o tsukatta hiniku/hihan hyo:gen ni suite: 'kureru' no onkeisei o saiko: suru [Ироничные/критические выражения с использованием бенефактивного выражения «курэру»: о пересмотре положительного значения «курэру»]. Gengo to bunka. Kwansei Gakuin University kyo:-ronbun, 2017, 20, 1–15.
14. *Sunagawa Yu., Komada S., Shimoda M., Suzuki M., Tsutsui S., Hasunuma A., Bekesh A. Morimoto J.* Kyooshi to gakushuu-sha no tame no Nihongo bunkei jiten [Словарь грамматических моделей японского языка для преподавателей и студентов]. Tokyo: Kuroshio-Shuppan, 2004 (2nd ed.). 693 p.
15. *Yamamoto Yu.* -Te kureru-no kino:-ni tsuite. Taijin cho:setsuteki-na kino:-ni chu:moku shite [О функциях «-тэ курэру». Акцентируя внимание на функциях регулирования межличностных отношений]. Gengo to bunka. Nagoya University Department of International Language and Cultural Studies, 2002. 3, 127–144.

REFERENCES

1. Abe T. *Voron khozyaina ne vybiraet* [The crow doesn't choose the master]. M.: AST, 2022. 384 p. (In Russ.)
2. Abe T. *Voron iz pustogo groba* [The crow from the empty coffin]. M.: AST, 2023, 352 p. (In Russ.)
3. Alpatov V., Arkad'ev P., Podlesskaya V. *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical grammar of the Japanese language], book 1. Kirov: Natalis, 2008. (In Russ.)
4. Golovnin I.V. *Grammatika sovremennogo yaponskogo yazyka* [Grammar of the modern Japanese language]. M.: Izdatel'stvo MGU, 1986. (In Russ.)
5. Syromyatnikov N.A. *Drevneyaponskii yazyk* [Old Japanese language]. M.: Vostochnaya literature, 2002. (In Russ.)
6. Khokhlova U.V. *Yavlenie ehnantiosemy kak aktual'naya problema sovremennoi lingvistiki* [Phenomenon of enantiosemy being an up-to-date problem of the modern linguistics]. *Sotsiokul'turnaya sreda i ee razvitie v usloviyakh globalizatsii sovremennogo obshchestva Materialy V Mezhdunarodnykh sotsial'no-pedagogicheskikh chtenii im. B.I. Livshitsa* [Social and cultural environment and its development in conditions of globalization of modern society. Proceedings of the V international social and pedagogical conferences dedicated to B.I. Livshits], 2013, pp. 99–107. (In Russ.)
7. Shertsl' V.I. *O slovakh s protivopozhnyimi znacheniyami (ili o tak nazyvaemoi ehnantiosemy)* [On words with opposite meanings (or on so called enantiosemy)]. *Filozofskie zapiski*, 1883, 5, pp. 1–39. (In Russ.)
8. Shmelev A. Semantic shifts as sources of enantiosemy. In Paivi Juvonen, Maria Koptjevskaya-Tamm (eds.), *The Lexical Typology of Semantic Shifts*, 67–93. Walter de Gruyter GmbH & Co KG. 2016.
9. Abe T. *Karasu wa aruji o erabanai* [The crow doesn't choose his master]. Tokyo, Bungeishunju:. 2013. 346 p. (In Japanese)
10. Abe T. *Ku:kan no karasu* [The crow from the empty coffin]. Tokyo, Bungeishunju:. 2016. 367 p. (In Japanese)
11. *Dejitaru Daijisen* [Electronic thesaurus of the Japanese language]. URL: <https://dictionary.goo.ne.jp/word/%E3%81%8F%E3%82%8C%E3%82%8B/> (access date: 07.07.2023). (In Japanese)

12. Makoto S., Nagakawa N. *Kanojo to kanojo no neko* [She and her cat], Tokyo: Kanzen. 2017. 223 p. (In Japanese)
13. Obana Ya. *Jujuhyo:gen 'kureru' o tsukatta hiniku/hihan hyo:gen ni suite: 'kureru' no onkeisei o saiko: suru* [On ironical/critical expressions in expressions of giving and receiving using 'kureru': revising benefactive meaning of 'kureru']. *Gengo to bunka. Kwansai Gakuin University kyo:-ronbun* [Language and culture. Works of Kwansai Gakuin University], 2017, 20, pp. 1–15. (In Japanese)
14. Sunagawa Yu., Komada S., Shimoda M., Suzuki M., Tsutsui S., Hasunuma A., Bekesh A. Morimoto J. *Kyooshi to gakushuu-sha no tame no Nihongo bunkei jiten* [Dictionary of grammatical models of the Japanese language for teachers and students]. Tokyo: Kuroshio-Shuppan, 2004 (2nd ed.). 693 p. (In Japanese)
15. Yamamoto Yu. *-Te kureru-no kino:-ni tsuite. Tajjin cho:setsuteki-na kino:-ni chu.moku shite* [On functions of '-te kureru'. Concentrating on functions of regulation of interpersonal relationships]. *Gengo to bunka [Language and Culture]. Nagoya University Department of International Language and Cultural Studies*, 2002, 3, pp. 127–144. (In Japanese)

Статья поступила в редакцию 31.07.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 26.10.2023.

The article was submitted 31.07.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 26.10.2023.

ОБ АВТОРАХ

Крнета Наталия, кандидат филологических наук, доцент кафедры японской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, krneta@iaas.msu.ru

Румак Наталья Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры японской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, rumakng@iaas.msu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalia Krneta, Candidate of Sciences (Linguistics), associate professor at the chair of Japanese Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0002-6490-3191; krneta@iaas.msu.ru

Natalia G. Rumak, Candidate of Sciences (Linguistics), associate professor at the chair of Japanese Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0002-1399-2497; E-mail: rumakng@iaas.msu.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-8

«УДАЧНЫЙ ДЕНЬ» В ИСТОРИИ КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX В.

М.В. Солдатова, К.А. Пак

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
maria_soldatova@hotmail.com*

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
pakxeniya@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматривается влияние русской литературы, в частности текстов А.П. Чехова «Тоска» (1886) и М.П. Арцыбашева «Счастье» (1910), на творчество Хён Джингона, внесшего существенный вклад в становление и развитие реализма в корейской литературе. Исследуется интертекстуальное взаимодействие рассказа «Удачный день», написанного Хён Джингоном в 1924 г., и одноименного рассказа, написанного Ли Мунёлем в 1987 г.

В корейских литературоведческих кругах принято считать, что Хён Джингон написал рассказ «Удачный день» под впечатлением от рассказа А.П. Чехова «Тоска», позаимствовав у русского писателя как тему, так и нарративную структуру. Однако авторы статьи приходят к выводу, что рассматриваемое произведение Хён Джингона во многом перекликается с переведенным им самим на корейский язык рассказом М.П. Арцыбашева «Счастье». Как в рассказе «Удачный день», так и в рассказе «Счастье» ведущим является мотив мнимой удачи. И этот мотив устойчиво ассоциируется у современных носителей корейской культуры со словосочетанием «удачный день».

Авторы статьи также отмечают, что с рассказом Хён Джингона «Удачный день» можно напрямую сравнивать на предмет трагичности опубликованный годом позже, в 1925 г., рассказ Чу Ёсопа «Рикша», но не рассказ Ли Мунёля «Удачный день», относящийся к эпохе постмодерна. По их мнению, этот рассказ Ли Мунёля, основанный на умышленной отсылке к рассказу Хён Джингона, остается недооцененным в Республике Корея, и главным его достоинством является не трагичность, а ироничность.

Ключевые слова: Хён Джингон, Ли Мунёль, рассказ «Удачный день», интертекстуальность, современная корейская литература

Для цитирования: Солдатова М.В., Пак К.А. «Удачный день» в истории корейской литературы XX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 3. С. 131–146. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-8.

“A LUCKY DAY” IN HISTORY OF 20th CENTURY KOREAN LITERATURE

Maria V. Soldatova, Ksenia A. Pak

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
maria_soldatova@hotmail.com*

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; pakxeniya@gmail.com

Abstract: The article examines the influence of Russian literature, in particular the short stories “Misery” by A.P. Chekhov and “Happiness” by M.P. Artsybashev on the work of Korean writer Hyōn Jin-gōn, who made a significant contribution to the formation and development of realism in Korean literature. It explores the intertextual interaction between the short story “A Lucky Day” written by Hyōn Jin-gōn in 1924 and the eponymous work written by Yi Mun-yōl in the postmodern period in 1987.

In Korean literary circles, it is generally accepted that Hyōn Jin-gōn wrote his story “A Lucky Day” under the impression of A.P. Chekhov’s story “Misery”, borrowing both the theme and the narrative structure from the Russian writer. However, the authors of the article come to the conclusion that the above-mentioned story by Hyōn Jin-gōn has much in common with the story “Happiness” by M.P. Artsybashev which Hyōn Jin-gōn translated into Korean by himself. The motif of imaginary luck is the leading one both in the story “A Lucky Day” and in the story “Happiness”. And this motif is strongly associated with the phrase “Lucky Day” among modern carriers of Korean culture.

The authors of the article also note that Hyōn Jin-gōn’s story “A Lucky Day” can be directly compared in terms of tragedy with the story “Rickshaw” published a year later, in 1925, but not with the postmodern story “A Lucky Day” by Yi Mun-yōl. In their opinion, this story by Yi Mun-yōl, based on a deliberate reference to the story by Hyōn Jin-gōn, remains underestimated in the Republic of Korea, and its main advantage is not the spirit of tragedy, but irony.

Key words: Hyōn Jin-gōn, Yi Mun-yōl, “A Lucky Day” short story, intertextuality, modern Korean literature

For citation: Soldatova M.V., Pak K.A. “A Lucky Day” In History of 20th Century Korean Literature. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2023, Vol. 67, No. 3, pp. 131–146. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-8 (In Russ.)

Среди произведений современной корейской литературы есть два рассказа, которые роднит общее заглавие. Это рассказ «Удачный день» («Унсу чын наль») Хён Джингона, увидевший свет в 1924 г., и одноименный рассказ Ли Мунёля, написанный более полувека спустя, в 1987 г.

Хён Джингон (1900–1943) — видный писатель и литературный критик колониального периода, внесший значительный вклад в ста-

новление и развитие реализма в Корее. Он прославился благодаря своим ранним рассказам, однако среди его поздних произведений есть и романы, такие как «Пагода без тени» («Муёнътхап») и «Экватор» («Чокто»). Его рассказ «Удачный день» входит в школьную программу как в Республике Корея, так и в КНДР, считается классическим образцом корейской реалистической прозы, переводился на множество языков, причем на русский язык — три раза: А.Х. Ином и А.А. Кимом (2003); М.В. Солдатовой (2003); Ким Сонмён и И. Беляковым (2019).

Ли Мунёль (род. 1948) — знаменитый современный южнокорейский писатель, эрудит и интеллектуал, наполняющий свои произведения отсылками к фактам как корейской, так и мировой культуры. Ли Мунёль известен как автор романов «Сын человеческий» («Сараме адыль»), «Время героев» («Ёнбунъ сидэ») и переложения на современный корейский язык классического китайского романа «Троецарствие», повестей «Птица с золотыми крыльями» («Кымсиджо»), «Наш испорченный герой» («Уридыре ильгыроджин ёнбунъ»), а также многочисленных рассказов. Его рассказ «Удачный день», написанный по мотивам рассказа Хён Джингона, не пользуется особой популярностью у читателей Республики Корея, хотя, на наш взгляд, заслуживает самого пристального внимания. Перевод этого рассказа на русский язык впервые был выполнен К.А. Пак в 2020 г.

Мы ставим своей целью сопоставительный анализ одноименных рассказов Хён Джингона и Ли Мунёля с учетом их интертекстуального взаимодействия друг с другом и с иными произведениями, в частности с рассказами русских писателей.

1. Хён Джингон

Многие корейские исследователи отмечают, что на развитие современной литературы в Корее огромное влияние оказала русская литература, и к ее важнейшим чертам относят историзм и гуманизм. Исследователь Ким Гынсик подчеркивает, что русская литература всегда была для корейцев литературой «великих идей»¹.

Несмотря на то, что на творчество корейских писателей в 1920-е гг. повлияли и романтизм, и натурализм, можно уверенно говорить о господстве реализма в корейской литературе 1920-х гг., учитывая тесную связь реализма с гуманизмом. В. Ерофеев отмеча-

¹ *Ким Гын Сик*. Как в Корее воспринимается А.С. Пушкин // Ноомунхак [Русская филология]. 1997. № 9. С. 234.

ет: «Сложность определения реализма попадает в парадоксальную зависимость от сложности определения гуманизма как некоторого комплекса философско-эстетических представлений»².

Не случайно периодом становления современной литературы в Корее считаются именно 1920-е гг.³, когда за счет активного освоения писателями творческого метода реализма корейская проза претерпела принципиальные изменения как в тематическом, так и в художественно-выразительном плане. Очень важное место в литературе того периода занимали рассказы.

Если в русской литературе рассказ окончательно оформился как самостоятельный и полноценный жанр в творчестве Антона Павловича Чехова, то в Корее наибольший вклад в развитие этого жанра внес Хён Джингон.

Иван Алексеевич Бунин вспоминал, как А.П. Чехов сказал ему: «Вам хорошо теперь писать рассказы, все к этому привыкли, а это я пробил дорогу к маленькому рассказу, меня еще как за это ругали... Требовали, чтобы я писал роман, иначе и писателем нельзя называться...»⁴.

Литературовед Чо Ёнхён отмечал, что Хён Джингон наряду с Ким Донъином был первопроходцем в развитии в Корее жанра рассказа, а наряду с Ём Санъсопом — в развитии реализма⁵.

В рассказах Хён Джингона отчетливо чувствуется напряжение между реальным и идеальным мироустройством. Как и в произведениях Чехова, оно зачастую связано с ощущением давления материального мира на человека.

Хён Джингон, понимая неэффективность изживших себя традиционных подходов, особое внимание, подобно А.П. Чехову, уделял сохранению объективности. А.П. Чехов писал Алексею Сергеевичу Суворину: «Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем...»⁶. Вторя ему, Хён Джингон подчеркивал: «Я считаю, сущность литера-

² *Ерофеев В.* Поэтика и этика рассказа: (Стили Чехова и Мопассана) // Ерофеев В. Лабиринт Один: Ворванный воздух. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 427.

³ *Чо Донъиль и др.* Хангук мунхак канъи [Лекции по корейской литературе]. Кильбот, 1999. С. 359.

⁴ А.П. Чехов в воспоминаниях современников. Вступ. статья А. Туркова; Сост., подгот. текста и коммент. Н. Гитович. М.: Худож. лит., 1986. С. 503.

⁵ *Чо Ёнхён.* Хангук хёндэ мунхакса [История современной корейской литературы]. Сонъмунгак, 1969. С. 415.

⁶ *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1974–1983. Т. 2. С. 280.

туры именно в том, чтобы внимательно наблюдать за происходящим вокруг, спокойно слушать биение своего сердца⁷, — и при этом замечал: «Ничто не существует вне места и времени. Хватит гулять по луне и парить в облаках. Корейские писатели должны твердо стоять на родной почве»⁸.

Хён Джингон черпал материал для творчества в окружающей его колониальной действительности. При этом в духе концепции социального и физиологического детерминизма, популярной в то время среди корейской интеллигенции, зачастую изображал своих героев жертвами обстоятельств.

Современник Хён Джингона литератор Пак Чонхва писал: «Реализм в Корее расцвел благодаря Хён Джингону. В плане содержания ли, в плане выражения ли — его не в чем упрекнуть»⁹.

Главный герой рассказа Хён Джингона «Удачный день» («Унсучоын наль») — рикша по имени Ким Чхонджи. По городу, в котором уже ходит современный транспорт, он бежит с устаревшей коляской. Вдруг у него случается необыкновенно удачный день: клиенты подходят один за другим и, радуясь возможности заработать, Ким Чхонджи развозит их до самого позднего вечера. Однако он ни на секунду не может забыть о своей тяжело больной жене. Пересчитывая полученные деньги, рикша мечтает о том, что купит супа для жены и каши для голодного трехлетнего малыша. В конце рабочего дня, встретив своего друга Чхисама, Ким Чхонджи, вместо того чтобы пойти домой, отправляется с ним в забегаловку. Выпив, рикша в шутку сообщает другу о смерти своей жены. Эти слова оказываются пророческими. Вернувшись домой, рикша убеждается, что его жена и в самом деле умерла.

В рассказе «Удачный день», так же, как и во многих других произведениях Хён Джингона, «малый мир» семейной жизни изображается как последний оплот добра. Этот мир взаимопонимания и душевного тепла романтически противопоставляется большому, враждебному миру. Главный герой отчаянно сражается с «большим миром», но, обретая деньги, теряет жену и проигрывает сражение.

Принято считать, что рассказ Хён Джингона «Удачный день» был написан под влиянием рассказа А.П. Чехова (1860–1904) «То-

⁷ Хён Джингон. Чосонхонхва хёндэ чоньсин-ый пхаак [Понимание души Кореи и духа современности] // Кэбёк, 1926. № 65. С. 134–135.

⁸ Там же. С. 134.

⁹ Пак Чонхва. Тэджониху-ый Чосон-ый мунеундонь [Литературное движение в Корее после Мировой войны] // Тонья ильбо. 1929.1.1.

ска» (1886) (в корейском переводе «우수 [Усу]»)¹⁰. Исследователь Ли Санъён отмечает, что Хён Джингон заимствовал из рассказа Чехова не только тему (одиночество человека среди людей) и типаж героя, но и нарративную структуру, и даже время действия (зима)¹¹. Действительно, при сравнении двух рассказов мы легко обнаруживаем между ними сходство.

Оба рассказа начинаются с описания погоды. У Чехова читаем: «Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки», а у Хён Джингона: «Небо недружелюбно хмурилось, будто собирался снег, но снег не пошел — закапал холодный дождь».

Хён Джингон вслед за Чеховым обращается к мотиву извоза: его рикша Ким Чхонджи — своеобразный инвариант извозчика Ионы Потапова, но если Иона страдает духовно, то Ким Чхонджи — и духовно, и физически. Хён Джингон неоднократно подчеркивает, как трудно его герою таскать коляску.

Корейский писатель заимствует у русского и мотив смерти близкого человека, однако раскрывает его по-своему. О смерти сына Ионы мы узнаем в самом начале рассказа, и на протяжении всего повествования сочувствуем извозчику, тщетно пытающемуся поделитьсь хоть с кем-нибудь своей «тоской громадной, не знающей границ». Ким Чхонджи не имеет возможности беседовать с клиентами, и мы начинаем предчувствовать смерть жены рикши во время его разговора с приятелем в забегаловке, а доподлинно узнаем о случившейся трагедии только в конце рассказа.

При всем вышесказанном, ведущим в рассказе Хён Джингона является мотив мнимой удачи. Именно он отражен в заглавии. А российские исследователи к числу сквозных чеховских мотивов причисляют «долгожданный успех, оборачивающийся проигрышем, бессмысленностью, деградацией»¹². И хотя в рассказе «Тоска»

¹⁰ См., например: *Ким Хёнхэк*. Русская литература в Корее: исторический обзор // Материалы первой российско-корейской научно-практической конференции литературных переводчиков (Москва, 21–22 декабря 2009 г.) М.: Восточная литература, 2010. С. 5–10; *Ли Санъён*. Чхехоп-ква Хён Джингон-ый тамнон: чудже кусонь-ый михак. Чхехоб-ый <Усу>, <Чамдыльго сипхо>-ва Хён Джингон-ый <Унсу чын наль>, <Пуль>ыль чунъсим-ыро [Дискурс Чехова и Хён Джингона: эстетика тематической структуры (на примере рассказов Чехова «Тоска», «Спать хочется») и рассказов Хён Джингона «Удачный день», «Огонь»] // Сонъгок ноячхонь. 1998. 29(1). С. 481–527.

¹¹ *Ли Санъён*. Указ. соч. С. 497.

¹² *Жолковский А.К., Щелов Ю.К.* Работы по поэтике выразительности: Инварианты — Тема — Приемы — Текст. М.: Прогресс, 1996. С. 159.

данный мотив отсутствует, можно было бы предположить, что Хён Джингон воспринял его из других рассказов Чехова, уже переведенных к тому времени на японский и корейский языки.

Однако мы хотели бы привлечь внимание к тому факту, что именно этот мотив лежит в основе рассказа русского писателя Михаила Петровича Арцыбашева (1878–1927) «Счастье» (1912) (в корейском переводе «*행복* [Хэньбок]»), переведенного Хён Джингоном на корейский язык и опубликованного в третьем номере журнала «Кэбёк» в 1920 г. В японских литературных кругах, откуда в те времена корейские литераторы черпали сведения о мировой литературе, Арцыбашев был хорошо известен не только как писатель, но и как критик. В частности, на японский язык была переведена статья Арцыбашева о Чехове из цикла «Записки писателя»¹³. Исследователи отмечают, что в Японии в 1920-е гг. по количеству переведенных произведений Арцыбашев уступал из русских литераторов лишь Чехову¹⁴.

Чутко откликаясь на злободневные события, Арцыбашев создавал произведения, наполненные симпатией к «маленькому человеку», протестом против лжи, насилия и произвола власти. Сквозными темами его творчества считаются бессмысленность жизни, животная природа человека.

Т.Ф. Прокопов пишет: «С первых своих шагов в литературе Арцыбашев раскрывает перед нами две главные особенности своей творческой работы. Это, во-первых, автобиографизм, требующий от писателя изображать “пропущенное через сердце”, только лично пережитое. И во-вторых, стремление быть всегда на гребне общественных событий, отыскивая при этом собственный угол зрения, <...> проявляя личностный, персонифицированный подход к ним»¹⁵.

Примечательно, что в начале творческого пути Хён Джингон активно обращался к собственному жизненному опыту. И, похоже, ему были в целом близки идеи Арцыбашева, его критика социального неравенства, симпатия к малоимущим и стремление к максимально натуралистичному отображению человеческих страданий.

¹³ Янаги Томико. Чехов в Японии: Переводы, критика, отклики писателей (1902–1945): Обзор // Чехов и мировая литература. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Кн. 3. С. 88.

¹⁴ Квон Ёньмин и др. Хангук кындэ мунхаг-ый росиа мунхак суёнъ [Восприятие русской литературы корейской литературой Нового времени]. Сеул: Соуль тэхакке чхульпхан мунхвадон, 2016. С. 1.

¹⁵ Прокопов Т.Ф. Возвращение Михаила Арцыбашева // Арцыбашев М. П. Наш третий клад: Повести и рассказы. Роман. Записки писателя / Сост., вступ. ст., примеч. Т.Ф. Прокопова. М.: Школа-Пресс, 1996. URL: <http://www.philology.ru/literature2/prokopov-96.htm> (дата обращения: 5.04.2023)

Главная героиня рассказа Арцыбашева «Счастье» — проститутка Сашка, влачащая «только странное и ужасное существование, в котором день потерял свой свет и обратился в беспросветную ночь; а ночь стала бесконечным трудовым днем»¹⁶. Прослеживается явная аналогия между Сашкой, у которой «не было заработка уже пять дней»¹⁷, и рикшей Ким Чхонджи, который «уже десять дней денег в глаза не видел»¹⁸. И Сашке, и Ким Чхонджи подворачивается шанс заработать: проститутке для этого приходится вытерпеть страшные побои от незнакомца, пообещавшего дать ей пятерку, а рикше — выбиваясь из сил, побегать под дождем. Оба героя, получив деньги, спешат потратить их на еду и выпивку. Сашку, несущуюся к городу, переполняет светлое и поющее ощущение счастья — «еды, тепла, покоя, водки»¹⁹.

Очевидно, что заглавие рассказа Арцыбашева носит, как и заглавие рассказа Хён Джингона, иронический характер: жизнь бедняков так ужасна, что они почитают за счастье / удачу удовлетворение базовых потребностей. Ирония считается важной составляющей творчества Хён Джингона²⁰. Его иронию более полувека спустя, в эпоху постмодерна, подхватил Ли Мунёль, обыграв тот же мотив в рассказе с тем же заглавием.

2. Ли Мунёль

Рассказ Ли Мунёля «Удачный день» увидел свет в 1987 г., через шестьдесят три года после выхода одноименного рассказа Хён Джингона. За это время страна была освобождена от японцев и разделена, пережила братоубийственную войну. Послевоенное восстановление трудно далось как Северу, так и Югу. Однако к концу 1980-х гг. экономика Республики Корея смогла набрать темпы роста, удивившие весь мир. Представления южных корейцев о том, что значит жить хорошо, существенно изменились — к расширившимся материальным потребностям у них добавились нематериальные потребности в демократических свободах, а также в самореализации.

¹⁶ *Арцыбашев М.П.* Счастье // Арцыбашев М. П. Собрание сочинений в трех томах (Том 3). М.: Терра, 1994. С. 430.

¹⁷ Там же. С. 431.

¹⁸ *Хён Джингон.* Удачный день // Солдатова М.В., Пак К.А. Современная литература Кореи: Учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2003. С. 81.

¹⁹ *Арцыбашев М.П.* Указ. соч. С. 437.

²⁰ *Чон Хансонь.* Хён Джингон-ый <Унсу чойн наль>е натхана-нын айрони(irony)-ый кёюк ёнгу [Образовательное исследование иронии рассказа «Удачный день» Хён Джингона] // Кугумунхак [Корейская филология], 2009. № 46. С. 335–367.

Следует отметить, что тема несвободы, давления общества на человека является сквозной для творчества Ли Мунёля, что отмечает и сам писатель²¹. Раскрывается эта тема и в его рассказе «Удачный день». Ни критики, ни читатели не относят этот рассказ к особо примечательным. Так, в рецензии газеты «Чунъань ильбо» на вышедшие в 1987 г. произведения Ли Мунёля говорится, что в его рассказе «Удачный день» не наблюдается ни того трагизма, ни того комизма, что есть в рассказе Хён Джингона²². Но мы считаем, что этот рассказ и рассказ Хён Джингона нельзя сравнивать напрямую.

Как попытку высказаться на заданную Хён Джингоном тему можно рассматривать вышедший в 1925 г. рассказ Чу Ёсопа (1902–1972) «Рикша» («Иллёккогун»), действие которого происходит в Шанхае. Рикша из рассказа Чу Ёсопа тоже неожиданно зарабатывает большие деньги и сразу же тратит их на простейшие удовольствия. Но он не теряет близкого человека, а, отравившись, умирает сам.

Текст Ли Мунёля был написан в эпоху постмодерна. По нашему мнению, если бы корейские критики и читатели изначально отнесли к нему как к иронично осовремененной версии текста Хён Джингона, они оценили бы игру смыслов весьма высоко.

Герой рассказа Ли Мунёля по фамилии Пак работает в Сеуле в конторе по перепродаже подержанных автомобилей. Заработок Пака зависит от объема заключенных сделок. В описываемый день сделки следуют одна за другой, а тут еще и начальник просит его за дополнительную плату перегнать автомобиль в Чхунчхон. В Чхунчхоне Пак встречает мисс Янь, знакомую девушку, работавшую когда-то в чайной неподалеку от автомобильного рынка. Пак забывает о своей беременной жене и едет с мисс Янь в бунгало, которое та снимает в живописном туристическом районе. Пак расценивает эту встречу как очередную удачу. В бунгало мисс Янь заказывает еду и спиртное. Но тут ей сообщают о визите незваного гостя. Мисс Янь выходит в коридор и долго не возвращается — Пак отправляется на поиски и вслед за девушкой становится жертвой ее давнего

²¹ Ли Мунёль. Иу-нын севор-ый парамсори-рыль тырымё [Слушая ветер поры увядания] // Ли Мунёль. Мунхак эльбом [Литературный альбом]. Уньджин чхульпхан, 1994. С. 168.

²² И тар-ый сосоль. Ли Мунёль мунечирёмхо пальпхёджак. «Унсу чоын наль» соджэва киппоп моду сантхудоок. «...Ильгыроджин ёнбунъ» ани хвегоджок чинсулло сиксан [Проза месяца. Произведения Ли Мунёля в летних номерах литературных журналов. «Удачный день» — и содержание, и приемы банальны. «...Испорченный герой» — надоели простые повествования с отсылками к прошлому] // Чунъань ильбо 1987.07.28. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/2110507> (дата обращения: 5.04.2023)

поклонника, убежденного, что она отвергла его в надежде на более обеспеченную жизнь. Начавшийся столь удачно день заканчивается смертью девушки и самого героя.

Неслучайно Ли Мунёль в точности скопировал заглавие рассказа Хён Джингона. Заглавие художественного произведения, наряду с эпитафией, началом и концом относится к так называемым «сильным позициям текста»²³. Именно заглавие является границей между нехудожественным и художественным пространством, задает направление восприятия текста.

Заглавия рассматриваемых нами произведений — «운수 좋은 날 [Унсу чоын наль]» — обычно переводятся на русский язык как «Удачный день».

С одной стороны, рассказ Хён Джингона во многом наследует рассказу Чехова «Тоска», и мы не можем не отметить созвучность слова «운수 [унсу]» («судьба, удача») из названия рассказа корейского писателя и слова «우수 [усу]» («тоска»), которым на корейский язык было переведено название рассказа русского писателя. Можно предположить, что этой созвучностью был в некоей мере мотивирован выбор слова для обозначения понятия «удачи».

С другой стороны, слову «운수(運數) [унсу]» со значением «судьба, удача» омонимично слово «운수(運輸) [унсу]» со значением «перевозка, транспортировка». Таким образом, название дает читателю намек на занятие главного героя, а кроме того, указывает сразу на два сюжетообразующих мотива текста: мотив судьбы и мотив пути. Путь и судьба — ассоциированные понятия. В мировой художественной литературе путь нередко выступает в качестве метафоры жизни, судьбы. В русском языке есть устойчивое словосочетание «жизненный путь».

Рассмотрим хронотоп двух рассказов.

Слово «날 [наль]» («день») в заглавии задает временные рамки повествования: описываемые события укладываются в один день, завязываясь утром, когда герой приступает к работе, и подходя к развязке вечером, как только он позволяет себе расслабиться.

Пространство в обоих рассказах четко делится на привычное для героя и чужое. В рассказе Хён Джингона привычное пространство, ежедневно обеганное рикшей в поисках пассажиров, ограничивается окрестностями его дома, в рассказе Ли Мунёля таковое пространство

²³ Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного произведения // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / Науч. ред. П.Е. Бухаркин. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 223–238.

шире, поскольку герой управляет не коляской, а машиной, позволяющей передвигаться на большие расстояния. Оба героя выходят за рамки привычного пространства в погоне за крупным кушем: рикша везет выгодного клиента до Южных ворот, до которых около 15 *ли*, а водитель за дополнительную плату едет по поручению директора в другой город.

Но если Хён Джингон разворачивает перед читателями трагедию, то Ли Мунёль — фарс. Герой рассказа, написанного в колониальный период — рикша, бегающий с коляской, а герой рассказа, написанного в эпоху быстрого экономического роста РК, — водитель, который катается на хорошем, пусть и чужом, автомобиле. Рикша не способен заработать своей жене даже на еду, а водитель не может купить жене модной одежды. У рикши есть ребенок, и он тоже голодает, а ребенку водителя еще только предстоит родиться. Один постоянно беспокоится о жене, а другой радуется возможности измены. Оба пересчитывают в уме заработанные деньги. Но водитель, смешивая читателей, делает это даже в бунгало, пока мисс Янь умывается. У рикши умирает жена, а у водителя — несостоявшаяся любовница. Оба героя, каждый в свою эпоху — бедняки и неудачники. Только вот эпохи эти очень разнятся.

Это, наверное, и хотел показать Ли Мунёль. Как нам кажется, его рассказ, опираясь на рассказ Хён Джингона, содержит аллюзии на написанный в то же время и упомянутый нами выше рассказ Чу Ёсопа «Рикша». В рассказе Ли Мунёля, так же как и в рассказе «Рикша», во-первых, умирает сам герой, а во-вторых, звучит мотив отравления: в рассказе Чу Ёсопа герой физически травится дешевой едой и умирает, а в рассказе Ли Мунёля убийца кричит о духовном отравлении молодежи, которое ведет ее к гибели.

Примечательно, что последняя часть вышедшего в 2021 г. на платформе Netflix южнокорейского сериала «Игра в кальмара» называется «Удачный день». В этом сериале люди, оказавшиеся в разного рода критических ситуациях, играют на острове в смертельные игры в надежде получить огромный приз и наладить жизнь. Главный герой сериала в итоге получает деньги, но после всего пережитого не находит в себе сил притронуться к ним. Его мать умирает, а дочку бывшая жена увозит в США. Очевидно, что корейские зрители видят в названии последней части сериала отсылку к рассказу Хён Джингона, к ситуации, когда удача оказывается мнимой, и человек, обретая деньги, не обретает счастья. Для иностранных зрителей эта отсылка остается незамеченной.

Подводя итог сопоставительному анализу трех рассказов корейских писателей и двух рассказов русских писателей, мы хотели бы особо отметить следующее:

1) Хотя принято считать, что Хён Джингон написал рассказ «Удачный день» под впечатлением от рассказа А.П. Чехова «Тоска», во многом это произведение Хён Джингона перекликается с переведенным им самим на корейский язык рассказом М.П. Арцыбашева «Счастье».

2) С рассказом Хён Джингона «Удачный день» (1924) можно напрямую сравнивать на предмет трагичности опубликованный годом позже рассказ Чу Ёсопа «Рикша» (1925), но не рассказ Ли Мунёля «Удачный день» (1987), относящийся к эпохе постмодерна.

3) Главным достоинством рассказа Ли Мунёля, отсылающего к рассказу Хён Джингона, является не трагичность, а ироничность. Сопоставляя два рассказа, мы получаем возможность сравнить жизнь в колониальной, единой еще Корее, и жизнь в Республике Корея периода бурного экономического роста, видим, как изменилось корейское общество, его потребности и нравы.

4) Благодаря Хён Джингону в корейском культурном пространстве со словосочетанием «Удачный день» уже целый век ассоциируется мнимая удача.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.П. Чехов в воспоминаниях современников / Вступ. статья А. Туркова; Сост., подгот. текста и коммент. Н. Гитович. М.: Худож. лит., 1986. 735 с.
2. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного произведения // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / Науч. ред. П.Е. Бухаркин. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 223–238.
3. Арцыбашев М.П. Счастье // Арцыбашев М. П. Собрание сочинений в трех томах (Т. 3). М.: Терра, 1994. С. 430–437.
4. Ерофеев В. Поэтика и этика рассказа: (Стили Чехова и Мопассана) // Ерофеев В. Лабиринт Один: Ворованный воздух. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 424–449.
5. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты — Тема — Приемы — Текст. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
6. Ким Гын Сик. Как в Корее воспринимается А. С. Пушкин // Ноомунхак [Русская филология]. 1997. № 9. С. 229–252.
7. Ким Хёнтхэк. Русская литература в Корее: исторический обзор // Материалы первой российско-корейской научно-практической конференции литературных переводчиков (Москва, 21–22 декабря 2009 г.) М.: Восточная литература, 2010. С. 5–10.
8. Ли Мунёль. Удачный день // Ли Мунёль. Вспышки воспоминаний: Сборник рассказов. М.: Текст, 2020. С. 182–200.

9. *Прокопов Т.Ф.* Возвращение Михаила Арцыбашева // Арцыбашев М.П. Наш третий клад: Повести и рассказы. Роман. Записки писателя / Сост., вступ. ст., примеч. Т.Ф. Прокопова. М.: Школа-Пресс, 1996. URL: <http://www.philology.ru/literature2/prokopov-96.htm>.
10. *Хён Джингон.* Удачный день // Солдатова М.В., Пак К.А. Современная литература Кореи: Учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2003. С. 81–91.
11. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1974–1983.
12. *Чехов А.П.* Тоска // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 4. [Рассказы, юморески], 1885–1886. М.: Наука, 1976. С. 326–330.
13. *Янаги Томико.* Чехов в Японии: Переводы, критика, отклики писателей (1902–1945): Обзор // Чехов и мировая литература. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Кн. 3. С. 79–98.
14. И тар-ый сосоль. Ли Мунёль мунечиёрымхо пальпхёджак. «Унсу чойн наль» соджэ-ва киппоп модо сантхуджок. «...Ильгыроджин ёньунъ» ани хведгожок чинсулло сиксан [Проза месяца. Произведения Ли Мунёля в летних номерах литературных журналов. «Удачный день» — и содержание, и приемы банальны. «...Испорченный герой» — надоели простые повествования с отсылками к прошлому] // Чунъанъ ильбо 1987.07.28 (на кор. языке). URL: <https://www.joongang.co.kr/article/2110507>.
15. *Квон Ёньмин* *вс [Квон Ёньмин и др.]* Хангук кындэ мунхагый росиа мунхак суёнъ [Восприятие русской литературы корейской литературой Нового времени]. Сеул: Соуль тэхаккё чхульпхан мунхавон, 2016. 214 с.
16. *Ли Мунёль.* Иу-нын север-ый парамсори-рыль тырымё [Слушая ветер поры увядания] // Ли Мунёль. Мунхак эльбом [Литературный альбом]. Унъджин чхульпхан, 1994. С. 151–170.
17. *Ли Санъёнъ.* Чхехоп-ква Хён Джингон-ый тамнон: чудже кусонъ-ый мишак. Чхехоб-ый <Усу>, <Чамдыльго сипхо>-ва Хён Джингон-ый <Унсу чойн наль>, <Пуль>-ыль чунъсим-ыро [Дискурс Чехова и Хён Джингона: эстетика тематической структуры (на примере рассказов Чехова «Тоска», «Спать хочется» и рассказов Хён Джингона «Удачный день», «Огонь»)] // Сонъгок нончхонъ. 1998. 29(1). С. 481–527.
18. *Пак Чонъхва.* Тэджон-ихуый Чосон-ый мунеундонъ [Литературное движение в Корее после Мировой войны] // Тонъа ильбо. 1929.1.1. С. 6
19. *Хён Джингон.* Чосонхон-гва хёндэ чонъсин-ый пхаак [Понимание души Кореи и духа современности] // Кэбёк, 1926. № 65. С. 134–135.
20. *Чо Донъиль и др.* Хангук мунхак канъи [Лекции по корейской литературе]. Кильбот, 1999. 414 с.
21. *Чо Ёнхён.* Хангук хёндэ мунхакса [История современной корейской литературы]. Сонъмунгак, 1969.
22. *Чон Хансонъ.* Хён Джингон-ый <Унсу чойн наль>е натхана-нын айрони(irony)-ый кёюк ёнгу [Образовательное исследование иронии рассказа «Удачный день» Хён Джингона] // Кугомунхак [Корейская филология], 2009. № 46. С. 335–367.
23. *Чу Ёсон.* Иллёккогун [Рикша] // Саранъ сонним-гва омонн: Чу Ёсон чунътанпхёнсон / [Гость в комнате отца и мать: сборник повестей и рассказов Чу Ёсона]. Сеул: Мунхакква чисонъса, 2012. С. 19–37.

REFERENCES

1. A.P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov [A.P. Chekhov in the Memoirs of his Contemporaries]. Introductory article by A. Turkov; Compilation, preparation of the text and comments by N. Gitovich. Moscow, Hudozh. Lit. Publ., 1986. 735 p.
2. *Arnol'd, I.V.* Znachenie sil'noi pozitsii dlya interpretatsii khudozhestvennogo proizvedeniya [The Importance of Strong Position for the Interpretation of a Work of Art]. In: *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality], Edited by P. E. Bukharkin. Second Ed. Moscow, «LIBROKOM» Publ., 2010. P. 223–238.
3. *Artsybashev, M.P.* Schast'e [Happiness]. In: *Artsybashev, M.P. Sobranie sochinenii v trekh tomakh (Tom 3)*. [Collection of Writings: In 3 Vol. (Vol. 3)]. M.: «Terra» Publ., 1994. P. 430–437.
4. *Erofeev, V.* Poetika i etika rasskaza: (Stili Chekhova i Mopassana) [“Poetics and Ethics of the Short Story: (Styles of Chekhov and Maupassant)]. In: *Erofeev, V. Labirint Odin: Vorovannyi vozduh*. [Maze One: Stolen Air]. M.: EKSMO-Press Publ., 2002. P. 424–449.
5. *Zholkovskii, A.K., Shcheglov, Yu.K.* Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty — Tema — Priemy — Tekst. [Works on the Poetics of Expressiveness: Invariants — Theme — Techniques — Text]. M.: «Progress» Publ., 1996. 344 p.
6. *Kim Geun-sik.* Kak v Koree vosprinimaetsya A.S. Pushkin [A Study on the Korean Reception of A.S. Pushkin]. In: *Nož munhak* [Russian Philology], No. 9, 1997. P. 229–252.
7. *Kim Hyeon-taek.* Russkaya literatura v Koree: istoricheskii obzor [“ussian Literature in Korea: a Historical Overview”. In: *Materialy pervoi rossiisko-koreiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii literaturnykh perevodchikov (Moskva, 21–22 dekabrya 2009 g.)* [Materials of the First Russian-Korean Scientific-Practical Conference of Literary Translators. (Moscow. December 21–22, 2009)]. M.: Vostochnaya Literatura Publ., 2010. P. 5–10.
8. *Yi Mun-yeol.* Udachnyi den' [A Lucky Day]. In: *Yi Mun-yeol. Vspyshki vospominanii* [“Flashes of memories”]. M.: Tekst Publ., 2020. P. 182–200.
9. *Prokopov, T.F.* Vozvrashchenie Mikhaila Artsybasheva [Return of Mikhail Artsybashev]. In: *Artsybashev, M.P. Nash tretii klad: Povesi i rasskazy. Roman. Zapiski pisatelya* [Our Third Treasure: Novellas and Short Stories. Novel. Writer's notes]. Compilation, introductory article, notes by T. F. Prokopov. M.: Shkola-Press Publ. 1996. Available at: <http://www.philology.ru/literature2/prokopov-96.htm>.
10. *Hyŏn Jin-gŏn.* Udachnyi den' [A Lucky Day]. In: *Soldatova, M.V., Pak, K.A. Sovremennaya literatura Korei: Ucheb. Posobie* [Modern Korean Literature: Textbook]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostoch. un-ta Publ., 2003. P. 81–91.
11. *Chekhov, A.P.* Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Pisma: V 12 t. [Full Collection of Writings: In 30 Vol. Letters: In 12 Vol.], USSR Academy of Science, A.M. Gorky Institute of World Literature. M.: Nauka Publ., 1974–1983.
12. *Chekhov, A.P.* Toska [Misery]. In: *Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. T. 4.* [Rasskazy, yumoreski], 1885–1886. [Full Collection of Writings: In 30 Vol. Oeuvre: In 18 Vol. T. 4. [Stories, humoresques]], 1885–1886, M.: Nauka Publ., 1976. P. 326–330.

13. *Yanagi Tomiko*. Chekhov v Yaponii: Perevody, kritika, otkliki pisatelei (1902–1945): Obzor [Chekhov v Yaponii: Perevody, kritika, otkliki pisatelei (1902–1945): Obzor [Chekhov in Japan: Translations, Criticism, Writers' Responses (1902–1945): A Review]. In: Chekhov i mirovaya literatura [Chekhov and World Literature]. M.: RAS Institute of World Literature Publ., 2005. Book 3. P. 79–98.
14. Idar-üi sosöl. Yi Mun-yöl munyejiyörümho balp'yojak. <Unsu joün nal> sojaewa gippöp modu sangt'ujök. <...Ilgüröjin yöngung> ani hwegojök chinsullo siksang [Prose of the Month. Yi Mun-yöl 's Works Published in the Summer Issues of Literary Magazines: “A Lucky Day” — both the material and the techniques are banal, “...Twisted Hero” — we are tired of simple narratives with references to the past]. In: Jungang Ilbo, 1987.07.28. Available at: <https://www.joongang.co.kr/article/2110507> (Date of Access: 5.04.2023).
15. *Kwon Yeongmin et al.* Hanguk gündae muhag-üi rösia munhak suyong [The Reception and Influence of Russian Literature on Modern Korean Literature]. Seoul: Seoul National University Press, 2016. 214 p.
16. *Yi Mun-yöl*. Iun-ün sewör-üi baramsori-rül türümyö [Listening to the Wind of Withering Times]. In: *Yi Mun-yöl*. Munhak Aelböm [The Literary Album]. Ungjin Chulpan Publ., 1994. P. 151–170.
17. *Yi Sang-yong*. Chehop-kwa Hyön Jin-gön-üi tamnon: chuje kusöng-üi mihak. Chehob-üi <Usu>, <Chamdülgo sipö>wa Hyön Jin-gön-üi <Unsu choün nal>, <Bul>ül chungsim-üro [An Analysis of Aesthetics of Thematic Compositional Devices of Chekhov's and Hyeon Jin-geon's Narratives. Focusing On the stories “Misery”, “I Want to Slip” by Chekhov and the stories “A Lucky Day”, “Fire” by Hyeon Jin-geon]. In: Seonggok Nonchong, no. 29(1), 1998. P. 481–527.
18. *Pak Jong-hwa*. Daejön-ihuüi Chosön-üi munyeundong [Literary movement in Korea after World War]. In: Donga Ilbo, 1929.1.1. P. 6.
19. *Hyön Jin-gön*. Chosönhon-gwa hyöndae jöngsin-üi p'aak [Understanding the Soul of Korea and the Spirit of Modernity]. In: Kaeböyk, No. 65, 1926.
20. *Jo Dong-il et al.* Hanguk munhak kangüi [Lectures on Korean Literature]. Gilbeot Publ., 1999. 414 p.
21. *Jo Yeon-hyeon*. Hanguk hyöndae munhaksa [History of Modern Korean Literature]. Seongmungak Publ., 1969.
22. *Jeon Han-seong*. Hyön Jin-gön-üi unsu joün nar-e nat'ana-nün airöni(irony)-üi gyoyuk yöngu [Educational Study of Irony Contained by Hyön Jin-gön's “A Lucky day”]. In: Gugö munhak [Korean philology], no. 46, 2009. P. 335–367.
23. *Ju Yo-seop* Illyökgökkun [Rickshaw]. In: Sarang sonnimg-gwa ömöni: Ju Yo-seop chungdanp'yönsön [The Houseguest and my Mother: Collection of Novels and Short Stories by Ju Yo-seop]. Seoul: Munhakgwa jiseongsa Publ., 2012. P. 19–37.

Статья поступила в редакцию 16.07.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 26.10.2023.

The article was submitted 16.07.2023; approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 26.10.2023.

ОБ АВТОРАХ

Мария Васильевна Солдатова — кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Российского государственного гуманитарного университета; maria_soldatova@hotmail.com

Ксения Арнольдовна Пак — старший преподаватель кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета; pakxeniya@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Maria V. Soldatova — Ph.D. in Philology, Associate Professor of Oriental Languages Department, Russian state University for the Humanities; maria_soldatova@hotmail.com;

Ksenia A. Pak — Senior Lecturer of Korean Studies Department, Far Eastern Federal University; pakxeniya@gmail.com

ЭКОНОМИКА

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-9

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В КОНЦЕ 1970-Х ГГ.: ПЕРЕХОД К ДЕРЕГУЛИРОВАНИЮ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРЕЗИДЕНТСТВА ПАК ЧОНХИ

М.П. Кукла

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
kukla.mp@dvfu.ru*

Аннотация: В настоящей статье рассмотрена экономическая политика в последние годы президентства Пак Чонхи (вторая половина 1970-х гг.), завершившие период бурного экономического роста и знаменовавшие переход к экономическому дерегулированию. В российском корееведении распространена точка зрения, что трансформация экономической стратегии Республики Корея произошла в период президентства Чон Духвана, уже после гибели Пак Чонхи. Данная работа анализирует политические аспекты отхода Республики Корея от индустриализации, построенной на всесторонней бюджетной поддержке тяжелой промышленности в последние годы президентства Пак Чонхи. Особое внимание уделяется роли институтов управления экономикой в трансформации экономической стратегии.

В статье рассмотрены внутренние и внешние факторы, с которыми столкнулась южнокорейская экономика в 1970-е гг. — дисбалансы, появившиеся в экономике в результате индустриализации, нефтяные кризисы 1970-х гг. — и методы правительства Республики Корея по борьбе с их последствиями. Проанализирована система принятия ключевых экономических решений и институты экономической политики, в частности, Управление по экономическому планированию. Особое внимание уделено анализу стабилизационных мер, объявленных Пак Чонхи в 1979 г., которые фактически ознаменовали переход к новой неолиберальной модели управления экономикой.

Ключевые слова: Республика Корея, 1970-е гг., Пак Чонхи, Управление по экономическому планированию, нефтяной кризис, стабилизационная политика

Для цитирования: Кукла М.П. Трансформация экономической стратегии Республики Корея в конце 1970-х гг.: переход к дерегулированию в последние годы президентства Пак Чонхи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 3. С. 147–160. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-9.

THE TRANSFORMATION OF THE ECONOMIC STRATEGY OF THE REPUBLIC OF KOREA IN THE LATE 1970S: THE TRANSITION TO DEREGULATION DURING THE LAST YEARS OF PARK CHUNG-HEE'S PRESIDENCY

Marina P. Kukla

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; kukla.mp@dvfu.ru

Abstract: This article examines the economic policy in the last years of Park Chung-hee's presidency (second half of the 1970s), ending the period of rapid economic growth and marking the transition to economic deregulation. The period under review is marked by significant political, social and economic changes. In Russian Korean studies, the process of transformation of the economic policy of the Republic of Korea at the turn of the 1970–80s is shown in insufficient detail. This work analyzes the political aspects of the transition from industrialization, built on the budget support of heavy industry, to deregulation of economic in the Republic of Korea during the last years of presidency of Park Chung-hee. Particular attention is paid to the role of economic management institutions in this transformation.

The article examines internal and external factors which South Korean economy faced in 1970s (including imbalances resulted from industrialization, 1970s oil shocks, etc.) as well as methods South Korean government utilized to deal with their consequences. The system for making key economic decisions and the discussion around economic policy measures, in particular the role of the Economic Planning Department, are analyzed. Particular attention is paid to the analysis of the stabilization measures announced by Park Chung-hee in 1979, which actually marked the transition to a neoliberal model of economy.

Key words: Republic of Korea, Park Chung-hee, economic policy, oil shock, 1970s, stabilization policy

For citation: Kukla M.P. The transformation of the economic strategy of the Republic of Korea in the late 1970s: the transition to deregulation during the last years of Park Chung-hee's presidency. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2023, Vol. 67, No. 3, pp. 147–160. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-9 (In Russ.)

Стратегия экономического развития правительства Пак Чонхи: последствия и оценки

Экономический успех Южной Кореи в 1960–1970-е гг. стал во многом результатом активного вмешательства государства в экономику, огромную роль в котором сыграл лично президент страны

Пак Чонхи¹, доказавший всему миру эффективность жестких авторитарных методов управления экономикой².

Экономический прорыв РК был построен на форсированной экспортно ориентированной индустриализации, достигнутой за счет развития крупных предприятий тяжелой и химической промышленности. Для их стимулирования применялась широкая система мер: индикативное планирование, валютный контроль, защита внутреннего рынка от конкурирующего импорта, а также преференциальное кредитование³. Уже в конце 1960-х гг. были приняты первые законы о стимулировании отдельных отраслей: судостроения, сталелитейной и нефтехимической и др., а в 1973 г. была объявлена Декларация об индустриализации (*букв.* План индустриализации посредством развития отраслей тяжелой и химической промышленности).

Вопрос привлечения капитала в предприятия тяжелой промышленности стал для правительства первоочередным. Необходимо было направить большой поток капитала в капиталоемкие долгосрочные проекты, при этом не допустив роста внешнего долга и зависимости от иностранных инвестиций. Для этого требовались серьезный контроль государства над кредитно-финансовой сферой и бюджетная поддержка.

Одним из главных стимулов экспортно ориентированного развития промышленности в Республике Корея был дешевый и доступный кредит. Созданная в 1960-е гг. система экспортного кредитования предполагала возможность предоставления банками краткосрочных кредитов под низкий процент для любого предприятия-производителя, предъявляющего банку подтверждение получения экспортного заказа⁴. В середине 1970-х гг. ставки по кредитам для предприятий тяжелой промышленности в среднем составляли 9%, тогда как для других отраслей — 15,5%. Эту серьезную разницу полностью

¹ Мельянцева В.А., Горюжанкина А.А. Южнокорейское чудо, или не боги горшки обжигают // Восток (Oriens). 2018. №3. С. 148–162., Коргун И.А., Попова Л.В. Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея (1950–2000-е гг.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. С.40; Прозоровский А.С. Политический лидер и модернизация на Востоке. Опыт Индонезии и Южной Кореи во второй половине XX века. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 132.

² Курмызов А.А. Режим Пак Чон Хи в зеркале современной российской историографии // Восток. Oriens. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2023. Вып. 1. С. 217.

³ Коргун И.А., Попова Л.В. Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея (1950–2000-е гг.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. С. 40.

⁴ Горбунов Р.А. Селективность в системе денежно-кредитного регулирования: теоретические основы и опыт реализации в Республике Корея. Владивосток: ДВГУ, 2003. С.130.

компенсировал государственный бюджет. Другим стимулом для тяжелых и химических отраслей стали налоговые послабления: в среднем налоги на предприятия легкой промышленности были на 30–35% выше⁵.

Государственный контроль за экономическим развитием требовал особой системы управления экономикой. В системе принятия политических решений IV Республики особую роль играло Управление экономического планирования (УЭП), которое занимало доминирующее положение среди органов управления экономикой⁶. Управление было создано в 1961 г. путем слияния Министерства возрождения, Министерства финансов и Агентства по планированию. В 1963 г. Пак Чонхи усилил позиции УЭП, совместив пост его главы с постом заместителя премьер-министра. Фактически возникла структура, параллельная правительству, и напрямую подчинявшаяся президенту⁷. Как независимая государственная структура УЭП просуществовало до 1994 г., после чего вошло в состав Министерства стратегии и финансов.

Стратегия индустриализации, несмотря на все успехи, породила проблемы и диспропорции в экономике. Мобилизация ресурсов в тяжелой и химической промышленности вызвала концентрацию капитала в этих отраслях и хроническое недоинвестирование предприятий легкой промышленности. Производственные мощности тяжелой и химической промышленности быстро росли, и в условиях низкого внутреннего спроса недоиспользовались. Общая производительность при этом была низкой⁸. Чеболи сформировали устойчивую модель управления, при которой на базе дешевого кредита запускали новые проекты вместо повышения эффективности существующих.

С другой стороны, в этот период формировались предпосылки демократизации. Так, по мнению А.С. Прозоровского, авторитарный режим, «успешно решая вопросы экономического и социального развития, тем самым постепенно размывал почву собственного существования. По мере экономического прогресса в обществе появляются слои, которые становятся менее зависимыми от власти, начинают требовать сокращения ее контроля, предоставления себе

⁵ Park Yongjin. *Modern Korean Economy. 1948–2008*. Seoul. 2018. P. 93–95.

⁶ Прозоровский А. С. «Догоняющее» развитие и модернизаторский авторитаризм в Южной Корее // *Общественные науки и современность*. 2020. № 3. С. 77.

⁷ Прозоровский А. С. *Политический лидер и модернизация на Востоке. Опыт Индонезии и Южной Кореи во второй половине XX века*. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 98.

⁸ Коргун И. А., Попова Л. В. Указ. соч. С. 40.

политических прав»⁹. А.Н. Ланьков в свою очередь утверждает, что все «диктатуры развития» имели одну особенность: экономический успех неизбежно подрывал их политическую базу. С ростом благосостояния повышался образовательный уровень и формировался средний класс, а за этим неизбежно следовали политические перемены¹⁰.

Влияние нефтяных кризисов 1970-х гг. на экономику РК

Благодаря всесторонней поддержке государства отрасли тяжелой и химической промышленности стали основой экономического успеха страны. Если в 1970 г. на них приходилось лишь 10% экспорта, то к 1980 г. эта доля выросла до 40%, а сам экспорт за 10 лет вырос в 20 раз¹¹.

Однако высокая энергоёмкость этих отраслей предопределила зависимость экономики страны от колебаний международных цен на энергоносители. В 1970-е гг. эта зависимость стала особенно критичной на фоне двух нефтяных кризисов, сопровождавшихся кратным ростом цен на нефть. Для Республики Корея, как и для большинства стран мира, результатом кризисов стали инфляция и замедление экономического роста.

В результате первого нефтяного кризиса 1973–1974 гг. цены на нефть выросли в четыре раза. В этих условиях правительство РК сохранило курс на развитие тяжелой и химической промышленности, однако развернуло антиинфляционные меры — корректировались цены, налоги, заработные платы, процентные ставки, чтобы бремя инфляции было распределено между различными секторами экономики. 14 января 1974 г. Пак Чонхи объявил «Чрезвычайные президентские меры по стабилизации жизни населения» (*кукмин сэнхваль анчжон-ыль вихан тэтхоннён кингып чочхи*)¹². Меры представляли собой поправки к налоговому, таможенному и трудовому законодательству и были направлены на поддержку малообеспеченных категорий населения и предприятий. Предполагалось сокращение налогов на граждан с низкими доходами, повышение налогов на алкоголь (1,2–2,5 раза на разные виды алкогольных напитков) и пред-

⁹ Прозоровский А.С. Политический лидер и модернизация на Востоке. С.23.

¹⁰ Ланьков А.Н. Взлет и падение «диктатуры развития» в Южной Корее // Отечественные записки. № 6 (57), 2013. URL: <http://ru-90.ru/node/1495>

¹¹ Park Yongjin. Op. cit. P. 101.

¹² Кукмин сэнхваль анчжон-ыль вихан тэтхоннён кингып чочхи. Че 3 хо., 1974.1.14. [Срочные президентские меры №3 для стабилизации жизни населения. 14 января 1974 г.] URL: <https://www.law.go.kr/법령/국민생활의안정을위한대통령 긴급조치/%2800003,19740114%29> (дата обращения: 20.05.2023).

меты роскоши (золотые изделия, яхты и др.) и одновременное снижение налогов на основные потребительские товары. Вводился особый налог на легковые автомобили, который жители Сеула и Пусана выплачивали в двукратном размере, дополнительные налоги на владение различными объектами недвижимости. Предусматривались жесткие меры против задержек выплат заработной платы, запрет непроизводительного кредитования и др. Меры оставались в силе до 1 января 1975 г.¹³ Важным аспектом антикризисных мер стало энергосбережение, в частности меры по экономии автомобильного топлива и масел. Была запрещена эксплуатация некоторых видов автомобилей, а общеобразовательные школы ушли на длительные каникулы¹⁴. Срочные меры 1974 г. включали также отсрочку введения пенсионной системы.

В качестве ответной меры на растущие цены в 1975 г. был впервые принят Закон о стабильности цен и справедливой торговле, который определил методы регулирования цен и со многими поправками действует и сейчас. В целом первый нефтяной шок высветил проблемы имущественного и социального неравенства, которое сложилось в Республике Корея.

Мировая экономика быстро восстановилась после первого нефтяного шока и перешла в фазу подъема уже в третьем квартале 1975 г. Это дало толчок для экспорта РК, что наряду с урожайным годом обусловило экономический рост. Восходящие тенденции в экономике сохранялись вплоть до 1978 г., подстегиваемые строительным бумом на Ближнем Востоке, где южнокорейские предприятия получили большие заказы. За период 1974–1978 гг. платежи Южной Кореи по нефтяным поставкам в среднем составляли 1,2 млрд долл., а приток иностранной валюты, заработанной строительными компаниями, компенсировал 800 млн долл. этих расходов¹⁵.

Второй нефтяной шок оказал на экономику РК большее влияние, стал причиной длительной и глубокой рецессии. В 1978 г. цена на нефть вновь выросла в четыре раза и достигла 40 долларов за баррель.

¹³ За период президентства Пак Чонхи специальные президентские меры вводились девять раз. Рассматриваемые меры стабилизации цен были проходили как третий пакет, а приказ об их отмене зафиксирован в шестом пакете президентских мер, принятом 1 января 1975 г.

¹⁴ 1970 년엔드 소고 파돈. 2 차재 켄چه 비기-바 켄چه 켄발 차olley-ый сужон. [Нефтяной шок 1970-х гг. Два экономических кризиса и изменения в экономической стратегии.]. URL: http://contents.history.go.kr/mobile/kc/view.do?levelId=kc_i500270&code=kc_age_50#~:text=두%20차례의%20석유%20파동,이어지는%20장기%20침체로%20이어졌다 (дата обращения 20.05.2023).

¹⁵ Горбунов Р.А. Указ. соч. С.144–145.

Экономика Южной Кореи оказалась в полосе рецессии не только из-за повышения цен на нефть, но и по причине укрепления протекционистских барьеров в США и Японии (основных импортеров южнокорейских товаров, испытывавших стагфляцию) и усиления конкуренции со стороны стран АСЕАН. Увеличился дефицит торгового баланса, сокращался экспорт и валютные резервы страны. Самыми сложными в экономическом отношении стали 1979–1981 гг., когда инфляция в РК достигла пиковых значений (цены росли на 20–30% в год), усугубляясь засухой и плохим урожаем.

Разработка экономической политики в 1970-е гг.

Накопление системных противоречий в южнокорейской экономике, а также необходимость преодолеть последствия второго нефтяного шока, породили дискуссию о необходимости перемен в экономической политике.

В 1970-е гг. южнокорейские чиновники-экономисты разделялись на два лагеря. Первые поддерживали идею развития тяжелой и химической промышленности и фактически претворяли в жизнь идеи президента Пак Чонхи. Создателем стратегии развития тяжелой и химической промышленности был О Вончоль¹⁶, пользовавшийся особым доверием президента. Он был бюрократом военного происхождения, после увольнения из вооруженных сил прошедшим путь от директора автомобильного завода до второго секретаря по экономическим вопросам в правительстве РК. Не меньшим авторитетом пользовался Ким Гванмо, заместитель руководителя проектной группы стратегии развития тяжелой и химической промышленности. Оба они считали технологическое развитие более важным, чем экономическую эффективность. Суть их позиций выражена в тексте декларации об индустриализации 1973 г., которая включала лишь планы по развитию отраслей без указания на источники финансирования¹⁷.

Другой лагерь экономистов составляли либералы, считавшие, что стабильность важнее экономического роста. Большинство из них получили образование в США, уехав туда после Корейской

¹⁶ *Волощак В.И.* Военная политика Республики Корея в период правления Пак Чон-хи (1961–1979): от войны во Вьетнаме к «самостоятельной обороне». Восток (Oriens). 2021. № 2. С. 129.

¹⁷ *Пак Чихун.* Хангук син чаючжуй-ый кивон: 1979 нён 4 воль ~ 1998 нён 2 воль [Истоки южнокорейского неоллиберализма: апрель 1978 г. — февраль 1998 г.]. Соган тэхагкё тэхагвон. Чончхи вёгё хакквва, 2007. 108 p. URL: https://academic.naver.com/article.naver?doc_id=16489749 (дата обращения 20.05.2023).

войны. Эти люди составили мощный слой менеджеров, работавших в бизнесе, в Министерстве торговли и в УЭП.

В 1971 г. был учрежден Институт развития Кореи (Korea Development Institute, KDI), в первый год после его создания в Южную Корею вернулись 12 обладателей ученых степеней, 11 из которых получили их в США. Среди них следует отметить Син Хёнхвака, который впоследствии стал руководителем УЭП, а также Ким Чжэика, который в 1973 г. был назначен на две должности — руководителя отдела в Управлении экономического планирования и руководителя секретариата премьер-министра, а впоследствии стал советником по экономическим вопросам президента Чон Духвана. Новая команда экономистов-рыночников в УЭП и Министерстве финансов видела выход из сложившейся ситуации в либерализации экономики и финансовой сферы. Чеболи поддерживали эту линию, поскольку уже тяготились государственным вмешательством¹⁸.

В марте 1978 г. в Управлении экономического планирования был проведен полномасштабный мониторинг экономической ситуации в Республике Корея, на основании которого сделан вывод о необходимости изменения принципов управления экономикой. Результаты выборов в Национальное собрание 12 декабря 1978 г. также были неожиданными для Пак Чонхи, так как фиксировали рост влияния оппозиционной партии. Несмотря на то, что Пак Чонхи все же обеспечил себе большинство в парламенте, он начал задумываться о смене экономической стратегии. Президент произвел перестановки в экономических ведомствах, в том числе был уволен приверженец идей экономического роста директор УЭП Нам Догу, а на его пост назначен экономист-рыночник Син Хёнхvak. После назначения нового руководителя УЭП вопрос изменения экономической политики стал обсуждаться более активно, однако окончательного решения президента по этому вопросу не было.

В январе 1979 г. в УЭП был подготовлен постерный доклад «Новая стратегия на 1980-е гг.», в котором говорилось о необходимости отказа от чрезмерного государственного регулирования и перехода к принципам рыночной экономики. Основным тезисом доклада была необходимость дерегулирования цен, что Пак Чонхи воспринимал крайне негативно. Так же отрицательно он относился к вопросу установления рыночных процентных ставок для фондов, дающих

¹⁸ *Прозоровский А. С.* «Догоняющее» развитие и модернизаторский авторитаризм в Южной Корее. С. 80.

кредиты экспортерам и строительным компаниям. Это для него означало удар по экспорту¹⁹.

Втайне от УЭП и его руководителя Син Хёнхвака (пока тот находился в командировке) президент Пак Чонхи поручил Банку Кореи и Институту развития Кореи подготовить независимый от предыдущего доклад о состоянии корейской экономики. Доклад повторил содержание предыдущего постерного доклада, и по его результатам президент поручил разработать меры трансформации экономической политики, поставив в приоритеты стабильность финансовой системы и конкурентоспособность промышленности²⁰.

15 марта 1979 г. прошло совещание под руководством президента с участием представителей Института развития Кореи, Банка Кореи, Экономического отдела Канцелярии премьер-министра РК, где констатировалась необходимость пересмотра проектов строительства мощностей тяжелой химической промышленности и благоустройства сельского жилья. По результатам совещания были приняты стабилизационные меры, ознаменовавшие решительный поворот в экономической стратегии.

Стабилизационные меры 17 апреля 1979 г.

Всеобъемлющие меры экономической стабилизации (*кёнчже анчхон хвачон хансичхэк*) были объявлены 17 апреля 1979 г. Трансформацию модели экономического развития, сформированную генералом Пак Чонхи еще в 1960-е гг., фактически запустил он сам.

Новые стабилизационные меры фокусировались не на поддержании высоких темпов экономического роста (которые в середине 1970-х гг. превышали 10%), а на стабильности экономики, для достижения которой предлагалось поддерживать баланс между экономическим ростом, экспортом и инвестициями. Экономические круги признали, что инфляция была вызвана чрезмерным инвестированием в тяжелую и химическую промышленность, в связи с чем предлагалось перейти к мерам финансового сдерживания. Это означало сокращение бюджета: урезание социальных расходов, замораживание зарплат госслужащих и закупочных цен на рис, остановку

¹⁹ Кан Гванха, Ли Ёнхун, Чхе Сано. Хангук кодо сончжанги-ый чончхэк кельчон чхеге — кёнчже кихвеквон-гва чончхэк чхучжин кигу [Система экономической политики ускоренного экономического роста в Республике Корея — роль Бюро по экономическому планированию и институтов экономической политики]. Сеул, 2008, С. 215.

²⁰ Пак Чихун. Указ. соч. Р. 46.

проектов благоустройства сельского жилья и строительства новых правительственных зданий. Но главным содержанием мер должно было стать сокращение государственной поддержки экспортных отраслей и инвестиций в тяжелую и химическую промышленность²¹.

Новая стабилизационная политика встретила с большим сопротивлением. Министерство торговли и промышленности выступало против либерализации импорта и сокращения финансирования экспорта, к чему присоединились предприятия-экспортеры. Все они в один голос были против главной антиинфляционной меры — повышения процентной ставки, которое отрицательно сказалось на доступности кредита для промышленных предприятий. Несмотря на противодействие, стабилизационные меры продолжали реализовываться.

Осенью 1979 г. корейская экономика столкнулась с серьезными проблемами: увеличилось число корпоративных банкротств, углубился экономический спад и выросла безработица. Президент Пак Чонхи был недоволен экономическими проблемами, в том числе замедлением экспорта, и требовал у чиновников-экономистов возобновить финансирование экспортных предприятий для того, чтобы восстановить темпы роста экспорта. У президента даже были планы провести замену руководителей экономического блока, в частности уволить Син Хёнхвака²².

Разногласия вокруг принятых мер были в разгаре, когда 26 октября 1979 г. президент Пак Чонхи, который фактически консолидировал антистабилизационные силы, был убит. На следующий же день, 27 октября, министры экономического блока выступили на пресс-конференции с заявлением о том, что в фундаменте экономической политики не будет никаких изменений, и все экономические ведомства будут согласованно поддерживать нормальную экономическую активность в стране²³. Таким образом, гибель Пак Чонхи поставила точку в вопросе противников стабилизационной политики и фактически ознаменовала конец политики поддержки индустриализации.

В начале 1980-х гг. окончательно поменялись приоритеты экономического развития и методы регулирования экономики. Во-первых,

²¹ Кан Гванха и др. Указ. соч. С. 215.

²² Пак Чихун. Указ. соч. С. 108.

²³ Кёндже хвальтон чонсан юджи [Сохраняем нормальную экономическую активность] // Мэиль Кёндже (Economic Daily). 1979.10.28. URL: <https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?articleId=1979102800099201003&officeId=00009> (дата обращения 20.05.2023).

от мер промышленной политики, которые активно применялись в фазе бурного экономического роста, государство перешло к более активному использованию мер кредитно-денежной, бюджетной и фискальной политики. Во-вторых, от стимулирования традиционных отраслей промышленности приоритет перешел к наукоемким отраслям — электронике, производству полупроводников. Наконец, в дополнение к экспорту важным механизмом стимулирования экономического роста стало поощрение внутреннего спроса.

* * *

Трансформация экономической стратегии Республики Корея в конце 1970 — начале 1980-х гг. произошла под воздействием комплекса причин: дисбалансов индустриализации, последствий двух нефтяных кризисов, инфляционного давления. Кроме этого, период конца 1970 — начала 1980-х гг. характеризовался политическими изменениями, последовавшим за убийством президента Пак Чонхи, ростом социального недовольства из-за роста цен и усилением противостояния правительства и крупного бизнеса.

Стабилизационные меры, объявленные в 1979 г. президентом Пак Чонхи, ознаменовали конец его экономической стратегии индустриализации посредством тяжелой и химической промышленности. С них начался переход РК к дерегулированию и либерализации. Либеральные реформы, в полной мере начатые администрацией Чон Духвана, продолжались еще два десятилетия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волощак В.И.* Военная политика Республики Корея в период правления Пак Чонхи (1961–1979): от войны во Вьетнаме к «самостоятельной обороне» // Восток (Oriens). 2021. № 2. С. 123–133. DOI: 10.31857/S086919080014177-1
2. *Горбунов Р.А.* Селективность в системе денежно-кредитного регулирования: теоретические основы и опыт реализации в Республике Корея. Владивосток, 2003. 232 с.
3. *Коргун И.А., Попова Л.В.* Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея (1950–2000-е гг.). СПб., 2011. 244 с.
4. *Курмызов А.А.* Режим Пак Чон Хи в зеркале современной российской историографии // Восток. Oriens. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2023. Выпуск 1. С. 215–227. DOI: 10.31857/S086919080023985-0
5. *Ланьков А.Н.* Взлет и падение «диктатуры развития» в Южной Корее // Отечественные записки. № 6 (57), 2013. URL: <http://ru-90.ru/node/1495>.
6. *Мельянцева В.А., Горожанкина А.А.* Южнокорейское чудо, или не боги горшки обжигают // Восток (Oriens). 2018. № 3. С. 148–162. DOI: 10.7868/S0869190818030123

7. Прозоровский А.С. «Догоняющее» развитие и модернизаторский авторитаризм в Южной Корее // *Общественные науки и современность*. 2020. № 3. С. 72–83. DOI: 10.31857/S086904990010070-9
8. Прозоровский А.С. Политический лидер и модернизация на Востоке. Опыт Индонезии и Южной Кореи во второй половине XX века. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 132 с.
9. Park Yongjin. *Modern Korean Economy*. 1948–2008. Seoul, 2018. 299 p.
10. 1970 년대 초의 경제 위기. 두 차례의 경제 위기. 두 차례의 경제 위기. 두 차례의 경제 위기. [Нефтяной шок 1970-х гг. Два экономических кризиса и изменения в экономической стратегии.]. URL: http://contents.history.go.kr/mobile/kc/view.do?levelId=kc_i500270&code=kc_age_50#:~:text=%20차례의%20석유파동,이어 지는%20장기%20침체로%20이어졌다.
11. Кан Гванха, Ли Ёнхун, Чхве Сано. Хангук кодо сончжанги-ый чончхэк кельчон чхеге — кёнчже кихвеквон-гва чончхэк чхучжин кигу [Система экономической политики ускоренного экономического роста в Республике Корея — роль Бюро по экономическому планированию и институтов экономической политики]. Сеул, 2008. 388 с.
12. Кукмин сэнхваль анчжон-ыль вихан тэтхоннён кингып чочхи. Че 3 хо., 1974. 1. 14. [Срочные президентские меры № 3 для стабилизации жизни населения. 14 января 1974 г.]. URL: <https://www.law.go.kr/법령/국민생활의안정을위한다통령긴급조치/%2800003,19740114%29>.
13. Пак Чихун. Хангук син чаочжужуй-ый кивон: 1979년 4월 ~ 1998년 2월 [Истоки южнокорейского неолиберализма: апрель 1978 г. — февраль 1998 г.]. Соган тэхаккё тэхагвон. Чончхи вегё хакква, 2007. 108 p. URL: https://academic.naver.com/article.naver?doc_id=16489749.
14. Хан Сокчи. 1980 년대 한구-ый кёнчже чончхэк пёнхва-ва чончхэк сонтхэг-ый чончхи [Изменения в экономической политике Республики Корея и политическая экономика в 1980-е гг.]. Р. 93–109. URL: <https://oak.jejunu.ac.kr/bitstream/2020.oak/1062/2/1980%EB%85%84%EB%8C%80%20%ED%95%9C%EA%B5%AD%EC%9D%98%20%EA%B2%BD%EC%A0%9C%EC%A0%95%EC%B1%85%20%EB%B3%80%ED%99%94%EC%99%80%20%EC%A0%95%-EC%B1%85%EC%84%A0%ED%83%9D%EC%9D%98%20%EC%A0%95%EC%B9%98.pdf>.

REFERENCES

1. Voloshchak, V.I. *Voyennaya politika Respubliki Koreya v period pravleniya Pak Chonkhi (1961–1979): ot voyny vo Vyetname k «samostoyatel'noy oborone»* [Republic of Korea's Defense Policy under Park Chung-hee (1961–1979): From the Vietnam War to “Self-Reliant Defense”]. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. P. 123–133. DOI: 10.31857/S086919080014177-1.
2. Gorbunov, R.A. *Selektivnost' v denezhno-kreditnom regulirovanii: teoreticheskiye osnovy i opyt realizatsii v Yuzhnoy Koree*. [Selectivity in the System of Monetary and Credit Regulation. Theoretical Principles and South Korean Experience]. Vladivostok, 2003. 238 p.
3. Korgun, I.A., Popova, L.V. *Vneshneekonomicheskiy faktor v razviti Respubliki Koreya (1950–2000-e gg.)* [Foreign economic factor in the development of the Republic of Korea (1950–2000)]. Saint Petersburg, 2011. 244 p.

ОБ АВТОРЕ

Кукла Марина Петровна — канд.экон.наук, доцент кафедры корееведения Восточного института Школы региональных и международных исследований ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет». ORCID 0000-0001-6245-7565; kukla.mp@dvfu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina P. Kukla — Ph.D. in Economy, Associate professor at the Department of Korean Studies, Oriental Institute — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University. ORCID 0000-0001-6245-7565; kukla.mp@dvfu.ru

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-10

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

В.Д. Андрианов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; andrianov_vd@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы создания и реализации стратегии построения зеленой экономики в Республики Корея. Анализируются направления внедрения принципов устойчивого развития и зеленого роста в ведущие отрасли экономики и роль государства в этом процессе. Определяются финансовые и институциональные драйверы зеленого роста южнокорейской экономики. Приводятся цели, задачи и целевые показатели реализации Нового зеленого курса Южной Корея на период 2020–2025 гг.

Ключевые слова: устойчивое развитие, изменение климата, защита окружающей среды, зеленая экономика, драйверы зеленого роста, экономика с нулевым карбоновым следом, энергоэффективность

Для цитирования: Андрианов В.Д. Республика Корея на пути построения зеленой экономики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 3. С. 161–179. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-10.

THE MAIN STAGES OF CREATING A GREEN ECONOMY IN SOUTH KOREA

Vladimir D. Andrianov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; andrianov_vd@mail.ru

Abstract: The article discusses the main stages of creating and implementing a strategy for building a green economy in the Republic of Korea. The directions of implementation of the principles of sustainable development and green growth in the leading sectors of the economy and the role of the state in this process are analyzed. The financial and institutional drivers of the green growth of the South Korean economy are determined. The goals, objectives, and targets for the implementation of the New Green Course in South Korea for the period 2020–2025 are given.

Keywords: sustainable development, climate change, environmental protection, green economy, drivers of green growth, zero carbon footprint economy, energy efficiency

For citation: Andrianov V.D. The main stages of creating a green economy in South Korea. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2023, Vol. 67, No. 3, pp. 161–179. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-10 (In Russ.)

Провозглашенная в начале текущего столетия в мировом обществе политика зеленого роста, призванная преодолеть давнее противоречие между экономическим ростом и экологической устойчивостью экономики эволюционировала от просто модного слова у политиков до **новой научной парадигмы развития мировой экономики**.

Республика Корея одна из первых среди новых индустриальных стран Азии разработала и успешно реализует стратегию создания зеленой экономики, в рамках концепции устойчивого развития.

Стратегия зеленого роста Республики Корея

Новый зеленый курс для корейской экономики был провозглашен в 2008 г. президентом **Ли Мён Баком** (2008–2012) во время его речи, посвященной 60-ти летию образования Республики Корея. Президент предложил рассматривать «низкоуглеродный зеленый рост» в качестве новой национальной парадигмы развития страны.

Тогда руководство Республики Корея поставила перед собой весьма амбициозную цель уже к 2020 г. стать одной из семи ведущих в мире зеленых экономик.

В январе 2009 г. был обнародован Указ Президента «**О создании Президентского комитета по зеленому росту**» (The Presidential Committee on Green Growth)¹, основной задачей которого стала координация деятельности органов исполнительной власти, научных организаций и бизнеса по разработке, реализации политики зеленого роста.

Президентский комитет по зеленому росту считается одним из самых важных корейских инновационных институтов в области зеленого роста, учитывая его способность мобилизовать финансовые и интеллектуальные ресурсы различных ведомств и научных организаций для организации процесса зеленого роста.

¹ Совет был образован в результате слияния трёх других государственных институтов: Президентского комитета по устойчивому развитию (the Presidential Committee for Sustainable Development), Президентского комитета по энергетике (the Presidential Energy Committee) и Специальной целевой группы по изменению климата (the Special Task Force for Climate Change). В 2013 г. в структуре Президентского комитета были образованы четыре подкомитета, отвечающих за: стратегию зеленого роста; противодействие изменению климата; энергетику; зеленые технологии и промышленность.

Под руководством Президентского комитета по зеленому росту была разработана и в июле 2009 г. принята правительством Южной Кореи «**Национальная стратегия зеленого роста**» на период до 2050 г. Основными целями стратегии были провозглашены:

- обеспечение баланса между экономическим ростом и охраной окружающей среды;
- содействие международным усилиям по борьбе с изменением климата и другими экологическими вызовами;
- улучшение качества жизни и повышение международного авторитета Республики Корея в качестве одного из лидеров зеленого роста.

В рамках этой стратегии в Южной Корее был принят очередной **пятилетний план экономического развития (2009–2013)**, который обеспечивал комплексный подход к реализации стратегии зеленого роста. Следует подчеркнуть, что разрабатываемые и реализуемые планы зеленого роста в РК носят долгосрочный характер и затрагивают все сферы и отрасли экономики.

Первым комплексным планом предусматривалось уменьшить **использование ископаемых видов топлива** и тем самым сократить выбросы в атмосферу парниковых газов на 30% к 2020 г., и разработать систему ограничения торговли квотами на выброс в атмосферу углекислого газа.

Планировалось повысить энергетическую безопасность страны за счет расширения использования **возобновляемых источников энергии**, доля которых в общем энергобалансе страны должна была возрасти с 2,4% в 2009 г. до 6% в 2020 г., до 11% в 2030 г. и до 30% к 2050 г.

При этом долю **ядерной энергетики** в общем объеме производства электроэнергетики планировалось увеличить с 26% в 2007 г. до 41% к 2030 г.

Предполагалось **создание новой и модернизация существующей зеленой транспортной инфраструктуры**. В результате доля пассажирских перевозок **железнодорожным транспортом** должна была увеличивалась с 18% в 2009 г. до 26% в 2020 г. и городским общественным транспортом, с пониженным выброс в атмосферу вредных веществ, соответственно с 50 до 65%.

Внедрение современных зеленых технологий в **промышленности** должно было привести к увеличению доли товаров зеленого экспорта в общем объеме вывоза корейской промышленной продукции с 10 до 22%. На мировом рынке доля такой продукции должна была возрасти до 8% к 2020 г.

В сфере **сельскохозяйственного производства** ставилась задача восстановления и очистки рек, расширение использования органических удобрений, озелените земельных ресурсов в качестве природного барьера для мелкодисперсной пыли, что позволило бы к 2020 г. увеличить долю экологически чистой сельскохозяйственной продукции до 18%.

Особое внимание в плане уделялось необходимости разработки отечественных **зеленых технологических инноваций**, их вывод на рынок и масштабная коммерциализация.

Для достижения указанных целей правительство разработало и утвердило **налоговые и другие льготы** для отраслей и фирм перешедших на использования принципов устойчивого развития и зеленых технологий, разработало программу предоставления государственных гарантий по кредитам в этой сфере, в том числе и для предприятий малого и среднего бизнеса.

На реализацию **первого плана зеленого роста** (2009–2013) правительство Республики Корея планировало выделить из государственного бюджета на реализацию более 100 конкретных проектов ассигнования в размере 107,4 трлн вон (83,6 млрд долларов). В первый год реализации проекта, в 2009 г. было потрачено примерно 17,5 трлн вон.

Предлагаемый объем инвестиций в зеленые сектора корейской экономики составлял около 2% от ВВП Южной Кореи, что в 2 раза превышало рекомендацию по этому показателю экспертов ЮНЕП².

При этом ежегодные инвестиции в **разработку и внедрение экологически чистых технологий** планировалось увеличить с 2 трлн вон в 2009 г. до 3,52 трлн вон в 2013 г., что в сумме за пятилетие составило 13 трлн вон.

Финансовые и институциональные драйверы зеленого роста

Важную роль в финансировании программ зеленого роста сыграл созданный в 2011 г. совместно с Всемирным банком **«Корейский доверительный фонд зеленого роста»** («Korean Green Growth Trust Fund»). Секретариат фонда в октябре 2012 г. был размещен в городе Сонгдо, который считается одним из первых в Южной Корее «умным городом».

На начальном этапе в число стран-доноров фонда входили Австралия, Дания, Германия, Япония, Объединенные Арабские Эмираты,

² В марте 2009 г. ЮНЕП выпустила отчет под названием «Global Green New Deal — A Policy Brief», в котором странам мира рекомендовалось инвестировать в развитие зеленых технологий не менее 1% своего ВВП.

Великобритания, а также ведущие международные организации и компании.

Участники фонда обязались привлечь на цели развития корейской зеленой экономики 30 млрд долл. в 2012 г., а к 2020 г. увеличить этот размер до 100 млрд долл.

Первоначально фонд финансировал зеленые проекты на территории Республики Корея, однако позднее совместно с международным фондом **«World Bank Global Practices»** стал важным финансовым инструментом в поддержке Всемирного банка и его клиентов в реализации **инициатив, стратегий и инвестиций инклюзивного зеленого роста** в других странах мира.

Фонд стал финансовым механизмом аккумуляирования и перевода средств из развитых в развивающиеся страны, помогая им использовать положительный мировой опыт **защиты окружающей среды и борьбы с изменением климата.**

Республика Корея взяла на себя ведущую роль в оказании помощи развивающимся странам в разработке стратегии зеленого роста.

В настоящее время фонд работает со многими зарубежными странами для разработки целостной стратегии их зеленого роста, используя успешный корейский опыт.

По состоянию на начало 2023 г. **«Корейский доверительный фонд зеленого роста»** утвердил, финансирует и реализовывает 165 грантовых программ в секторах городского хозяйства, транспорта, информационных и коммуникационных технологий, энергетики, окружающей среды, водных ресурсов, климата и сельского хозяйства.

В рамках реализации долгосрочной стратегии зеленого роста в республике Корея в июне 2010 г. был создан **«Глобальный институт зеленого роста»**, который в октябре 2012 г. получил статус международной организацией.

В марте 2012 г. в Республике Корея был создан **«Центр зеленых технологий»**, целью организации которого является развитие передовых зеленых технологий и формирование глобальной сети для сотрудничества в экологической сфере.

В состав участников центра вошли девять корейских научно-исследовательских институтов, включая ведущий в стране **«Корейский институт науки и технологий»**.

На начальном этапе Центром были определены 27 ключевых зеленых технологий, которые получили приоритетное финансирование и развитие.

Эксперты называют **«Корейский доверительный фонд зеленого роста»**, **«Глобальный институт зеленого роста»**, **«Центр зеленых тех-**

нологий» своеобразным **зеленым треугольником**, который и стал основным финансовым институциональным драйвером развития зеленой экономики в Южной Корее.

Кроме того, существенный вклад в реализацию стратегии зеленого роста вносят другие государственные и частные организации: «Министерство окружающей среды», «Корейский институт экологической промышленности и технологий», «Национальный совет по науке и технологиям», «Корейская экологическая корпорация», «Корейская корпорация по управлению энергией», «Ассоциация зеленого бизнеса», «Корейская технологическая финансовая корпорация» и др.

Указанные организации служат своеобразным мостом между центральным и местным органами исполнительной власти, **консультативными группами по экологическому росту**, которые отвечают за продвижение зеленых трендов на уровне местного сообщества. Тем самым выстраиваются обратные связи и обеспечивается успешная реализация политики зеленого роста на региональном уровне.

В рамках зеленого роста также осуществляется тесное сотрудничество **между государственным и частным секторами**, а также представителями гражданского общества.

Для стимулирования зеленого роста уже упомянутый Национальный совет по науке и технологиям разработал и принял **«Национальный генеральный план научных исследований и разработок в области экологически чистых технологий»**.

Правительство Республики Корея определило **27 перспективных технологий** в **6 приоритетных отраслях**, которые были призваны обеспечить рост экономики на уровне 5% в год в течение 10 лет и кардинально изменить ситуацию в экологической сфере.

Критериями включения той или иной технологии в указанный список были — потенциальный вклад в экономический рост, экологическая устойчивость и стратегическое значение.

К таким отраслям и технологиям корейские эксперты отнесли новые информационные технологии (производство полупроводников, дисплеев, мобильную связь 5 поколения, светодиодные технологии, технологии радиочастотной идентификации, сенсорные сети и др.), индустрия интеллектуальных роботов, космические технологии, биотехнология, нанотехнология и др.

Позднее правительство для реализации указанного плана разработало и утвердило **«стратегическую карту коммерциализации зеленых технологий»**, в которой были отражены все этапы разработки технологий, от стадии фундаментальных исследований, испытаний, до внедрения и коммерциализации зеленых технологий.

В документе был прописан механизм финансирования перспективных инноваций и зеленых технологий на каждой стадии.

Правовой основой для реализации стратегии зеленого роста в Южной Корее стал рамочный **«Закон о низкоуглеродном зеленом росте»**, подписанный президентом Ли Мён Баком 10 января 2010 г.

Этот закон, состоящий из семи глав и 64 статей, стал основополагающим, определивший основные направления политики зеленого роста, а также создал необходимую правовую институциональную основу, определил методы мониторинга и контроля выполнения **ключевых показателей эффективности (КПЭ)** стратегии зеленого роста.

Позднее была значительно расширена правовая база обеспечения реализации стратегии зеленого роста, в частности были приняты:

- «Закон о развитии устойчивой транспортной логистики» (2010);
- «Закон о поощрении строительства и использования интеллектуальных сетей» (2011);
- «Закон о поддержке зеленого строительства» (2012);
- «Закон о распределении и торговле квотами на выбросы парниковых газов» (2012);
- «Закон о стимулировании покупки экологически чистых продуктов» (2013) и др.

Второй пятилетний план зеленого роста (2013–2018) и роль «Чеболей» в его реализации

Стоит также упомянуть, что при смене политического руководства с приходом к власти в 2012 г. нового президента Республики Корея **Пак Кын Хе** (2012–2017), зеленый рост остался составной частью парадигмы устойчивой экономики и получил дальнейшее развитие во **«Втором пятилетнем плане зеленого роста»** (2013–2018).

Этот план унаследовал многое от предыдущего пятилетнего плана. Однако в отличие от Первого пятилетнего плана зеленого роста, который был нацелен главным образом на создание институциональной и правовой базы реализации этой стратегии, второй план ставил главной целью завершение перехода страны к зеленой экономике и решение проблем, связанных с борьбой с изменением климата и энергетической безопасностью страны.

После реализации «второго пятилетнего плана зеленого роста» (2013–2018) правительство Южной Кореи в 2019 г. разработало и приняло **отраслевой «Третий генеральный план развития энергетики»**, в котором среди основных целевых показателей было увеличение доли возобновляемых источников энергии в энергобалансе страны до 20% к 2030 г. и до 30–35% к 2040 году.

Эти стратегические зеленые ориентиры обязывали крупные национальными компаниями «**Чеболи**», увеличить долю альтернативной энергии в своем энергопотреблении, поскольку именно ведущие национальные компании во многом определяют структуру энергопотребления в южнокорейской экономике.

Чтобы достичь указанных показателей и осуществить глобальный энергетический переход, в таких отраслях экономики как автомобильная, химическая, и сталелитейная основные корейские «**Чеболи**», разработали и приняли «дорожные карты» по развитию водородной энергетики.³

В последние годы крупные южнокорейские компании стали увеличивать инвестиции в различные сферы водородной энергетики, чтобы сократить выбросы парниковых газов и использовать новые возможности для бизнеса в зеленом секторе.

В этой связи следует отметить южнокорейскую транснациональную компанию «**Hyundai Motor Group**», которая по объему продаж является пятой автомобильной компанией в мире.

За последние двадцать лет южнокорейская фирма достигла впечатляющих результатов по разработке и внедрению в автомобильную отрасль водородных топливных элементов.

У руководства южнокорейского концерна «**Hyundai**», есть свое креативное видение будущего мира. «Мира, в котором городская воздушная мобильность и беспилотные роботизированные машины, и такси произведут революцию в городской транспортной инфраструктуре.

Зеленый водород, зеленые энергосети, зеленые производства. Всё это вместе составляет «**водородное сообщество**», включающее в себя города, регионы и целые страны, производящие доступный и безопасный для окружающей среды вид топлива — водород»⁴.

Финансовые возможности и опыт международной деятельности «**Чеболей**» позволяет им вносить существенный вклад в создания необходимой инфраструктуры для зеленой трансформации экономики, создания новых высококвалифицированных зеленых рабочих мест и использования своих научно-технических разработок для зеленой модернизации традиционных отраслей промышленности

³ В настоящее время есть три способа получения водорода. «Серый» водород обрывается, когда элемент берется из ископаемого топлива, такого как уголь, в то время как «синий» водород производится из природного газа и производит меньше CO₂. «Зеленый» водород — самый чистый сорт, поскольку он использует возобновляемые источники энергии для производства водорода из воды. В настоящее время в Южной Корее более 50 электростанций, работающих на водородных топливных элементах.

⁴ <https://hyundaimotorgroup.com/> (дата обращения: 05.09.2023)

и создания новых зеленых инновационных технологий и целых отраслей экономики.

Зеленый новый курс (2020–2025)

Дальнейшее построение зеленой экономики Республики Корея продолжилось в рамках **«Генерального плана цифровой трансформации»** (Digital New Deal), разработанного профильным Министерством науки, информационных технологий и планирования будущего совместно с учеными и представителями бизнес-сообщества. План был принят руководством страны в 2020 г.⁵

Важным составным элементом этого плана стал — **«Зеленый новый курс»** (Green New Deal), который направлен на превращение экономики Республики Кореи в экономику с нулевым выбросом вредных веществ в атмосферу или как говорят **экономику с нулевым карбоновым следом**.

Почти половина всех финансовых ассигнования в размере 73,4 трлн вон, в том числе 42,2 трлн вон из государственного бюджета страны выделена по этому направлению, где планируется реализовать **8 крупных национальных проектов**, что позволит создать 659 тыс. новых рабочих мест⁶.

⁵ Данный план был объявлен южнокорейским правительством инструментом пост-ковидного восстановления экономики и стратегией построения цифровой экономики. План имеет три субстантивные составляющие. **Новый цифровой курс (Digital New Deal)**, непосредственно связан с цифровой трансформацией общества, с акцентом на дальнейшее развитие цифровых технологий и их внедрения в социально-экономические процессы.

Зеленый новый курс (Green New Deal) направлен на превращение экономики Республики Кореи в экономику с нулевым выбросом вредных веществ в атмосферу или как говорят с экономику с нулевым карбоновым следом.

Надежная система социальной защиты (Stronger Safety Net) модернизация и построение более эффективных систем социальной защиты населения, **формирование полноценного инклюзивного общества**.

Реализация плана рассчитана на пять лет до 2025 г. и **разбита на три этапа: первый — 2020 г.; второй — 2021- 2022 гг.; и третий — 2023–2025 гг.**

На каждом из этапов предусматриваются значительные инвестиции, в том числе государственные ассигнования из бюджета Республики Корея.

Общий **объем инвестиций** на реализацию плана цифровой трансформации в период 2020–2025 гг. запланирован в объеме 160,0 трлн вон, в том числе государственные ассигнования составят 114,1 трлн вон.

Всего в период до 2025 г. правительство Республики Корея планируется реализовать 28 национальных проекта, в том числе 12 проектов по направлению **Новый цифровой курс**, 8 проектов по направлению **Зеленый новый курс** и 8 проектов по направлению **Надежная система социальной защиты**.

⁶ <https://thediplomat.com/2020/06/south-koreas-digital-new-deal/> (дата обращения: 05.09.2023); https://www1.undp.org/content/seoul_policy_center/en/home/presscenter/

Основными целями новой государственной зеленой программы является достижение нулевых выбросов парниковых газов, повышение энергоэффективности и снижение зависимости Республики Корея от высокоуглеродного топлива, которое до сих пор доминирует в ее топливно-энергетическом балансе.

Среди приоритетных сфер зеленого развития Республики Корея на ближайшее десятилетие правительством были определены:

- низкоуглеродная децентрализованная энергетика (зеленая энергетика);
- инновационная зеленая промышленность;
- зеленое городское хозяйство.

Зеленая энергетика

Правовой основой для достижения стратегических целевых показателей по направлению «зеленая энергетика» в Южной Корее является **«Закон о низкоуглеродном зеленом росте»**, подписанный президентом страны еще в 2010 г.

В частности, согласно основным целевым показателям плана к 2030 г. по направлению **низкоуглеродная децентрализованная энергетика** южнокорейской промышленности необходимо будет сократить выбросы в атмосферу парниковых газов на 37% с 857 Мт в 2020 г. до 539 Мт в 2030 г.

Предполагается, что это станет возможным во многом благодаря введенной в Южной Корее в 2015 г. системе **торговли квотами на выбросы парниковых газов**, которая стала первой, законодательно обязательной для реализации системой подобного рода в Восточной и Юго-Восточной Азии.

В настоящее время к этой экологической системе подключено около 600 крупных корейских компаний из сталелитейной, цементной, нефтехимической и нефтеперерабатывающей, энергетической, строительной и авиационной промышленности, на долю которых приходилось примерно 68% всех национальных вредных атмосферных выбросов.

В «зеленом новом курсе» корейское правительство планирует увеличить выработку в стране **электроэнергии за счет возобновляемых источников** в три с лишним раза с 12,7 ГВт в 2020 г. до 42,7 ГВт к 2025 г.

[articles/2019/Collection_of_Examples_from_the_Republic_of_Korea/korean-new-deal-for-the-post-covid-19-era.html](https://www.korea.go.kr/eng/press/articles/2019/Collection_of_Examples_from_the_Republic_of_Korea/korean-new-deal-for-the-post-covid-19-era.html) (дата обращения: 05.09.2023)

В этот период возрастут бюджетные расходы правительства Республики Корея на НИОКР с целью разработки современного инновационного оборудования для оснащения электростанций, использующих возобновляемые источники энергии.

Будут реализованы региональные демонстрационные проекты для развития экосистемы возобновляемых источников энергии и прежде всего в сфере ветровой, солнечной и водородной энергетике.

В сфере **ветровой энергетике** планируется в 13 регионах страны провести технико-экономические исследования и инициировано строительство демонстрационных комплексов, чтобы найти места для крупных оффшорных ветровых электростанций.

В сфере **солнечной энергетике**, будет внедрен проект совместного использования выгод с участием жителей, и будет расширена кредитная поддержка сельских и промышленных комплексов.

Для повышения общей энергоэффективности в течение 15 лет правительство будет работать над установкой солнечных панелей для государственного арендного жилья, школ, детских садов, центров здоровья и медицинских учреждений, всего более 225 тыс. объектов. Кроме того, в этих общественных зданиях будет проведена замена изоляционных материалов на экологически чистые.

В культурных учреждениях, таких как театры, музеи и библиотеки, будут установлены солнечные панели, специальные приборы для снижения энергопотребления, обычное освещение планируется заменить на менее энергоемкое — светодиодное.

В сфере **водородной энергетике**, где Республика Корея занимает одно из ведущих мест в мире, к действующим в настоящее время более 50 электростанций на водородных элементах планируется добавить еще 20 станций. Продолжится совершенствование технологий по выработке водорода и его эффективного использования.

Правительство намерено оказать содействие и финансовую **поддержку 200 тыс. домохозяйствам** для установки объектов возобновляемой энергетике.

Инновационная зеленая промышленность

По направлению **инновационная зеленая промышленность** правительство планирует модернизировать многие промышленные комплексы, превратив их в «умные» и экологически безопасные производственные площадки.

Это позволит на основе современных цифровых технологий повысить производительность труда и энергоэффективностью производственных процессов.

На основе искусственного интеллекта и промышленных дронов планируется внедрить систему удаленного мониторинга для обнаружения выбросов в атмосферу вредных химических веществ.

В период реализации плана будет построено более 100 крупных «умных» экологических заводов и предприятия и 1750 более мелких фабрик минимизирующие выбросы в атмосферу загрязняющих веществ. Между предприятиями будет обеспечено тесное взаимодействие по использованию промышленных отходов в качестве сырья для других производств и для выработки дополнительной энергии.

Эти предприятия планируется оснастить более 9 тыс. рабочих мест установками улавливающие мелкодисперсную пыль, обеспечивающие более комфортные условия труда рабочих.

Правительство также намерено внедрить современную инновационную технологию полного цикла по **производству доступного и безопасного для окружающей среды — водорода** и его последующей утилизации.

Приоритетом будет выпуск самого чистого — «зеленого водорода», сырьем для производства которого является вода. Из природного газа планируется значительно увеличить производство «синего водорода». Будет сокращаться выпуск «серого водорода» из угля, технологический процесс которого считается менее экологичным по сравнению с другими технологиями.

По направлению **инновационная зеленая промышленность в сфере зеленого транспорта** предполагает перевод старых бензиновых и дизельных автомобилей на сжиженный газ, расширение **выпуска электромобилей и автомобилей на водородном топливе**.

В частности, запланировано увеличить производство **электромобилей** с 90 тыс. в 2000 г. до 1,13 млн к 2025 г. при этом будет расширена зарядная инфраструктура для них до 15 тыс. устройств быстрой зарядки и 30 тыс. устройств медленной.

Особое место уделяется **переводу автотранспорта на водородное топливо** за счет расширения его производственной и распределительной базы. Предполагается к 2025 г. произвести 200 тыс. транспортных средств, оснащенных двигателями на водородном топливе.

Это затронет не только легковые автомобили, но и общественный транспорт, в том числе автобусы и грузовые автомобили. Работу

этого нового вида экологически чистого транспорта обеспечат 450 зарядных станций, которыми оснастят крупнейшие города страны.

Разработана **специальная программа по утилизации, отслуживших свой срок автомобилей**. Всего за пятилетний период 2000–2025 гг. планируется утилизировать 1 млн 160 тыс. автомобилей с бензиновыми и дизельными двигателями.

В сфере **зеленого транспорта** планируется перевести 34 речных судов на сжиженный природный газ, на 80 суда, с дизельными двигателями будут установлены дополнительные сажевые фильтры, которые значительно снизят вредные выбросы в атмосферу.

Зеленое городское хозяйство

По направлению **зеленое городское развитие** планируется разработать индивидуальные экологические решения благоустройства окружающей среды для 25 регионов страны.

Правительство намерено оказать помощь местным властям по высадке 630 га леса в качестве природного барьера для мелкодисперсной пыли, а также восстановить экосистемы в 16 национальных парках и в приливно-отливных зонах общей площадью 4,5 тыс. кв. км.

По направлению **«зеленые и умные школы»** будет повышена энергоэффективность старых школьных зданий, главным образом за счет установки солнечных панелей и экологически чистых изоляционных материалов. Кроме того, планируется установка в учебных помещениях современных энергосберегающих устройств.

Будет обеспечено полное **покрытие системой Wi-Fi** свыше 380 тыс. классных комнат, что даст возможность учителям сочетать обычный стационарный учебный процесс с онлайн обучением.

Зеленый водород, зеленые энергосети, зеленые производства, зеленый транспорт всё это вместе формирует в Республике Корея своеобразное **«водородное сообщество»**, включающее в себя заводы, транспорт, целые города и регионы, производящие доступный и безопасный для окружающей среды вид топлива — водород⁷.

В Республике Корея разработан амбициозный проект по созданию так называемых **«водородных городов»**. В рамках реализации этого проекта в 2022 г. было построено три водородных города, а к 2025 г. их количество планируется увеличить в два раза до шести.

⁷ <https://hyundaimotorgroup.com/> (дата обращения: 05.09.2023)

Прототип первого в мире плавучего зеленого города

Одним из крупных креативных проектов в рамках реализации «зеленого нового курса» в Республике Корея является **прототип первого в мире плавучего зеленого города**, который может функционировать автономно, без тесной связи с внешним миром.

Работа над реализацией идеи началась в 2019 г., в 2022 г. был представлен общественности разработанный проект и бизнес-план его реализации. Строительство нового города может занять примерно два года и закончится ориентировочно в 2025 г.

По планам разработчиков проектов новый город на территории примерно в 6 га будет состоять из **трех плавучих островных платформ-районов**, которые будут соединяться с побережьем Пусана.

Платформы плавучего города будут построены из **нового уникального строительного материала**, который тверже бетона, но при этом обладает повышенной плавучестью.

Этот строительный материал, взаимодействуя с водой, самостоятельно восстанавливается и укрепляет свою структуру со временем.

Основные здания на плавучих платформах будут построены из древесины и бамбука. Город будет полностью обеспечивать себя электроэнергией за счет плавающих **фотоэлектрических модулей-панелей и солнечных панелей** на крышах домов. Кроме того, будет использоваться замкнутая схема водоснабжения и безотходная круговая система переработки отходов.

Каждый район плавучего города будет иметь свою функциональную особенность. В частности, в жилой зоне будут только частные дома, в торгово-развлекательном районе расположатся магазины и рестораны, в научно-исследовательской креативной зоне разобьют зимний сад с гидропонными башнями для выращивания овощей.

Планируется, что на территории города первоначально будет проживать около 10 тысяч человек, а в случае успеха размеры города и количество проживающих в нем граждан может увеличиться в 10 раз.

Передвигаться между районами жители и посетители будут пешком или на велосипедах — использование традиционных видов общественного транспорта не планируется.

Проект по созданию альтернативной морской экологической площадки для жизни в Республике Корея был разработан при поддержке **программы ООН, содействующей развитию населенных пунктов** (Хабитат), руководством мегаполиса Пусан и американской

технологической компанией «**Oceanix**». Стоимость реализации инновационного зеленого проекта оценивается в 200 млрд долл.

Создание в Южной Корее плавучего города является частью глобальных стратегий адаптации человечества к климатическим изменениям. Корейцы демонстрируют образец креативного подхода к организации устойчивой жизни в гармонии с природой и с водной стихией.

* * *

Поставленная руководством Республики Корея в начале текущего столетия весьма амбициозная цель по превращению страны в **одну из семи ведущих в мире зеленых экономик** практически достигнута.

Первым и основным результатом проводимой Республикой Корея политики зеленого роста является общее оздоровление окружающей среды и решение многих острых экологических проблем.

Значительно повысилась **энергоэффективность экономики**, что является одним из ключевых результатов перехода на альтернативные источники энергии, в том числе водородное топливо.

Соответственно это дало возможность снизить **энергозависимость** от импорта высокоуглеродного топлива и достижению энергетической безопасности страны.

Благоприятные перспективы также создает **синтез политики повышения экологичности базовых отраслей экономики с социальной политикой**. В частности, в сфере вторичной переработки отходов растет количество социальных предприятий. Они обеспечивают работой тех, кто имеет низкую квалификацию и находится в невыгодном положении на рынке труда.

Поскольку новый зеленый курс делает еще больший акцент на **инклюзивное социальное развитие**, можно ожидать снижения уровня безработицы, в том числе, среди молодежи, и общее повышения уровня жизни населения.

Зеленый рост снижает риски возможности возникновения негативных экономических и социальных потрясений, связанных с экологическими факторами.

Улучшением окружающей среды, подверженность населения заболеваниям, вызванных нездоровой экологией, уменьшается, что в перспективе будет **снижать финансовую нагрузку на систему здравоохранения страны**.

Зеленый рост позволяет **снизить колебания цен на энергетические и природные ресурсы**, создать более благоприятные условия для повышения государственных доходов и консолидации финансовых ресурсов для реализации планов и программ зеленого роста.

Важным результатом реализации зеленого курса являются **изменения в общественном сознании и менталитета граждан Республики Корея**, которые все больше внимания уделяют проблемам окружающей среды и готовы нести дополнительные расходы для борьбы с изменением климата и развития зеленой экономики.

Благодаря успешной реализации долгосрочной стратегии, планов и программ зеленого роста Республика Корея значительно **повысила свой международный авторитет** и встала в авангарде ведущих держав мира, которые активно борются с изменением климата.

Республика Корея взяла на себя ведущую роль **в оказании помощи развивающимся странам** в разработке и реализации стратегии зеленого роста, используя свой успешный опыт.

В период реализации Генерального плана цифровой трансформации экономики Республики Корея (2020–2025) предполагается **увеличить занятость** и создать к 2025 г. в экономике 1,9 млн **новых высококвалифицированных рабочих мест**, в том числе по направлению **Новый цифровой курс** — 903 тыс., по направлению **«Зеленый новый курс»** — 659 тыс. и по направлению **Надежная система социальной защиты** — 339 тыс. человек.

Очевидно, что весьма амбициозные цели и задачи, поставленные в этом плане, в случае их успешной реализации позволят Южной Корее не только сохранить статус ведущей мировой инновационной державы, но и достичь новых высот в развитии цифровой экономики, формировании креативного класса, стать одной из ведущих мировых держав в области устойчивого развития и зеленого роста, а также создания **нового инклюзивного эко-позитивного зеленого сообщества**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианов В.Д. Основные этапы создания «зеленой экономики» в Южной Корее // Общество и экономика. 2023. № 6. С. 123–133. DOI: 10.31857/S020736760025992-0
2. Андрианов В.Д. Эволюция политики зеленого роста в Республике Корея // Проблемы и перспективы развития зеленой экономики. Кыргызско-Российский Славянский университет Республика Кыргызстан, г. Бишкек, 2022. С. 25–47.

3. Андрианов В.Д. Республика Корея: от креативной к цифровой экономике // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник / Под ред. В. Герасимова, С.Ю. Глазьева. Т. 5, вып. 5. Ч. 1. М., 2022. С. 766–787.
4. Андрианов В.Д. Концептуальные подходы к разработке Стратегии устойчивого развития экономики России до 2030 года // Общество и экономика. 2016. № 7. С. 5–36.
5. Андрианов В.Д. «Зеленые» тренды в деятельности коммерческих банков и финансовых институтов развития // Бизнес и банки. 2013. № 3. Февраль.
6. Ким Енгпэ. Время инноваций / Ким Енгпэ, ЧонгКухен. Сеул, 2016 (на кор. яз.).
7. Пак Чханки. Инновационная экономика Кореи / Пак Чханки. Сеул, 2012 (на кор. яз.)
8. Ричард Флорида. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2011 г. 430 с
9. Хан Ёнъгу. История Кореи: новый взгляд; перевод с корейского / Под ред. М.Н. Пака. М., 2010. 758 с.
10. Финансовые институты развития: особенности стратегического управления / Под ред. В.Д. Андрианова. М., 2013. 278 с.
11. Andrianov V.D. The Role of International and Regional Development Banks in the Industrialization and Modernization of South-East Asia / Andrianov V.D. // Far Eastern affairs. 2018. № 5. P. 48–54.
12. Bank of Korea launches legal advisory panel for digital currency // The Korea Times. 15 June 2020.
13. Bloomberg Innovation Index — 2014–2023. (www.bloomberg.com, дата обращения: 05.09.2023)
14. Global Green New Deal — A Policy Brief, UNEP (United Nations Environment Programme), Mach, 2009.
15. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1532328> (дата обращения: 05.09.2023)
16. <https://hyundaimotorgroup.com/> (дата обращения: 05.09.2023)
17. https://read.oecd-ilibrary.org/industry-and-services/industry-and-technology-policies-in-korea_9789264213227-en (дата обращения: 05.09.2023)
18. <https://thediplomat.com/2020/06/south-koreas-digital-new-deal/> (дата обращения: 05.09.2023)
19. https://www1.undp.org/content/seoul_policy_center/en/home/presscenter/articles/2019/Collection_of_Examples_from_the_Republic_of_Korea/korean-new-deal-for-the-post-covid-19-era.html (дата обращения: 05.09.2023)
20. Industry and Technology Policies in Korea, OECD Publishing [Electronic resource] // OECD. 2014.
21. John Anthony Howkins. The Creative Economy: How People Make Money from Ideas, Penguin Global, 1 June 2002.
22. VISION 2025. Korea's Long-Term Plan for Science and Technology Development [Electronic resource]. 178 p.

REFERENCES

1. Andrianov V.D. *Osnovnye jetapy sozdaniya «zelenoj jekonomiki» v Juzhnoj Koree* [The main stages of building a sustainable economy in South Korea] // *Obshhestvo*

- i jekonomika [Society and economy]. 2023. № 6, pp. 123–133. DOI: 10.31857/S020736760025992-0 (In Russ.)
2. Andrianov V.D. “Zelenye” trendy v dejatel’nosti kommercheskih bankov i finansovyh institutov razvitija [“Green” trends in the activities of commercial banks and financial development institutions] // Business and Banks. No. 3, February 2013 (In Russ.)
 3. Andrianov V.D. *Jevoljucija politiki zelenogo rosta v Respublike Koreja* [The evolution of green growth policy in the Republic of Korea] // Problemy i perspektivy razvitija zelenoj jekonomiki [Problems and prospects for the development of the green economy] Kyrgyz-Russian Slavic University Republic of Kyrgyzstan. Bishkek. 2022, pp. 25–47. (In Russ.)
 4. Andrianov V.D. *Konceptual’nye podhody k razrabotke Strategii ustojchivogo razvitija jekonomiki Rossii do 2030 goda* [Conceptual approaches to the development of the Strategy for Sustainable Development of the Russian Economy until] // Obshhestvo i jekonomika [Society and economy]. 2016. № 7, pp. 5–36. (In Russ.)
 5. Andrianov V.D. *Respublika Koreja: ot kreativnoj k cifrovoj jekonomike* [Republic of Korea: from creative to digital economy] // Bol’shaja Evrazija: Razvitie, bezopasnost’, sotrudnichestvo. Ezhegodnik [Greater Eurasia: Development, security, cooperation. Yearbook] / Ed. V. Gerasimov, S.Yu. Glazyev. Vol. 5 from Issue. 5. Part 1. Moscow, 2022, pp. 766–787. (In Russ.)
 6. Andrianov V.D. *The Role of International and Regional Development Banks in the Industrialization and Modernization of South-East Asia* / Andrianov V.D. // Far Eastern affairs. 2018. № 5. pp. 48–54.
 7. Bank of Korea launches legal advisory panel for digital currency // The Korea Times. 15 June 2020.
 8. Bloomberg Innovation Index — 2014–2023 (www.bloomberg.com, date of visit: 05.09.2023)
 9. Florida R. *The Rise of the Creative Class: And How It’s Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. Moscow, 2011. 430 p. (In Russ.)
 10. Global Green New Deal — A Policy Brief, UNEP (United Nations Environment Programme), Mach, 2009.
 11. Han Yonggu. *Istorija Korei: novyj vzgljad* [History of Korea: a new look]; translation from Korean ed. M.N. Pack. Moscow, 2010. 758 p.
 12. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1532328> (date of visit: 05.09.2023)
 13. <https://hyundaimotorgroup.com/> (date of visit: 05.09.2023)
 14. https://read.oeci-ilibrary.org/industry-and-services/industry-and-technology-policies-in-korea_9789264213227-en (date of visit: 05.09.2023)
 15. <https://thediplomat.com/2020/06/south-koreas-digital-new-deal/> (date of visit: 05.09.2023)
 16. https://www1.undp.org/content/seoul_policy_center/en/home/presscenter/articles/2019/Collection_of_Examples_from_the_Republic_of_Korea/korean-new-deal-for-the-post-covid-19-era.html (date of visit: 05.09.2023)
 17. Industry and Technology Policies in Korea, OECD Publishing [Electronic resource] // OECD. 2014.
 18. John Anthony Howkins. *The Creative Economy: How People Make Money from Ideas*, Penguin Global, 1 June 2002.
 19. Kim Y. Time of Innovation / Kim Y., Chong K. Seoul, 2016 (In Korean).
 20. Park Chang-ki. Innovation Korean Economy. Seoul, 2012 (In Korean).

21. VISION 2025. Korea's Long-Term Plan for Science and Technology Development [Electronic resource]. 178 p.
22. *Finansovye instituty razvitiya: osobennosti strategicheskogo upravleniya* (Financial development institutions: features of strategic management) / Ed. V.D. Andrianov. Moscow, 2013. 278 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.09.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 26.10.2023.

The article was submitted 06.09.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 26.10.2023.

ОБ АВТОРЕ

Андреанов Владимир Дмитриевич — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАН, заслуженный экономист России; andrianov_vd@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir D. Andrianov — PhD (Economics), Professor of the Department of Economics and Economic Geography of Asian and African Countries Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Economist of Russia; andrianov_vd@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-11

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: «ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ». М.П. КУКЛА, Л.Е. КОЗЛОВ, Е.М. ЕРМОЛАЕВА, К.А. ПАК, В.И. ВОЛОЩАК

К.В. Асмолов

*Институт Китая и современной Азии РАН; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
asmolov@iccaras.ru*

Аннотация: Представлена рецензия на книгу: Внешняя политика и дипломатия Республики Корея / М.П. Кукла, Л.Е. Козлов, Е.М. Ермолаева, К.А. Пак, В.И. Волощак; под общей редакцией М.П. Куклы. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2022. 252 с.

Ключевые слова: внешняя политика, история дипломатии, Республика Корея, идеологические основы внешней политики

Для цитирования: Асмолов К.В. Рецензия на книгу: «Внешняя политика и дипломатия Республики Корея: учебное пособие». М.П. Кукла, Л.Е. Козлов, Е.М. Ермолаева, К.А. Пак, В.И. Волощак // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 3. С. 180–184. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-11.

BOOK REVIEW: FOREIGN POLICY AND DIPLOMACY OF THE REPUBLIC OF KOREA. M.P. KUKLA, L.E. KOZLOV, E.M. ERMOLAEVA, K.A. PAK, V.I. VOLOSHCHAK

Konstantin V. Asmolov

*Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; asmolov@iccaras.ru*

Abstract: A review of the book: Foreign Policy and Diplomacy of the Republic of Korea / M.P. Kukla, L.E. Kozlov, E.M. Ermolaeva, K.A. Pak, V.I. Voloshchak; under the general editorship of M.P. Kukla. Vladivostok: Far Eastern Federal University Publishing House, 2022. 252 p.

Keywords: foreign policy, history of diplomacy, Republic of Korea, the ideological foundations of foreign policy

For citation: Asmolov K.V. Book review: Foreign policy and diplomacy of the Republic of Korea. M.P. Kukla, L.E. Kozlov, E.M. Ermolaeva, K.A. Pak, V.I. Voloshchak. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2023, Vol. 67, No. 3, pp. 180–184. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-11 (In Russ.)

В конце 2022 г. в издательстве Дальневосточного федерального университета было опубликовано учебное пособие «Внешняя политика и дипломатия Республики Корея», в работе над которым приняли участие сотрудники кафедры корееведения и ВИ-ШРМИ ДВФУ.

Появление этого пособия было необходимым, учитывая большое количество студентов, поступающих на кафедру корееведения, однако помимо локальных нужд, оно позволяет решить проблему, связанной с отсутствием или дефицитом учебных пособий, посвященных страноведческим дисциплинам вообще. Не секрет, что если учебных пособий или курсов лекций по истории или даже политической системе Кореи в целом хватает, то материалы, посвященные географии, экономике и внешней политике, начали выходить в широкий доступ только в 2022–2023 гг., во многом стараниями ДВФУ, который намерен создать свою линейку учебников, авторами которых выступают специалисты, читающие студентам указанные курсы.

В 2022 г. М.П. Кукла выпустила учебник «Экономика Республики Корея», который был опубликован почти одновременно с аналогичным учебным пособием МГИМО авторства Л.В. Захаровой и А. Коргун, а в 2023 г. вышли работа И.А. Толстокулакова по физической географии Кореи и не сильно отличающийся сборник статей «Общественная география государств Корейского полуострова» под редакцией Л.Е. Козлова. Таким образом, учебное пособие по внешней политике и дипломатии РК является не уникальным текстом самим по себе, но, что еще более ценно, звеном в цепи материалов, которое обеспечивает желающим глубоко проникнуть в корейский контекст его комплексное понимание.

Структура работы соответствует ее задачам. Первая и вторая главы посвящены истории корейской дипломатической службы до освобождения страны. Здесь довольно емко описываются как квази-дипломатические модели, существовавшие до открытия страны, так и история становления дипломатической службы, включая дипломатический протокол в «имперский» период. Третья глава посвящена становлению южнокорейской дипломатии с точки зрения развития ее организационного аппарата; описываются как основные,

так и вспомогательные дипломатические институты, подробно расписаны внутренняя структура МИД и процесс отбора на госслужбу.

Исторические разделы представляют большой интерес, и многие факты впервые введены в научный оборот, особенно когда речь идет о биографиях и персоналиях первых корейских дипломатов. Хорошо показаны и трудности, с которыми сталкивалось внедрение современного дипломатического протокола в традиционной Корее, а также то, как формировался корпус дипломатов после освобождения страны, в том числе — какие места в нем занимали представители группировки *чхинильпха* или личное окружение Ли Сынмана. Это хорошо позволяет понять основы, на которых строится современная дипломатическая служба.

Не меньший интерес представляет описание дипломатического протокола и дипломатической службы в тот короткий период, когда Корея провозгласила себя империей и должна была создавать собственный протокол: вырабатывая новую терминологию, не связанную с термином *ван*. Данный раздел также содержит истории о жизни и впечатлениях корейских посланников за рубежом: так, российским читателям известно имя Ли Бомчжина, но о дипломатической активности Ким Мансу или Ким Тыннёна у нас почти неизвестно.

Важным представляется упоминание резолюции ООН от 12 декабря 1948 г., в которой четко указывалось, что хотя правительство Республики Корея создано путем «свободных выборов», оно не представляет весь Корейский полуостров (с. 69). Хорошо показано и то, что признание РК «всем дипломатическим сообществом» отнюдь не было мгновенным.

К сожалению, некоторые частные моменты изложены не совсем корректно. Так, на с. 52 предполагается, что американский советник Д.В. Стивенс был убит за то, что в начале периода протектората он занимался вопросами корейской внешней политики. Это не совсем так. Стивенс был направлен государем Кочжоном в США для противодействия японской политике, однако вместо политического лоббизма в пользу империи Тэхан, он обличал ее пороки и коррупцию и превозносил «цивилизаторскую роль» японцев, что вызвало возмущение корейских патриотов настолько, что два человека, не зная друг о друге, организовали на него покушение, которое лишь усилило антикорейские настроения в американском истеблишменте.

На с. 54 транслируется патриотическая версия смерти Ли Чжуна, хотя, как известно сегодня, он не покончил с собой в Гааге, а умер от болезни. Хотя в остальном исторический раздел интересен и не содержит стержневых ошибок.

Весьма важной нам представляется четвертая глава, посвященная идеологическим основам внешней политики РК. Здесь разбираются основные идеологические элементы внешней политики, будь то конфуцианство, национализм или попытки двигаться между принципами «служения старшему», вплоть до попыток обеспечить РК определенную стратегическую автономию в контексте концепции «державы средней силы». Отмечается и воздействие фракционизма, и то, что на внешнюю политику влияет ограниченный срок президентских полномочий.

Отдельно авторы обращают внимание на внешнеполитические установки политической элиты, а также основные элементы идеологических воззрений двух основных политических лагерей (консерваторов и «демократов»), руководивших страной в XXI в.

Понятно, что учебник заканчивается периодом президентства Мун Чжэина, и изменения во внутривластной сфере, связанные с возвращением к власти консерваторов, отражены не были, поскольку окончательное согласование текста и время на выход в печать требовали усилий. Но именно благодаря данной главе возможные направления политики Юн Сокёля и их последствия становятся понятнее.

В целом, третья и четвертая глава дают представления о развитии внешней политики РК со структурной точки зрения, и потому последующие главы выстроены уже не по хронологическому принципу, а описывают ключевые направления, по которым осуществляется дипломатическая активность РК. Пятая глава повествует об оборонной политике и военной дипломатии, выявляя международные военно-политические связи страны. Шестая глава посвящена межкорейскому направлению, причем описаны не только дипломатическая активность, но и политика РК в отношении «перебежчиков с Севера». Седьмая глава касается внешнеэкономической политики и экономической дипломатии. При этом, авторы успели подробно описать не только внешнеэкономические связи РК, но и влияние пандемии коронавируса на экономику.

В каждом из разделов указываются официальные документы, на основании которых строится политика в той или иной сфере, ключевые акторы, связанные со сферой данной политики, а также то, где в рамках структуры МИД (и не только) происходит исследование конкретных вопросов.

Восьмая глава посвящена участию РК в международных организациях: как в формальных (в ООН или ВТО), так и в неформальных («большая двадцатка»). В отдельные разделы выделены «АСЕАН-центричные форматы» и организации, связанные с экономическим

сотрудничеством. Последняя, девятая глава, посвящена публичной и культурной дипломатии, в том числе «дипломатии знаний», спортивной дипломатии и политике в отношении корейской диаспоры за рубежом. Все это позволяет создать комплексное впечатление о внешней политике РК, не упуская каких-либо форумов внешнеполитической активности.

Что касается недостатков, помимо отмеченных выше неточностей их немного. Так, на с. 74 текст составлен так, что может создаться неверное представление о том, что Олимпийские игры 1988 г. прошли в период президентства Чон Духвана. Иногда авторы используют свои варианты перевода или транскрипции, не совпадающие с общепринятыми. Фамилия первого посла США в РК посла Муччио или Муччо почему-то звучит как «Мучо», а доктрина «денуклеаризация — открытость — 3000» как «безъядерная. Открытая. 3000» (с. 105). Но все подобные огрехи не оказывают определяющего влияния на оценку работы.

Подведем итог. Авторы проделали огромную работу, уместив большой объем профессиональных знаний в 250 страниц. Суметь кратко, но емко объяснить большую тему — есть признак высокой научной компетенции. При этом, работа хорошо сделана именно как пособие, в котором каждая из глав включает в себя описание ключевых релевантных персоналий, наиболее важные термины с корейским переводом, список литературы и источников и вопросы для самопроверки. Это позволяет вместо копания в общем списке литературы и источников сразу же найти материалы, нужные для конкретного направления. Таким образом, мы имеем дело с комплексным трудом, хорошо выполняющим как просветительскую, так и образовательную функции.

Рецензия поступила в редакцию 16.09.2023; принята к публикации 26.10.2023.

The review was submitted 16.09.2023; accepted for publication 26.10.2023.

ОБ АВТОРЕ

Асмолов Константин Валерианович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН; сотрудник Международного учебно-научного центра корееведческих исследований ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; asmolov@iccaras.ru

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Asmolov — PhD in History, leading researcher at the Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences; researcher at the International Educational and Scientific Center for Korean Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; asmolov@iccaras.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-12

МЕЖВУЗОВСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММ ДПО И НОВЫЕ КОНТАКТЫ

**Е.Ю. Бессонова, Е.Н. Кондратьева,
С.А. Кондрашевский, А.В. Кудряшова, А.А. Сергеева**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; olesyaelena29@gmail.com; kondratelena@yahoo.com;
kondrashevsky@gmail.com; nasubi.kalavinka@gmail.com;
unanimity-sa@hotmail.com*

Ключевые слова: сотрудничество вузов, программы ДПО, ключевые методики, общетеоретические и практические вопросы преподавания восточных языков

Для цитирования: Бессонова Е.Ю., Кондратьева Е.Н., Кондрашевский С.А., Кудряшова А.В., Сергеева А.А. Межвузовское сотрудничество: реализация программ ДПО и новые контакты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 3. С. 185–192. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-3-12.

INTERUNIVERSITY COOPERATION: IMPLEMENTATION OF FURTHER EDUCATION PROGRAMS AND NEW CONTACTS

**Elena U. Bessonova, Elena N. Kondratyeva,
Sergei A. Kondrashevsky, Anastasiya V. Kudryashova,
Aleksandra A. Sergeeva**

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
olesyaelena29@gmail.com; kondratelena@yahoo.com;
kondrashevsky@gmail.com; nasubi.kalavinka@gmail.com;
unanimity-sa@hotmail.com*

Keywords: cooperation between universities, additional education programs, key methods, general theoretical and practical issues of teaching Oriental languages

For citation: Bessonova E.U., Kondratyeva E.N., Kondrashevsky S.A., Kudryashova A.V., Sergeeva A.A. Interuniversity cooperation: implementation of further

Сотрудничество и взаимодействие вузов является доброй многолетней традицией и выступает залогом их успешного функционирования и развития. Межвузовское сотрудничество формируется при решении определенных задач, реализации совместных проектов и программ, достижении конкретных поставленных целей. Именно такой стала перспективная программа ДПО «Теория и методика преподавания восточных языков», запущенная Институтом истории и международных отношений (далее — ИИМО) Алтайского государственного университета (АлтГУ) в рамках проекта «Языковые коммуникации в диалоге России со странами Азии» и при поддержке программы развития «Приоритет 2030». Организатором проведения курса стал Региональный лингвистический центр по изучению восточных языков «Белый лотос» кафедры востоковедения ИИМО. Китайское направление Омского государственного педагогического университета представила Иоффе Т.В. От Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова были приглашены наши коллеги в качестве ведущих экспертов данной программы, которые прочли свои лекции и провели мастер-классы. Старший преподаватель кафедры китайской филологии, Кондрашевский С.А., выступил с рядом лекций, охватывающих следующие актуальные проблемы: возможность отказа от иероглифики в рамках современного китайского языка для носителей языка, а также для изучающих китайский язык в качестве иностранного; возможные причины ряда сложностей, возникающих у изучающих китайский язык в связи с особенностями его письменности; особая роль, которую играет моторная составляющая в процессе освоения китайского языка вне языковой среды. В качестве иллюстраций слушателям были предложены реальные случаи из опыта кафедры китайской филологии. Были предложены рекомендации методологических подходов к анализу иероглифического материала, основанные на осторожном использовании мнемонических методик и ориентации на более аналитический подход в изучении знаков китайской письменности. Также был дан обзор истории создания учебных пособий по китайскому языку, разрабатывавшихся в стенах кафедры китайской филологии начиная с 1956 по 2023 годы. Был представлен расширенный комментарий по современной ситуации в сфере формирования учебной программы по преподаванию китайского языка в ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. Старший научный сотрудник Сергеева А.А. рассказала о структуре

совместных учебных пособий на китайском языке: «Страноведение Китая: история и современность» и «Чтение», а также о методике преподавания и подготовке школьников к Всероссийской олимпиаде по китайскому языку в рамках данных аспектов. Были освещены основные задачи и вызовы, решаемые коллективом тренеров, что вызвало большой интерес и горячую дискуссию среди слушателей. Оказалось, что в разных регионах нашей страны организаторы и проверяющие эксперты Олимпиад сталкиваются с рядом одинаковых проблем: участие носителей языка, необходимые дополнительные занятия по набору олимпиадной лексики, которая далеко выходит за границы изучаемой в школе, и ряд других препятствий. Также были обсуждены со слушателями особенности некоторых педагогических и психологических проблем в работе со школьниками старших классов и пути их разрешения.

От кафедры японской филологии выступили два человека — доцент, кандидат филологических наук, Бессонова Е.Ю. и доцент, кандидат филологических наук, Кудряшова А.В. В ходе прочитанных лекций и практических занятий доцент кафедры японской филологии, Бессонова Е.Ю., поделилась своим более чем 20-летним опытом преподавания японского языка в Институте стран Азии и Африки МГУ, особое внимание уделив начальному уровню обучения. В темы практических занятий вошли «методика преподавания иероглифики на начальном этапе», «методика преподавания грамматики на начальном этапе», в ходе которых были представлены ключевые методические наработки, возможные задания по данным темам. Надо отметить большой интерес со стороны слушателей, конструктивный диалог и возможность дальнейшего обмена опытом. Также было проведено занятие по теме «страноведческий аспект в процессе преподавания и практики японского языка», в рамках которого рассматривались возможности введения в практические языковые занятия элементов страноведения, а именно освоение японской ментальности через языковые элементы. Внимание было уделено разноуровневым клише в процессе преподавания языка, например, пословицам, поговоркам, клишированным элементам бытового диалога. Во время выступлений Бессонова Е.Ю. поделилась опытом составления учебных пособий и учебников, представив учебное пособие «Иероглифика. Учебное пособие для повторения иероглифов начального курса», учебно-методическое пособие «Структурные и языковые особенности японского эпистолярного текста», пособия по введению и практике лексики определенной тематики «Лексический минимум. Язык политики (японский язык)». Также в ходе общения с аудиторией во время проведения программы

были представлены учебники и учебные пособия, авторами которых являются преподаватели кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки. Отдельно была затронута тема использования имеющихся учебных пособий для реализации языковых программ, рассчитанных на разное количество часов в неделю, за семестр, а именно адаптация учебных пособий под определенные методические цели. Однако было отмечено, что самыми эффективными учебниками и учебными пособиями являются те, которые составлены под конкретные языковые программы учебных заведений. Весьма вероятно, что в дальнейшем на кафедре востоковедения ИИМО будет составлено учебное пособие в соответствии с учебной программой, разработанной этой кафедрой, при этом со своей стороны преподаватели ИСАА были бы рады поучаствовать в совместной разработке данного пособия. Доцент кафедры японской филологии Кудряшова А.В. прочитала лекции на темы «Роль теории и практики в методике преподавания японского языка» и «Основы каллиграфии и особенности правописания японской азбуки и иероглифики». В них были освещены такие проблемы, как лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения японского языка, подчеркнуто, что на разных этапах обучения необходимо умело комбинировать и сочетать теоретические и практические знания, подкрепляя теорию практикой и выводя из практики теоретические построения. Особое внимание было уделено соотношению устного и письменного аспекта на разных этапах изучения языка (от начального до продвинутого уровня). В качестве примеров были рассмотрены основные базовые навыки — говорение, слушание, письмо и чтение. В ходе лекции «Основы японской каллиграфии» были рассмотрены основные базовые приемы и особенности правописания знаков японской азбуки *кана* и иероглифов, была дана характеристика трем стилям — устав, полуустав, скоропись, а также были приведены некоторые практические приемы по выработке навыков правописания у русскоговорящих учащихся. На практических занятиях Кудряшова А.В. поделилась опытом преподавания грамматики и иероглифики японского языка на продвинутом этапе (3–4 курс вуза), рассмотрела некоторые практические приемы по формированию навыков преподавания японского языка с привлечением различных методик и подходов. Были представлены учебные пособия, изданные как в Японии, так и в России, рассказано об упражнениях для изучения грамматики и иероглифики повышенной сложности. В качестве упражнений слушателям было предложено более десятка заданий, таких, как, например, исправление предложений с учетом уровня вежливости, выбор правильного варианта предложения или грамматических

форм из нескольких, составление текста из отдельных абзацев, предварительно предложенных в неправильном порядке. Особую трудность представляли задания на выбор соответствующего варианта грамматических форм, в которых оба варианта являлись правильными, но были ситуативно по-разному обусловлены. Такие примеры показывали сильную степень зависимости японской грамматики от той или иной ситуации, когда в разных контекстах одна и та же грамматическая форма могла быть воспринята и переведена на русский язык по-разному. Слушатели с большим интересом попробовали свои силы в оттачивании грамматических и иероглифических навыков на конкретных примерах. В ходе практических занятий участники программы на собственном опыте смогли убедиться, что основной задачей преподавателя является умение правильно подбирать материал в соответствии с уровнем учащихся, глубоко и детально разбирать все возникающие вопросы и после закрепления достигать уровня самостоятельного порождения ими данной грамматической модели на предлагаемом примере (в конкретной ситуации). Также было подчеркнuto, что на продвинутом этапе изучения японского языка студентам необходимо оттачивать навыки понимания и владения вежливой речью (повышенная вежливость, нейтральная вежливость, скромная речь) и разговорной (в том числе фамильярной) речью; развивать способность анализировать крупные тексты с точки зрения структуры и выделять в них основную и побочную сюжетные линии, логику повествования, мысль и позицию автора. Особый интерес у слушателей программы вызвал блок лекционных и практических занятий, посвященных японскому эпистолярному стилю. Если в лекционной части (доц. Бессонова Е.Ю.) была подробно рассмотрена проблема значимости социальных связей в японском обществе, частью которого является переписка и письменное общение, представлены образцы письмовников, то на практическом занятии (доц. Кудряшова А.В.) были предложены различные варианты написания писем на японском языке с целью выработки у слушателей навыков перевода с русского на японский и с японского на русский конкретных образцов эпистолярного жанра. Особое внимание было уделено практике самостоятельного написания новогодней открытки на японском языке.

От кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии выступила доцент, кандидат филологических наук, Кондратьева Елена Николаевна. Корейская часть программы ДПО в основном была ориентирована на общетеоретические вопросы корейского языка. В лекциях подробно обсуждались вопросы генеалогии, родственных связей корейского языка с другими языками

алтайской семьи. Слушатели обсудили, как в процессе преподавания современного языка можно использовать эту информацию, какие языковые параллели можно проводить для студентов, и какие перспективы языковых исследований открываются в этой области. Также обсуждались и вопросы типологии, что видится весьма полезным как для преподавателей-филологов, так и для представителей других областей науки. Отдельное внимание в курсе было уделено вопросам транскрипции и транслитерации корейского языка. Без преувеличения можно сказать, что это один из самых насущных и проблемных аспектов в области корееведения. Слушателям были представлены не только русские практические транскрипции, но и основные системы романизации корейского языка, рассмотрены принципы, лежащие в основании той или иной системы, отдельно показаны их сильные и слабые стороны, а также области применения каждой из этих систем. Отдельный блок лекций был посвящен истории корейского языка, вопросам изобретения корейского письма, а также сложной языковой ситуации, в которой пребывала Корея на протяжении всей истории своего существования. С этим блоком были тесно связаны лекции, посвященные изучению иностранных языков в средневековой Корее, а также развитию литературной традиции и книгопечатания на корейском полуострове.

Данная программа ДПО, прошедшая с 20 июня по 7 июля 2023 г., привлекла внимание широкого круга слушателей. Слушателями программы выступили молодые преподаватели восточных языков вузов Алтайского края (Алтайский государственный университет, Алтайский государственный педагогический университет, Алтайская академия гостеприимства), Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, руководителей и преподавателей лингвистических центров Барнаула, а также студентов и магистрантов Алтайского государственного университета, планирующих связать свою профессиональную деятельность с преподаванием восточных языков. В целом хотелось бы отметить очень позитивный подход и большой интерес аудитории, сотрудников и студентов ИИМО к прочитанным лекциям и практическим занятиями и поблагодарить организаторов и слушателей за предоставленную возможность выступить в качестве преподавателей-экспертов в рамках программы дополнительного профессионального образования кафедры востоковедения ИИМО Алтайского государственного университета. Лекции читались как в формате оффлайн, так и онлайн. По окончании визита прошла встреча с ректором АлтГУ, на котором было подписано соглашение о сотрудничестве между ИСАА МГУ и АлтГУ. Ректор АлтГУ, Сергей Николаевич Бочаров, подчеркнул, что сегодня из-

учение восточных языков актуально как никогда. Те редкие знания, которым обладают востоковеды, должны переходить в широкие массы и укреплять азиатский вектор, который развивает нашего государство. Огромную работу по формированию и реализации программы ДПО взяла на себя кафедра востоковедения АлтГУ и конкретно заведующая кафедрой Юлия Александровна Лысенко, которой мы бы хотели выразить свою огромную благодарность и признательность. Организаторы этой программы подчеркивают, что ДПО «Теория и практика преподавания восточных языков» направлена на освоение новых профессиональных компетенций, необходимых для реализации профессиональной деятельности в области преподавания восточных языков. Получение систематизированных знаний по актуальным методологическим и научно-практическим проблемам методики преподавания восточных языков, знакомство с новыми современными технологиями и методиками преподавания восточных языков стало основной целью программы.

Жизненная практика показывает, что сотрудничество и взаимодействие вузов является одним из существенных условий для успешного выполнения своей основной задачи: создания единой образовательной среды, способствующей развитию академических и студенческих связей, интеграции с научными организациями, повышения эффективности деятельности высших учебных заведений, реализации их участия в социально-экономическом, образовательном и культурном развитии своего региона и страны в целом.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023; принята к публикации 26.10.2023.

The article was submitted 14.08.2023; accepted for publication 26.10.2023.

ОБ АВТОРАХ

Бессонова Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры японской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; olesyaelena29@gmail.com

Кондратьева Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; kondratelena@yahoo.com

Кондрашевский Сергей Александрович — старший преподаватель кафедры китайской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; kondrashevsky@gmail.com

Кудряшова Анастасия Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры японской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; nasubi.kalavinka@gmail.com

Сергеева Александра Александровна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры китайской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; unanimity-sa@hotmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Elena U. Bessonova — Candidate of Philological Science, Associate Professor, Department of Japanese Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; olesyaelena29@gmail.com

Elena N. Kondratyeva — Candidate of Philological Science, Associate Professor, Department of Philology of South-East Asia, Korea and Mongolia, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; kondratelena@yahoo.com

Sergei A. Kondrashevsky — Senior Teacher, Department of Chinese Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; kondrashevsky@gmail.com

Anastasiya V. Kudryashova — Candidate of Philological Science, Associate Professor, Department of Japanese Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; nasubi.kalavinka@gmail.com

Aleksandra A. Sergeeva — Candidate of Political Science, Senior Researcher, Department of Chinese Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; unanimity-sa@hotmail.com

ISSN 0201-7385

ISSN 0320-8095

ИНДЕКС 71013 (каталог «Роспечать»)

ИНДЕКС 40552 (каталог «Пресса России»)

ISSN 0201-7385. ISSN 0320-8095

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 13. ВОСТОКОВЕДЕНИЕ. 2023. № 3. 1–192.